

**ПРАВО И ПРАКТИКА. Журнал Кубанской коллегии адвокатов
адвокатской палаты Краснодарского края. 2013. №4. – 111 с.**
Свидетельство о регистрации ПИ №ФС 10-5888 от 17 февраля 2005 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УПОРОВ И.В. ИСТОРИКО-МЕНТАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА В РОССИИ И УСЛОВИЯ ЕГО ТРАНСФОРМАЦИИ В ПРАВОВОЙ ПОЗИТИВИЗМ	4
ХОЛОДНЫЙ М.А. КРЕСТЬЯНСКОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ И ОТНОШЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТряСЕНИЙ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX СТОЛЕТИЯ	9
ТУРИЦЫН И.В., УПОРОВ И.В. ВИДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ, ПРИМЕНЯЕМОГО ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ, И ПРИНЦИПЫ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ	21

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

КОЛИЕВА А.Э. ПОНЯТИЕ И ДИНАМИЧНОСТЬ РАЗВИТИЯ ФИДУЦИАРНЫХ ДОГОВОРОВ	28
---	-----------

ТРУДОВОЕ ПРАВО

САПФИРОВА А.А., ЭРТЕЛЬ А.Г. ПРАВОВОЕ РАЗГРАНИЧЕНИЕ «ВНУТРЕННИХ» ПОЛНОМОЧИЙ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНСПЕКЦИИ ТРУДА В СУБЪЕКТЕ РФ: СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ	34
---	-----------

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

НЕФЕДОВСКИЙ Г.В. К ПРОБЛЕМЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА, КАК СУБЪЕКТА ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	40
СОЛОВЬЕВА С.В. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ	44
КОЛИЕВ В.В. МЕТОДИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ЦЕЛЯХ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ И В РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	49

КОНСТИТУЦИОННОЕ, МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

ЭФРИКЯН Р.А., ШИШКИНА Е.В. КОМПЕТЕНЦИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОЙ СФЕРЕ	52
--	-----------

ВЛАСЕНКО Е.Е. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ	58
БОЗИЕВА Е.А. ПРАВОВОЙ СТАТУС СУБЪЕКТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СОЗДАВАЕМЫХ ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ	61
ПРОВОЗИН А.В. ПРАВОВОЙ СТАТУС МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНЫХ УСЛОВИЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ	66

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

ВЯЗОВСКАЯ Т.Н. ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	73
---	-----------

ФИЛОСОФИЯ

САВИНА С.В. ПРОБЛЕМНОСТЬ НАУЧНОЙ РЕФЛЕКСИИ СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА	79
ЭРТЕЛЬ А.Г., САВИНА С.В. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ КОНФЛИКТАМИ КАК СОЦИАЛЬНО- ЗНАЧИМАЯ ФУНКЦИЯ РУКОВОДИТЕЛЯ ПЕРСОНАЛОМ	84

ПЕДАГОГИКА

КАРЕВ Б.А., ПРОКОПЦЕВА Н.В. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ	92
ЛИТВИНОВА Н.Б. ВОЗМОЖНОСТИ НАЧЕРТАТЕЛЬНОЙ ГЕОМЕТРИИ В РАЗВИТИИ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА	97
ЛАБАШЕВА Н.А. МОТИВАЦИОННАЯ СФЕРА УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОГО ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛА	101
ВАКУЛЕНКОВА М.В., ЛАБАШЕВА Н.А. ПСИХОЛОГО- ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В СИСТЕМЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ	107

**УПОРОВ И.В.
ИСТОРИКО-МЕНТАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ ПРАВОВОГО
НИГИЛИЗМА В РОССИИ И УСЛОВИЯ ЕГО ТРАНСФОРМАЦИИ
В ПРАВОВОЙ ПОЗИТИВИЗМ**

Ключевые слова: правовой нигилизм, правовой позитивизм, монархия, советское государство, гражданское общество, протестное движение, конституция.

В статье автор рассматривает проблему преодоления в России правового нигилизма, который имеет давнюю историю. Показываются причины этого социально-негативного явления на разных этапах развития российского общества, отличия его проявлений в сравнении со странами Западной Европы. Отмечается, что правовой нигилизм, порожденный отсутствием в России гражданского общества, прямым образом и крайне негативно влияет на состояние социального порядка. Автор выдвигает и обосновывает тезис о том, что пока в России нет оснований для оптимизма в части трансформации правового нигилизма в правовой позитивизм.

UPOROV, I.V.

**HISTORICAL AND MENTAL LEGAL REASONS NIHILISM IN RUSSIA
AND CONDITIONS OF ITS TRANSFORMATION IN LEGAL POSITIVISM**

Keywords: legal nihilism, legal positivism, the monarchy, the Soviet state, civil society, the protest movement, the constitution.

The author discusses the problem of overcoming Russia's legal negativism, which has a long history. Shows the cause of the socio-negative events at different stages of development of Russian society, the differences of its manifestation in comparison with Western European countries. It is noted that legal nihilism generated by the absence of civil society in Russia, directly and negatively affect the state of the social order. The author puts forward and proves the thesis that while in Russia there are no grounds for optimism with regard to the transformation of legal nihilism in the legal positivism.

Одной из важнейших особенностей длительного периода истории России, негативно влияющей на ее развитие, является правовой нигилизм большого числа населения. Такое положение, как нам представляется, обусловлено исторически сложившейся в нашей стране общественно-политической обстановкой. Речь идет, прежде всего, об институтах крепостничества и классической абсолютной монархии, долгое время имевших место в России, вплоть, соответственно, до середины XIX и начала XX вв. (именно тогда с принятием

Основных государственных законов в редакции 23 апреля 1906 г. впервые власть императора некоторым образом уравнивалась Государственной Думой). Между тем к этому времени критерии цивилизованности, которые определялись и по-прежнему определяются в первую очередь Западной Европой, как бы к ней ни относиться, основывались на уже достаточно широком представительстве народа в формировании позитивного права, а также правовом равенстве всех людей.

Российский же абсолютизм, в его самых абсолютных формах, вплоть до образования первой Государственной Думы в том же 1906 г. (при том, что избирательное право было очень неравным, а парламент имел весьма ограниченные полномочия), вообще не предполагал участия подавляющего большинства населения в выработке общественных правил поведения. А ведь именно ими оно, население, должно было руководствоваться. Уже одно только такое устранение людей от данного процесса, помноженное на унижающее человеческое достоинство и строго охраняемое властями разделение людей по сословиям, настраивало «тягловое» население против тех законов (в широком смысле этого слова), которые им «сверху», то есть, верховной властью, вменялось исполнять.

Обусловленный отмеченной практикой правовой нигилизм во много крат усиливался тем, что в принимаемых законах интересы низших сословий отражались в минимальной степени. Именно в такой, чтобы сохранить эти сословия как источник существования высших сословий. Сюда следует добавить нигилизм не только низших, но и части представителей высших сословий, которые, имея либерально-демократические убеждения, не могли соглашаться с существованием махрово-консервативного самодержавия (например, Радищев, декабристы и др.).

Нельзя также не отметить и того обстоятельства, что, при гражданском и общественном «безмолвии» населения, должностные лица и прочие чиновники получали питательную почву для произвола, ибо государство не могло поддерживать существующий государственный строй иначе, как путем жесткой вертикали власти. А такой подход всегда оборачивается соблазном «государевых людей» воспользоваться своим положением в личных целях; отсюда – большие масштабы злоупотреблений, прекрасно охарактеризованные в бессмертных произведениях Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина и других русских писателей (в этой связи следует заметить, что нынешний уровень коррупции в нашей стране имеет давние корни).

Таким образом, в монархический период, при отсутствии народного представительства, в законодательном процессе негативный настрой широких слоев населения к позитивному (государственному) праву был вполне объясним. Соответственно, такие понятия, как «законность», «верховенство права» и им подобные не могли проникнуть в психологию русского народа и закрепиться в нем как важнейший аспект позитивистского правового сознания, как это имело место в странах Западной Европы, а если иметь в виду XIX в., то и на других континентах.

Наоборот, большинство россиян воспринимали издаваемые государством законы скорее как нечто направленное против них, чем то, что будет им помогать (в этом смысле наглядным является трудовое право конца XIX в.). Такой правовой нигилизм сопровождал протестное движение «масс» в период усиления революционного движения и его завершающего всплеска в 1917 г., когда прежнее имперское право было полностью отвергнуто – здесь правовой нигилизм был проявлен в абсолютном значении, а именно в опрокидывании всего социального порядка в стране.

В советском государстве попытки новой власти установить новую законность изначально натыкались на два серьезных препятствия. Во-первых, российское население вошло в новую государственность со старой психологией правового нигилизма. Изменить же человеческую психологию, а тем более искоренить ее, за несколько лет невозможно. И в этом смысле, как нам представляется, не имело большого значения то обстоятельство, что новые предписания, новые социальные нормы исходили не от старой имперской, а от новой советской власти. В любом случае для рядового жителя эти предписания исходили «свыше», хотя уже и при его формальном участии, поскольку избирательное право в СССР было всеобщим. В то же время, де-факто проводились не выборы, а формальное закрепление кандидатов в депутаты, одобренных партийными структурами. Во-вторых, новое советское право стало формироваться не сразу, а по прошествии нескольких лет эпохи «революционной целесообразности». Полагаем, такая целесообразность была весьма зыбкой основой для укрепления правового позитивизма.

В дальнейшем воду на мельницу правового нигилизма стала лить советская теория государства и права, одним из важнейших положений которой был тезис о постепенном отмирании права (равно как и государства) при коммунизме. А если право будет неизбежно отмирать, то надо ли уделять ему большое внимание? Такой фон, конечно же, не способствовал развитию советского правового позитивизма.

Вместе с тем здесь следует отметить, что для широких кругов советского населения данные теоретические аспекты большой роли не играли, поскольку они не были знакомы с такими тонкостями советской правовой науки. Что касается народного представительства в формировании правовых норм, то в советском государстве оно имело место – в Верховном Совете СССР и верховных советах союзных республик в качестве законодателей восседали, действительно, самые что ни на есть народные представители – колхозники, инженеры, строители, механизаторы, военные, ученые и другие представители социальных групп, избираемые народом. В этом смысле советское государство сделало, несомненно, существенный шаг вперед. Другое дело, что такое народное представительство страдало, как отмечалось выше, запредельным формализмом, когда состав депутатов определялся по разрядкам территориальных организаций ВКП(б)-КПСС.

Другим фактором, определявшим распространение правового нигилизма в советском государстве, было конституционное положение (ст.6 Конституции

СССР 1977 г.) о руководящей и направляющей роли КПСС в советском обществе. Тем самым подспудно проводилась мысль о том, что партийное решение важнее и сильнее правового решения. И в жизни, как известно, было именно так. Как видно, и в советском государстве было достаточно оснований, хотя и в меньшей мере, чем в империи, для развития правового нигилизма. Он проявлялся, в частности, в так называемом «телефонном праве», «блате», «нужных связях» и других явлениях подобного рода, позволяющих отставлять на задний план правовые нормы, принимаемые представителями самого же населения и которые должны были быть основными, главными, непреложными, но которые таковыми так и не стали.

Возникает вопрос следующего порядка: если в советском государстве также имел место правовой нигилизм, то почему же социальный порядок в советском обществе был достаточно прочным? Сторонники такого прочного социального порядка полагают, что о правовом нигилизме, как характеристике общественного правосознания советских людей, говорить нет оснований.

Однако здесь, как нам представляется, происходит подмена понятий. По нашему мнению, речь в данном случае идет о *прогосударственном* (приставка «про» здесь, на наш взгляд, необходима, поскольку, во-первых, она свидетельствует о верховенство государства над обществом, и, во-вторых, понятие «государственный порядок» не должно нести негативной нагрузки), а не о *социальном* порядке. Действительно стабильные общественные отношения на протяжении нескольких десятилетий советского государства опирались на деятельность и силу государственных структур, которые, как и в период империи, имели жесткую вертикаль.

Социальный же порядок предполагает стабильность общественных отношений, основывающуюся на гражданском согласии, которое государство только лишь реализует. Таким образом, правовой нигилизм, порожденный в России отсутствием гражданского общества, прямым образом и крайне негативно влияет на состояние социального порядка. По сути дела, вся история России есть история правового нигилизма применительно к большинству населения страны. Для сведения этого негативного социального явления к минимуму необходимо на разных уровнях повышать уровень правосознания населения. Причем, как представляется, здесь не следует питать иллюзий и думать, что это удастся сделать за относительно короткий период – на это потребуются, очевидно, несколько десятилетий. Начало уже положено новейшим развитием российского государства – в Конституции России 1993 г. провозглашены правовое государство, отказ от партийных и иных идеологических монополий и другие положения, закрепляющие правовой позитивизм.

Вместе с тем, на деле проявлений правового нигилизма еще немало, и принятые в начале 1990-х гг. меры себя уже исчерпали. Более того, в последние годы, по мнению многих экспертов, степень правового нигилизма вновь возрастает, что, на наш взгляд, во многом обусловлено нарушением законности со стороны представителей самой правящей элиты, и прежде всего в сфере

коррупционных отношений. В этой связи, не следует питать иллюзий по поводу преодоления правового нигилизма в России в обозримом (25-30 лет) будущем. Для этого, как нам представляется, в самом обществе (то есть у большинства населения) должен созреть запрос на правовой позитивизм.

Пока же общественно-политическая ситуация в России складывается таким образом, что оптимизма в указанной сфере не усматривается. С другой стороны, поступательное развитие российского общества с неизбежностью должно подойти к рубежу, когда правовой позитивизм станет доминирующей парадигмой.

Ныне живущие в России представители общества, отрицающие правовой нигилизм, призваны, по мере своих сил, шаг за шагом, в самых разных сферах жизни продвигать страну от правового нигилизма к правовому позитивизму и, соответственно, от порядка прогосударственного к порядку социальному с полным пониманием того, что жить в эту пору придется не им, а грядущим поколениям.

Литература и источники

1. Турицын И.В. Соотношение понятий нации и этноса // Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы. Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе. М., 2003. С.414-415.
 2. Турицын И.В. Власть и пресса в Советской России: проблема взаимоотношений и взаимовлияния в 20-е годы. М., 1998.
 3. Луков М.Г. Конституционно-правовое регулирование выборов депутатов в местные Советы депутатов трудящихся во второй половине 1930-х гг. // Современная научная мысль. 2013. №1. С.86-91.
 4. Турицын И.В., Дубинин М.Г. Основные проблемы реализации советской судебной реформы в условиях нэпа (1922-1925 гг.) // Современная научная мысль. 2013. №4. С.112-127.
 5. Турицын И.В. Кадровая политика РКП(б) и периодическая печать (1921-1925 гг.). Армавир, 1998.
 6. Упоров И.В. Старков О.В., Рассказов Л.П. Теория государства и права. Курс лекций. М., 2005.
 7. Упоров И.В. Исторический опыт формирования и реализации пенитенциарной политики России в XVIII-XX вв. Дисс. ... докт. ист. наук. Краснодар, 2001.
 8. Упоров И.В. Мировой экономический кризис и статистика преступности в России // Общество и право. 2009. №5. С.41-44.
 9. Нефедовский Г.В. Аксиологические проблемы современной юридической науки // Право и практика. 2013. №1. С.39-46.
-

УПОРОВ ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор Краснодарского университета МВД России. Краснодар (uporov@list.ru)

UPOROV, IVAN V. - Doctor of History, PhD in Law, Professor of the Krasnodar University of Ministry of Internal Affairs of Russia. Krasnodar.

УДК 340.114.5

**ХОЛОДНЫЙ М.А.
КРЕСТЬЯНСКОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ И ОТНОШЕНИЯ
СОБСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТряСЕНИЙ
ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX СТОЛЕТИЯ**

Ключевые слова: землеустройство, земельная собственность, обычное право, новая экономическая политика, большевистская аграрная политика.

В статье осуществлен комплексный анализ эволюции отношений собственности в российской деревне в первой четверти XX столетия. Показано, что, аграрная российская политика в рамках короткого периода времени претерпела глубинные изменения, связанные с резкими переменами приоритетов аграрного развития. При этом уже в рамках империи начался переход от поддержки общины к ее разрушению. Вслед за этим, в период революции и нэпа, общинные ценности были фактически реанимированы. Причем, несмотря на масштабные революционные потрясения и грандиозный земельный передел, принципиальная основа отношений собственности фактически осталась прежней. Более того, произошла известная архаизация этих отношений на основе актуализации норм традиционного крестьянского права. Несмотря на попытки большевиков внедрить в деревню новую систему отношений, основанную на кооперативной и обобществленной собственности, на деле там доминировали обычай, традиция, с одной стороны, и административный произвол – с другой.

**HOLODNY, M.A.
LEGAL AWARENESS OF PEASANTS AND PROPERTY RELATIONS IN
THE CONDITIONS OF THE REVOLUTIONARY UPHEAVALS
OF THE FIRST QUARTER OF THE XX CENTURY**

Keywords: land management, land ownership, customary law, new economic policy, agricultural policy of the Bolsheviks.

The article presents a comprehensive analysis of the evolution of property relations in the Russian countryside in the first quarter of the XX century. It is shown that the Russian agrarian policy within a short period of time has undergone profound

changes, associated with abrupt changes of priorities of agricultural development. Thus in the framework of the Empire began the transition from community support to its destruction. Following this, during the revolution, and the NEP, community values have actually been resuscitated. Moreover, despite the large-scale revolutionary upheavals and a grand redistribution of land, the fundamental basis of property relations in fact, remained the same. Moreover, there was a well-known archaism of these relations on the basis of updating the rules of the traditional peasant rights. Despite the attempts of the Bolsheviki to introduce the village a new system of relations based on co-operative and socialized property, in fact, there was dominated by custom, tradition, on the one hand, and administrative tyranny - on the other.

Отношения в сфере собственности принадлежат к числу тех фундаментальных, «вечных» проблем, которые традиционно являются центральными для любого общества, государства. Всемирная история, история России свидетельствуют о том, что изменение отношений собственности с неизбежностью трансформирует все стороны жизни социума, меняя их самым существенным образом.

Обращаясь к российской аграрной истории начала XX столетия, нельзя не видеть, что ее основным содержанием стало завершение того длительного процесса освобождения крестьян, начало которому было положено великой реформой 1861 года. При этом в плане отношений собственности, центральное значение приобрел вопрос о соотношении частной и общинной собственности, в рамках которого, наряду с «конфликтом» помещичьего и общинного землевладения, с переходом к столыпинским аграрным реформам, все большее значение приобретали противоречия в самой общине, связанные с выделением из нее отдельных домохозяйств.

Базовые нормативные акты столыпинской эпохи – указ от 9 ноября 1906 года и закон от 14 июня 1910 года – ориентировали на закрепление надельных земель за отдельными домохозяевами, создание обеспеченных земельных собственников, - «крепких мужиков». В ходе землеустройства власти стремились закреплять наделы за отдельными домохозяевами (максимально усиливая их роль в крестьянском дворе), всемерно насаждать отруб и хутора.

Очевидно, что настойчивость правительства дала определенные результаты, существенно скорректировала ситуацию в аграрной сфере. Так, если в 1906 году 96,9% земель, проданных Крестьянским банком, перешли сельским обществам и товариществам, то в 1912 году наблюдалась уже прямо обратное - 93,4% земель было продано частнику и только 6,6% обществам [1].

Но ставка на частное землевладение, насаждение хуторов, закабаление массы крестьянской породжали немало проблем. Прежде всего, жесткое администрирование в ходе реализации реформы, связанные с ним многочисленные злоупотребления, породжали растущее сопротивление крестьянства, в значительной массе выступившего против издержек политики разрушения общины. Нередко такое сопротивление приобретало откровенно антиправовой и антигосударственный характер.

С другой стороны, формирование «крепкого мужика» шло весьма трудно. Зачастую новые собственники вместе с землей приобретали массу проблем. Практика ссуды под залог наделных земель породила небывалый спекулятивный ажиотаж. Покупки в кредит и закредитование обусловили рост просроченных платежей. При этом немалую роль здесь сыграло широкое распространение практики бездумного взятия кредитов в Крестьянском банке. Как писал Н.О. Янушкович, как правило, крестьяне «заботится не о том, что им в будущем многие годы придется платить процент за ссуду Банку, часто не покрывающийся доходом земли, а заботятся лишь о том, какие «верхи» им придется уплачивать продавцу в дополнение к ссуде, выданной Банком». В итоге, количество неисправных плательщиков в стране, как и продажи участков задолженников банком, неуклонно росли. Современники неоднократно отмечали: «Новый помещик – Крестьянский банк» использовал варварские методы, «выселяя при помощи полиции в холодную зиму крестьян из их изб, продавая имущество и разоряя не только инвентарь, но и жилые помещения» [2].

Планы реформаторов еще более подрывал резкий рост населения. Отруба и хутора начинали, в свою очередь, дробиться – «крепкий мужик», как массовое явление, формировался с большим трудом.

Не случайно, уже вскоре у реформаторов возникла идея дополнить закон от 14 июня 1910 года введением минимального размера надела. Началась разработка соответствующего «Проекта правил о предупреждении дробления мелкой земельной собственности». Идея законодателей состояла в сохранении 1 (в крайнем случае, 2-3) наследника. Однако такая политика, в свою очередь, порождала ряд неблагоприятных правовых последствий. По мнению экспертов - современников: «Итак, если законом 14 июня 1910 г. нарушались права на землю всех членов семьи за исключением главы ее, а также права сельской общины, то правилами «о недроблении» уничтожаются права сонаследников ... Армия недовольных своим существованием сразу увеличивается на десятки миллионов» [3].

В целом, малоземельная и безземельная масса в России росла быстро, порождая и усиливая социальную напряженность. На ее фоне становилось все более очевидно – правительством проводится рискованная политика, разрушающая традиционный уклад жизни крестьян, традиционные отношения собственности и, в конечном счете, подрывающая основы крестьянского правосознания, крестьянской нравственности. Между тем, это был важнейший регулятор крестьянской жизни, пожалуй, не менее важный, чем нормы законодательства.

Следует признать, что элементы саморегулирования, основанные на общинных началах, крепко укоренились в российской деревне. Регулировали они и отношения собственности. В частности, по закону, отмененному только Указом от 5 октября 1906 года, семейные разделы были подведомственны сельскому сходу. И это, пожалуй, имело свой позитивный подтекст. По оценке В.В. Тенишева: «Сельские суды имеют большое значение в крестьянской

жизни. Благодаря им, множество дел улаживается домашним миролюбивым образом. Благодаря им поддерживается мир семьи, авторитет старших, укрепляется в народе сознание прав личности и собственности вообще ...» [4, с.69].

В данном контексте, характеризуя правосознание русских крестьян, следует отметить, что в их понимании, идея собственности обязательно предполагала ее соотнесение с идеей труда и с ответственностью за его результаты. Именно это зачастую не учитывалось в имперских гражданско-правовых нормах. К примеру, по закону за потраву посевов отвечал владелец скота. А вот в Вятской, Орловской, целом ряде других губерний, где поля было принято непременно огораживать, согласно крестьянскому обычаю, все обстояло с точностью до наоборот: «Если случится, что скот соседнего селения проник в наше поле через нашу же неисправную изгородь ... то мы по местному обычаю не имеем права взыскивать за потраву поля». Соответственно, до 1897 года волостной суд по таким делам всегда принимал однозначное решение с пользой владельца скота. Абсурд, но при передаче того же самого дела на рассмотрение уездного съезда, последний всегда присуждал совершенно обратное (в пользу землевладельца) [4, с.17-18].

Кстати, другой важной чертой крестьянского правосознания являлась своего рода коллективность правосудия, начиная от стихийных самосудов и заканчивая, к примеру, коллективным «пропитием» обществом имущества пойманного вора (случаи «самовольного пропития имущества в виде наказания за кражу» в великорусских губерниях были нередки) [4, с.38].

Очевидно, что закон государственный и «обычное право» крестьян существенно различались всегда. И пореформенный период не снял этот конфликт интересов, выраженный в конфликтности соотнесения норм правовых и норм обычного права. При этом значение норм и процедур обычного права (в том числе, коллективное решение вопросов собственности) сохранялось прямо вопреки приоритетам столыпинской реформы, по сути, существенно активизировавшей кризисные явления в сфере правосознания.

Кризис правосознания крестьянства, в свою очередь, создавал основу всевозможных асоциальных девиаций, преступности.

К примеру, предреволюционный период в России характеризовал невиданный прежде расцвет «хулиганства». Предметом растущей заботы и общества, и власти являлось пьянство. По некоторым подсчетам, крестьянский двор с годовым бюджетом 150-300 рублей пропивал до 50-100 рублей. Безусловно, вполне определенную роль здесь сыграло несовершенство правового регулирования отношений собственности. Как правильно отмечал современник: «Пьянствует крестьянин, облагодетельствованный тем, что получил возможность продать свой надел» [5].

Быстрый рост подобных асоциальных девиаций и преступности, в основе которых лежали проблемы отношений собственности, был чреват существенными социальными потрясениями. В этой связи, было все более очевидно, что, по сути, страна, ее аграрное развитие регулировались сугубо

«макроэкономической», а по существу узкословной и слабо продуманной политикой.

Как следствие, вера в благотворность столыпинской аграрной реформы иссякала, по сути, уже при жизни реформатора. Определенные негативные последствия ее, прежде всего, кризисные явления в экономике, связанные с инфляцией и удорожанием целого ряда товаров, отмечались уже в 1913 году. В годы Первой мировой войны эти негативные моменты достигли критических величин, в самой существенной степени обусловили революцию 1917 года.

К числу основных результатов грандиозных революционных потрясений 1917 года следует отнести решение аграрного вопроса, на протяжении длительного времени остававшегося одной из важнейших проблем российской жизни. Колоссальный земельный передел, связанный с радикальным уничтожением помещичьего землевладения и уравнительным перераспределением земли внутри отдельных крестьянских общин, казалось бы, удовлетворил крестьянские чаяния, принципиально решил давнюю и чрезвычайно острую социально-экономическую проблему.

Однако как вскоре выяснилось, идеальное царство «справедливой» крестьянской жизни оказалось химерой. Новые советские реалии буквально ежедневно рождали и все новые проблемы, среди прочего, связанные с реализацией вновь приобретенных крестьянами прав собственности, известная двусмысленность которых состояла в том, что власть, всемерно приветствуя упразднение частной собственности, декларируя равные права на землю (в том числе, членов одного двора), фактически взяла курс на ее огосударствление. Для осведомленных современников было очевидно: «Октябрьская революция объявила социализацию земли. В действительности это была национализация» [6, с.23].

Однако этот путь к тотальному огосударствлению оказался непростым. Участие России в а затем империалистической войне, начавшаяся интервенция и гражданская война окончательно подорвали экономику, разрушили хозяйственные связи внутри страны, а экономическая блокада, начатая странами Антанты, вытеснила Советскую республику из исторически сложившейся системы мирового разделения труда. По подсчетам ученых сумма потерь России превысила к 1922 году 39 млрд. золотых рублей. Было существенно подорвано сельское хозяйство. Только посевные площади сократились на 34,6% [7].

Хозяйственная разруха дополнялась развитием десоциализации значительной части населения, что, в частности, проявлялось в закреплении антиправовых форм поведения. При этом данные явления взаимно дополняли друг друга. В частности, П.А. Сорокин доказывал, что революция, объявившая моральные, правовые, религиозные ценности и нормы поведения предрассудками прямо способствовала привитию асоциального поведения. По его мнению, война уносит «морально-здоровые элементы и оставляет выживать элементы морально-негодные, преступные», вынуждает эмигрировать «уцелевших elites и заключает неубитых в тюрьмы». При этом параллельно с

количественным ростом преступности происходил ее качественный рост, выразившийся в переходе от бескровных и несадических форм преступности к кровавым и зверским [8].

Экономический принцип прямого, неэквивалентного продуктообмена, бесплатного распределения продуктов и материальных благ «по едокам», а не по труду (один из основных принципов «военного коммунизма») не создавал личной материальной заинтересованности у работника в результатах своего труда, в повышении его производительности. Следовательно, «военный коммунизм» не мог обеспечить подъем производительных сил страны, восстановление народного хозяйства и создания материально-технической базы. Стремление сохранить руководящую роль партии побудило В.И. Ленина обратиться с призывом к товарищам по партии, настроенным в духе «военного коммунизма», осознать тот очевидный факт, что «в народной массе мы все же капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает» [9].

Важный этап в развитии советского права начался с 1921 года, в связи со вступлением страны в полосу новой экономической политики. Переход к новой экономической политике повлек за собой коренные экономические реформы, направленные на формирование рыночной инфраструктуры [10].

Сущность НЭПа состояла в использовании рыночных товарно-денежных отношений при регулирующей роли государства, что потребовало адекватного нормативно-правового обеспечения. Прежде всего, с эпохой нэпа трансформируется базовое советское правовое понятие революционной законности. При наличии обширного поля политико-правового произвола, все чаще внимание власти и общества обращалось на то, что: «Уже теперь не может революционная целесообразность противостоят революционной законности, ибо она целиком предусматривается последней» [11].

Начавшийся поворот во внутренней политике, заключался в частичной реабилитации традиционных правовых теорий, концепций, институтов, в том числе и института законности. Он также облегчался тем, что к этому времени накопилось большое количество циркуляров, приказов, инструкций регулирующих разные вопросы в области правовых отношений [12].

«Бесправный режим и система произвола тормозят возрождение экономики» [13]. Понимание этой очевидной, хотя и не вполне приятной для власти истины потребовало новых подходов, породив призыв к укреплению уже не революционной, а социалистической законности. После первых декретов (о правопоражении, о порядке наложения административных взысканий), отразивших своего рода переломный момент в эволюции советского законодательства большевики были вынуждены перейти к решениям качественно иного рода. При этом особенно большое значение имели законы, регламентировавшие переход от продрозверстки к продналогу и свободному товарообмену. Среди них выделим декрет ВЦИК «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР» (май 1922 г.) [14].

К концу 1921г. идея законности овладела умами. При этом, в частности, укреплению института собственности способствовал Декрет СНК от 30 июня 1921 года «Об отмене ограничений денежного обращения и мерах к развитию вкладной и переводной операции» [15]. О необходимости укрепления законности в РСФСР впервые публично было сказано на IX Всероссийском съезде Советов. С 1922 г. особое значение приобрели направления работы, связанные с созданием новой судебной системы [16], единой системы надзорных органов [17], а также формированием единой правовой базы.

Как известно, для регулирования отношений собственности особое значение имело то, что командные высоты в экономике оставались в руках государства. Земля, недра, леса, воды, транспорт, крупные промышленные предприятия были изъяты из гражданского оборота, что было закреплено в соответствующих кодексах (в Гражданском, Земельном, Лесном, в Горном положении и т.д.). Круг предметов, могущих быть объектами частного оборота, был весьма ограничен (ст.20-24 ГК 1922 года). Гражданский кодекс существенно ограничивал частную собственность. Например, ограничивались размеры предприятий, которые могли находиться в частной собственности, существовал ряд ограничений в приобретении и отчуждении имущества и т.д. [18]

В данном контексте, понимание собственности носит весьма размытый и специфический характер. В частности, П. Стучка признавал: «Наш Г.К. обыкновенно не дает определений институтов: он все предполагает известным. Но ст.62 например, все-таки вскрывает, что кодекс по-прежнему понимает право собственности, как владение, пользование и распоряжение». Стучка особо настаивал, что владение «потеряло всякий смысл». В частности, он подчеркивал: «У нас такое простое «сидение» на вещи недопустимо, необходимо пользование его, а если ты не пользовался в продолжение известного времени, то вещь отнимается (ср. ст. 20 ЗК, ст.73 п. «е» и «ж» Г.К. – о застройке, ст. 160, 162, 171 п. «г» - о найме и т.д.). При этом владение по отношению к земле для частника «совершенно отпадает». Даже понятие «трудовое владение» для П. Стучки не что иное, как «явное недоразумение»: «Смысл имеет лишь трудовое пользование» [6, с.42].

Земельный кодекс РСФСР 1922 года, запретив национализацию земли, окончательно исключал землю из гражданского оборота, тем самым, установив гарантии устойчивости землепользования, точно определив права на землю и ограничив переделы внутри селений, предоставив крестьянам свободу выбора его форм. Вместе с тем кодекс предоставлял ряд преимуществ коллективным формам ведения сельского хозяйства.

Земельный кодекс в ст. 65, 67 установил, что основная хозяйственная единица – крестьянский двор, представляет собой семейно-трудовую ячейку, все члены которой, независимо от пола и возраста, уравниваются в правах. Эта норма должна была в корне изменить деревенскую жизнь. Однако на практике изменения в различных сферах крестьянской жизни шли не ровно. По оценке современников, удалось, в целом, установить равные права на землю, новые

правила разделов, защитить права внебрачных детей и пр. При этом сохранялись «дикие предрассудки» - «покупка невест, избивание мужьями своих жен, различные суеверия и обряды, вплоть до жертвоприношений»: «в общем наметились очень большие изменения, особенно в организации крестьянского двора, в правах его представителя – домохозяина и в правах и взаимоотношениях его членов». На фоне установления равенства прав всех членов двора, резко сократилось численность многосемейных (патриархальных) дворов. Основной единицей стал односемейный двор. И чем ближе к городу, тем удельный их вес был более высоким. Это прямо коррелировало с обеднением крестьянского двора, так как многосемейные дворы были экономически заметно более мощными [19, с.185].

В целом, на практике раздел все же допускался лишь для случаев, когда имелись условия создания нового хозяйства (ст.74 ЗК). Если же земельный надел был недостаточен для создания нового хозяйства, то происходил только выдел – раздел имущества с выделением доли вышедших из двора. В последнем случае решение проблем, связанных с отношениями собственности, достигалось значительно проще. В частности, для такой операции не требовалась регистрация соглашения в волостном исполкоме.

Под влиянием новых политико-правовых реалий, менялись отношения и в крестьянском обществе, и в крестьянской семье. Причем это очень ясно осознавалось крестьянами.

В столыпинской деревне всем хозяйством и имуществом двора распоряжался домохозяин. Он мог продать усадьбу, а в ряде случаев даже землю, мог выгнать члена двора, лишив его имущества. В известном смысле, он являлся «хозяином» не только имущества, но и диктатором над личностью членов двора. А если был неспособен – выходом являлось обращение в суд для его отстранения. Теперь, когда Земельный Кодекс установил, что все члены двора равны, домохозяин был вынужден учитывать новые реалии. Теперь, когда его статус уже не был столь важен, в дворах все чаще распоряжались имуществом совместно, «коммунально». При этом принудительное – через суд – отстранение главы домохозяйства, стало редким. Обращение членов двора в сельсовет, волысполком, тем более, в суд с просьбой отстранить домохозяина, в советской деревне заметно менее актуальны. Вместо этого более существенное значение приобрели разделы двора [19, с.189]. Лишь в богатых и многосемейных дворах роль домохозяина по-прежнему была намного сильнее. Причем, чем зажиточнее был двор, тем большим авторитетом обладал домохозяин [19, с.190].

В указанном контексте следует отметить, что одновременно с кодексом в мае 1922 года был издан закон о порядке рассмотрения земельных споров, в соответствии с которым были созданы специальные земельные комиссии для разбора земельных споров (волостные, уездные, губернские и в центре - Высший контроль по спорным земельным делам). Земельные комиссии, хотя и состояли при исполкомах, но фактически действовали в судебном, процессуальном порядке и являлись своеобразными административно-

судебными органами. В то же время, решения земельной комиссии контролировались в порядке надзора губернскими судами, пленумы которых заслушивали председателей земкомиссий. Определенное значение имели и другие советские государственные и общественные институты [20].

С 1922 года в деревне устанавливались новые правила. Согласно ст.72 ЗК, регистрация нового двора осуществлялась сельсоветом. Здесь велся особый «подворный список». При отказе в регистрации, решение сельсовета следовало обжаловать в волостной земельной комиссии. В случае проблемности раздела, инициативная часть двора подавала заявление в волисполком, который, после изучения вопроса, выносил его на рассмотрение общего собрания села, которое и принимало решение. В целом, отмеченная процедура урегулировала интересы как отдельных членов двора, так и общины в целом. Она была не столько сложной, сколько неопределенной. Современники указывали, что она имеет много неясностей и следует хотя бы обеспечить единообразие и правильность ведения «подворных списков» и порядок их передачи в земкомиссии и суды [21].

Правовая неопределенность в вопросах регулирования отношений собственности неизбежно открывала простор административному произволу. В частности, это в полной мере выяснилось в условиях некоторой либерализации советской аграрной политики в условиях перехода к курсу «Лицом к деревне!», когда были вскрыты многие вопиющие злоупотребления [22].

Однако и этот курс, как не парадоксально, сопровождался не ослаблением, а усилением властного регулирования аграрной сферы. Определенная корректировка отношений собственности с 1924 года была связана с расширением прав волостных исполкомов второй сессией ВЦИК IX созыва («Положение о волостных съездах Советов и волостных исполнительных комитетах»). В дальнейшем эта тенденция закреплена законом от 6 апреля 1925 года, в частности, предоставлявшим волисполкомам право штрафовать нарушителей местных норм (до 3 рублей) и привлекать их к принудительным работам (до 5 дней) [23].

Важно видеть, что расширение прав местных властей обернулось новым наступлением на права собственности. К примеру, уже в 1924 г., «с введением волостных бюджетов идет массовая борьба за отобрание у кулака сданных ему в аренду доходных статей, особенно мельниц, иногда самым недопустимым образом». В условиях нарастания правовой вакханалии, наблюдатели даже предлагали как выход – принятие закона «о возмездном принудительном отчуждении имущества или прав» (в т.ч. отмена договоров с компенсацией): «Это одновременно удержало бы зарвавшихся администраторов, ныне не считающихся с такими пустяками» [6, с.39].

Иными словами, правовая неопределенность, хаос, основанные на психологии и практике военного коммунизма, не позволили реализовать новый курс 1925-1926 гг., когда были предприняты наиболее решающие меры в поддержку крестьянства, направленные на то, чтобы побудить крестьян, не особенно считаясь с их социальным расслоением, развивать свое

индивидуальное хозяйство. Для этого был продлен срок земельной аренды с 6 до 12 лет, облегчены условия найма работников и т.д. при одновременной борьбе с излишне частым перераспределением земли, типичным для общины. Началась широкая поддержка самых разнообразных форм кооперации: торговой, кредитной, сельскохозяйственной. В кооперации могли равноправно участвовать все: крестьяне и ремесленники, зажиточные и бедные [24].

Однако нерешенных проблем в указанной сфере было чрезвычайно много. Новое землеустройство имело зачастую трагические последствия, и сопровождалось не только острыми спорами, но зачастую и ожесточенными столкновениями. Вопреки расхожим представлениям, нерегулированность земельного вопроса и в период нэпа – очевидный факт. «На первом месте стоят земельные и лесные дела. Из 40000 дел, прошедших через юридический отдел ЦДК (Центральный Дом Крестьянина – авт.) за 3 года, с землей и лесом связано было 10.675 дел, то есть около половины». По мнению экспертов, это отражало «растущий в крестьянстве интерес к урегулированию и устройению своего земельного и лесного дела». Причем «среди земельных дел на первом месте стоят дела, связанные с землеустройством» [25].

Сегодня совершенно очевидно, что в условиях нэпа большевики не смогли обеспечить адекватного нормативно-правового регулирования отношений собственности в деревне. С одной стороны, они фактически признали значение общины и крестьянского двора. По сути, факт участия общины и двора в регулировании отношений собственности в полной мере был признан советским правом. Причем, это совершенно очевидно просматривается и в нормах Гражданского кодекса, и в кодексе Земельном (статьи 65-75 Земельного кодекса). Однако нужно признать и то, что большевики не смогли создать правового поля, вполне удовлетворительно регулирующего отношения собственности, в особенности – собственности земельной.

Следует полностью согласиться с современниками, указывавшими на то, что «скудость законодательных норм, посвященных этому вопросу, создает на практике большие затруднения, а часто неправильное и противоречивое их разрешение» [26]. Причем и в законодательстве, и в судебной практике не устоялась даже терминология.

Правовая неопределенность отмечалась даже в регулировании самых простых вопросов. Не вполне понятным было соотношение базовых начал основных нормативных документов [27].

Простейший и распространенный пример тому – призыв крестьянина в армию. Возвратившись, крестьянин хочет получить переделенную обществом землю, обращается в земельную комиссию, получает ее решение, но вернуть надел не может: «Крестьянское общество выделить его землю отказывается, ибо не имеет свободной земли, и ему приходится ждать очереди» (заметим, что здесь крестьянское общество выступает как юридическое лицо). Пытаясь компенсировать потери, пострадавший идет в суд с требованием взыскания убытков. Но тут возникает вопрос: «можно ли применить к земельным отношениям крестьянского двора» нормы об убытках Гражданского Кодекса? -

Как соотносить нормы ЗК и ГК? Примечательно, что даже самые высокие авторитеты советского права так и не дали ответа на эти вопросы (мол, трудно, по фактическим обстоятельствам дела) [6, с.21].

Весьма сложной оказалась и задача соотношения норм Земельного Кодекса с нормами кодекса о семье и браке. Удар по частной собственности через «освобождение женщины», ослабление брачных уз и переход от «домашнего рабства», домашнего хозяйства к «крупному, обобществленному», через борьбу с патриархальной семьей, породил очевидный кризис института семьи и, в итоге, обусловил значительное влияние вопросов сферы семейно-брачных отношений на отношения собственности в деревне. В середине 1920-х гг. это наглядно показало обсуждение проекта семейного кодекса. Абсолютизируя сферу «индивидуалистического права на свободное чувство, на обеспечение интересов личности» [28], его творцы, по сути, нанесли удар по крестьянскому двору. Фактически приравнивая юридический брак к фактическому (гражданскому), они не только делали шаг к полигамии, но и игнорировали экономические интересы крестьянского двора, на который, в конечном счете, и перекладывалась экономическая ответственность за любовные утехи отдельных его членов.

Одновременно с этим, менялась и роль различных возрастных групп. В частности, до революции, в основном, «старики пользовались огромным влиянием и авторитетом как во дворе, так и в общественных делах». Теперь их роль и влияние заметно понизились: «сплошь и рядом встречается замена неработоспособного или неразбирающегося в современной обстановке старика молодым работающим мужчиной, а иногда и женщиной». При этом «смена домохозяйина происходит постепенно, явочным порядком» [19, с.186].

В целом, даже на закате нэпа дискуссии по проекту Земельного Кодекса (общенародная или государственная земля), показали, что крестьяне не получили вполне внятных нормативных актов, регулирующих отношения собственности [29]. Как следствие, с одной стороны, в различных сферах крестьянской жизни (права домохозяйина, права собственности членов хозяйства, обязательственное, семейное, наследственное право и т.д.) в самой существенной мере сохранилось нормы обычного права. С другой стороны, изменения в отношениях собственности в деревне были многообразны. Так, крестьянские хозяйства стали делиться заметно чаще, чем до революции. Причем если до революции это обеспечивалось судебным решением, то теперь просто выделом молодежи. При этом шел процесс ослабления крестьянских хозяйств. Чаще происходила также смена домохозяйина, хотя при этом, в отличие от дореволюционной эпохи, чаще причиной являлось не его добровольное согласие, а смещение помимо его воли решением членов двора.

В конечном счете, на фоне очевидной нормативно-правовой неопределенности и определенного стремления ограничить сферу действия обычного права, в регулировании отношений собственности большевики все больший акцент стали делать на развитие не правовых, а административных начал. В рамках нэпа власть создала целый комплекс норм, закрепивших его

абсолютную вседозволенность в сфере регулирования экономической жизни и отношений собственности.

Подводя под экономические процессы фундамент закона, она усиливала противоречие между экономической целесообразностью и политическим идеалом, в конечном счете, подчиняя право последнему. В итоге, институт частной собственности в его классическом понимании восстановлен не был, в конечном счете, трансформировавшись в институт личной собственности. При этом незащищенность собственности законом закрепляла традицию неуважения к ней в массе населения. Такая государственная политика, по сути, способствовала формированию криминальной направленности экономического мышления широких слоев населения, в том числе предельно криминализовала сферу отношений собственности.

Литература и источники

1. Янушкевич Н.О. Крестьянский Банк // Крестьянское земледелие. СПб., 1913. №14. С.213.
2. Янушкевич Н.О. Земельный голод и Крестьянский Банк // Крестьянское земледелие. СПб., 1914. №4. С.1.
3. Проект правил о предупреждении дробления мелкой земельной собственности // Крестьянское земледелие. СПб., 1913. №18. с.278.
4. Тенишев В.В. Правосудие в русском крестьянском быту. Изд. 2-е. М.: Кн. дом «Либроком», 2011.
5. Дзюбинский В.И. Государственный бюджет и винная монополия // Крестьянское земледелие. СПб., 1913. №12. 15 августа. С.181.
6. Стучка П. Социалистическое хозяйство и советское право // Революция права. 1927. №1.
7. История СССР с древнейших времен до наших дней. Сер. 2. М.: Наука, 1967. Т. 8.
8. См.: Турицын И.В. Власть и пресса в советской России: проблема взаимоотношений и взаимовлияния в 20-е годы. М., 1998. С. 136-137.
9. Ленин В.И. Политический отчет ЦК РКП (б) 27 марта // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 112..
10. Виноградов С.В. НЭП: опыт создания многоукладной экономики. М., 1996.
11. Антонов-Саратовский В. О революционной законности // Революционная законность. 1926. №1-2. С.3.
12. См.: Турицын И.В. Кадровая политика РКП(б) и периодическая печать (1921-1925 гг.). Армавир, 1998.
13. Сорокин П.А. Современное состояние России // Новый мир. 1992. №4. С.203.
14. СУ РСФСР. 1922. №36. Ст.423.
15. СУ РСФСР. 1921. №52. ст. 301.
16. Турицын И.В., Дубинин М.Г. Основные проблемы реализации советской судебной реформы в условиях нэпа (1922-1925 гг.) // Современная научная мысль. 2013. №4. С.112-127.

17. Турицын И.В., Пустынников А.Ю. К вопросу о приоритетах деятельности советской прокуратуры в 1922-1925 гг. // Современная научная мысль. 2014. №4. С.100-112.
18. См. подробнее: Развитие кодификации советского государства. М., 1968. С. 107-110.
19. Семенов Н. Крестьянский двор // Революция права. 1927. №1.
20. Турицын И.В. Кадровая политика РКП(б) и периодическая печать (1921-1925 гг.). Армавир, 1998.
21. Лядашев. О регистрации крестьянского двора // Право и суд. Саратов, 1926. №1(4). Март. С.55.
22. Турицын И.В. Периодическая печать в системе кадровой политики РКП(б) (1921-1925 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1992.
23. Ананов И. Революционная законность и административная репрессия в деревне // Революционная законность. 1926. №5-6. С.18.
24. КПСС в резолюциях, ч. II, с.28, 29.
25. Гомберг Д. Революционная законность и Дома Крестьянина // Революционная законность. 1926. №5-6. С.61.
26. Рабинович М. Раздел и выдел в крестьянском быту // Революционная законность. 1926. №15-16. С.37.
27. Виноградов С.В. О некоторых дискуссиях середины 1920-х гг. о значении и перспективах частного предпринимательства в хозяйственной жизни СССР // Современная научная мысль. 2012. №1. С.23-30.
28. Ладыженский А. Проект семейного кодекса и сельское хозяйство // Революционная законность. 1926. №7-8. С.20.
29. Павлов А. Земля ничья, земля – божья // Революция права. 1927. №2.

ХОЛОДНЫЙ МАКСИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ – кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского института Истории, экономики и права (г.Москва) (info@helri.com)
HOLODNY, MAKSIM A. – candidate of historical sciences, Researcher Research Institute for History, Economics and Law (Moscow).

УДК 340.13.2

ТУРИЦЫН И.В., УПОРОВ И.В.
ВИДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ,
ПРИМЕНЯЕМОГО ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ, И
ПРИНЦИПЫ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: государственное принуждение, физическое принуждение, психическое принуждение, юридическая ответственность, виды принуждения, противодействие преступности.

В статье раскрывается содержание физического и психического принуждения, которое применяется правоохранительными органами для выполнения возложенных на них функций, и прежде всего в сфере противодействия преступности. Наибольшее внимание уделено особенностям психического принуждения, учитывая, что этот аспект в правовой литературе освещен в недостаточной мере. Автор останавливается также на принципах реализации государственного принуждения, где важное место должно отводиться профессионализму сотрудников правоохранительных органов, учитывая, что государственное принуждение в определенной мере может ограничивать права и свободы человека и гражданина.

UPOROV, I.V.
TYPES OF STATE COERCION, COMMON AMONG LAW ENFORCEMENT, AND HOW IT IMPLEMENTATION

Keywords: state coercion, physical coercion, mental coercion, legal liability, types of coercion against crime

The article reveals the physical and mental coercion, with which applies the law enforcement agencies to carry out their functions, especially in the sphere of combating crime. The greatest attention is paid to the peculiarities of mental coercion, given that this aspect in the legal literature is not fully illuminated. The author dwells on the principles of implementation of state coercion, where an important place must be given to the professionalism of law enforcement personnel, given that gosu-Endowment forced to a certain extent may limit the rights and freedoms of man and citizen.

Государственное принуждение как средство реализации государством ряда важнейших функций, в том числе в сфере противодействия преступности, как крайне негативному социальному явлению, представляет собой совокупность принудительных мер различного вида. Последние, в свою очередь, определяются целями государственного принуждения, объектом принудительного воздействия и рядом других факторов. Все виды государственного принуждения применяются правоохранительными органами на основе единых принципов, обеспечивающих соблюдение законности и гарантии прав тех лиц, в отношении которых применяется принудительное воздействие. Одной из таких гарантий является достаточно строго определенная ограниченность круга субъектов применения государственного принуждения.

При этом по характеру и специфике государственное принуждение может быть дифференцировано на физическое принуждение (например, задержание подозреваемого в совершении преступления под стражу в порядке ст. 108 УПК РФ), психическое принуждение (например, выраженное полицейским вербально требование предъявить документ, удостоверяющий личность на

основании ФЗ «О полиции» или предъявление повестки для вызова к следователю согласно соответствующим уголовно-процессуальным нормам). При этом физическое принуждение является наиболее жестким, что в значительной степени связано с ограничением физических возможностей человека, то есть воздействию подвергаются личная неприкосновенность. Применение физического принуждения влечет за собой потерю либо существенные ограничения в наиболее значимых социальных благах. Этот вид принуждения включает в себя прямое применение физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия, но не сводится только к нему.

Психическое принуждение воздействует на волю, эмоции, разум человека, то есть на психику личности и направлено на формирование такой волевой установки, которая способна изменить поведение путем угрозы применения принудительных мер или каких-либо других мер воздействия, способных повлечь неблагоприятные последствия для личности. В этом смысле представляет интерес точка зрения, согласно которой «самое принуждение, сопровождающее юридическую норму, имеет психический характер и заключается в возбуждении мотива, который может склонить к поведению, согласно с нормами и преодолеть мотивы, отклоняющие от нормального поведения» [1].

Таким образом, психическое принуждение имеет два аспекта: во-первых, это угроза применения карательного потенциала права; во-вторых, это применение конкретных мер, то есть внешнее воздействие по отношению к субъекту. В первом случае речь идет об издании органами государства соответствующих правовых норм, а также предписаний в рамках правоприменительного процесса, содержащих в себе угрозу применения санкций в случае их нарушения. Это хорошо видно по определению преступления, данного в ст. 14 УК РФ «Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом **под угрозой наказания** (выделено нами – авт.)».

Вот эта угроза и есть проявление психического принуждения со стороны государства. В Особенной части уголовного закона эта угроза со стороны государства конкретизируется в виде указания на конкретное запрещенное деяние и тех неблагоприятных последствий (санкций), которые могут последовать при неисполнении запрета.

Так, согласно ч. 1 ст. 163 УК РФ: «Вымогательство, то есть требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких, - **наказывается** (выделено нами - авт.) наказываемся ограничением свободы на срок до четырех лет, либо принудительными работами на срок до четырех лет с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового, либо арестом на срок до шести месяцев,

либо лишением свободы на срок до четырех лет со штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев либо без такового».

С психическим принуждением тесно связано понятие позитивной юридической ответственности, то есть с «осознанием правовых свойств своих действий (бездействия), соотнесение их с действующими законами и подзаконными актам, готовность отвечать за них перед государством и обществом» [2].

В литературе отмечается также, что позитивная юридическая ответственность личности существует в единстве своих объективных и субъективных признаков, при этом к субъективным признакам юридической ответственности относится осознание правовых норм, обязанностей, выработка к ним внутреннего психического отношения, стремление совершать определенные действия, мотивы, цели, эмоции. Вне сознания, вне свободы выбора вариантов поведения не может быть психического отношения к совершаемым действиям, а следовательно, и юридической ответственности [3]. И действительно: «юридическая ответственность - это регулируемая правом обязанность дать отчет в своих действиях. Истребование отчета - основной признак и сущность ответственности, а последует ли за отчетом осуждение и наказание - это уже иной вопрос» [4].

В данном случае элементом психического принуждения является предписываемая необходимость постоянного отчета о своем поведении. Вместе с тем, являясь актом внешнего волевого воздействия, психическое принуждение не имеет достаточно четких границ, в связи с чем в этот вид государственного принуждения неоправданно, на наш взгляд, включают, явления, которые к принуждению не относятся, либо степень принуждения в них столь низка, что о принуждении речь вести не приходится.

В этой связи, Л.И. Королев и А.И. Мушкин отмечали: «Психическое принуждение состоит в подавлении подвластным своей воли и осуществлением воли властвующего с тем, чтобы избежать тех последствий, которые могут наступить, если подвластный ее не исполнит... Всякая социальная норма как орудие власти регулирует общественные отношения методами убеждения и психического принуждения» [5].

С таким подходом трудно согласиться, поскольку, на наш взгляд, здесь переоценивается значение и неоправданно расширяется ареал психического принуждения. Принудительность действительно является неотъемлемым свойством права, но это не значит, что его можно отождествлять с психическим принуждением, как мерой внешнего воздействия [6]. Мы полагаем, что нормы уголовного права, наиболее жестко предписывающие запрет совершения ряда (вполне определенных) деяний, имеют потенциал психического принуждения, чего нельзя сказать о нормах иных отраслей права.

Что касается правоприменительных актов, то определенные категории из них, бесспорно, порождают психическое принуждение. Речь идет, прежде всего, об институте административно-предупредительных предписаний. Так,

примером психического принуждения может служить применение официального предупреждения органом Ростехнадзора об устранении недостатков в части соблюдения техники безопасности и условий охраны труда в различных организациях.

К примеру, Прибайкальское управление Ростехнадзора, обследовав детсад № 57 (г. Иркутск), издало предписание, в котором потребовало устранить ряд недостатков, в том числе окрасить открыто проложенный заземляющий проводник в черный цвет, выполнить монтаж главной заземляющей шины и др. [7] Получив такого рода предписание, ответственное должностное лицо, будучи обязанным предпринять необходимые меры, претерпевает психическое принуждение, поскольку невыполнение предписаний Ростехнадзора влечет за собой применение мер административно-правового воздействия согласно ст. 19.5 КоАП РФ.

Государственное принуждение может классифицироваться и по другим критериям, например, по соответствующим отраслям права, нормами которых оно регулируется: государственно-правовое, уголовно-правовое, гражданско-правовое и т.д. С учетом этого критерия все принудительные меры можно классифицировать на материально-правовые и процессуальные [8].

Следующим критерием классификации государственного принуждения является способ обеспечения общественного порядка. Исходя из этого критерия, можно выделить предупредительные меры принуждения, пресекающие меры принуждения и праввосстановительные меры принуждения. Есть и другие классификации (к примеру, связанные с различными формами пенитенциарной практики [9]), которые мы рассматривать не будем, полагая, что основные формы принуждения уже отмечены выше.

Теперь обратимся к принципам государственного принуждения в сфере противодействия преступности. Как справедливо отмечает И.И. Сыдорук: «Механизм обеспечения правопорядка помимо иных критериев должен отвечать определенным принципам, мировоззренческим установкам, позволяющим оценивать цели, формы и методы его формирования и упрочения. Среди таких принципов важное место принадлежит принципам социально-нравственной оценки выдвигаемых целей, принципам правовой и нравственной оценки характера взаимосвязей между целями и средствами их достижения, организационно-правовым принципам оценки функционирования органов государственной власти и специализированных органов правоохраны» [10].

Применительно к нашей проблематике основными принципами, на которых строится юридическая регламентация государственного принуждения и которым должна соответствовать фактическая деятельность компетентных органов в этой области, являются: законность, приоритет прав и свобод человека и гражданина, справедливость, демократизм и гуманизм [11]. Эти принципы достаточно подробно рассмотрены в литературе, и мы на них останавливаться не будем.

Выделим другие два принципа. Первый – принцип целесообразности. Речь идет о том, что, в связи с развитием технического прогресса, появляются все новые возможности реализации государственного принуждения и в этой связи возникает вопрос о применении наиболее целесообразных.

Это хорошо видно на следующем примере. Так, в Законе РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» отрегулировано применение огнестрельного оружия (ст.31), причем это сделано в инструктивной форме, которая вполне приемлема в уголовно-исполнительном праве, и такой подход заслуживает поддержки, равно как и содержательная часть соответствующих норм. Обратим внимание лишь на одно обстоятельство. В указанных нормах ничего не говорится о том, каким именно образом использовать огнестрельное оружие - «на поражение» или нет (например, в ст. 23 ФЗ «О полиции» предусмотрено применение оружия для остановки транспортного средства путем его повреждения, если управляющее им лицо отказывается выполнить неоднократные требования сотрудника полиции об остановке и пытается скрыться, создавая угрозу жизни и здоровью граждан).

Между тем, в ряде случаев необходимо учитывать различные обстоятельства, и, в частности, это касается пресечения побегов осужденных из исправительных учреждений [12]. Дело в том, что общественная опасность попытки побега, не сопряженной с иными, более тяжкими деяниями, представляется не настолько высокой, чтобы применять оружие на поражение. Необходимо учитывать, кроме того, что побег не всегда совершается с заранее определенным умыслом (в числе причин могут быть акт отчаяния при притеснениях со стороны «отрицаловки», душевное расстройство, семейные неурядицы и т.д.). Поэтому стрельба на поражение представляется здесь неадекватной мерой. В указанных случаях целесообразнее было бы использовать не боевые, а резиновые (пластиковые) пули, которые значительно снижают причиняемый вред.

Еще один принцип – это принцип профессионализма. Мы полагаем, что государственное принуждение должно осуществляться исключительно теми лицами, которые обладают необходимыми компетенциями, имеют надлежащую образовательную и практическую подготовку, то есть являются профессионалами. Это объясняется тем, что применение принуждения, как отмечалось выше, влечет за собой определенные правоограничения для принуждаемого лица, и из-за некомпетентности субъектов правоприменения не должны страдать лица, попадающие в орбиту применения государственного принуждения [13].

Особенно это относится к так называемым «силовикам». Как справедливо отмечается в литературе, в правосознании работников силовых структур должно быть прочным понимание того, что власть дается им по закону, от населения и для населения [14]. Особенно это важно в сфере противодействия преступности, где принуждение приобретает наиболее жесткие формы, и здесь важно рационально и осторожно и, вместе с тем, решительно использовать

предусмотренный законодательством комплекс мер, направленных на предупреждение и пресечение деяний, имеющих общественно опасный характер, а это возможно только на надлежащей подготовке сотрудников правоохранительных органов.

Литература и источники

1. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1911. С. 75.
2. Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права. Казань, 1987. С. 265; Вишневский А.Ф. Юридическая ответственность: некоторые аспекты теоретического осмысления в правовой науке // Вестник Пермского Университета. Юридические науки. 2013. № 4. С. 18 – 28 и др.
3. Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности. СПб., 2003. С. 16.
4. Тархов В. А. Гражданские права и ответственность. Уфа, 1996. С. 66
5. Королев Л.И., Мушкин А.Е. Государство и власть // Правоведение. 1963. №2. С.21.
6. Потапов В.А. Законность и правомерное поведение в условиях реформирования России (региональный аспект). Дисс. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 1995. С.53-54.
7. Интернет-ресурс: <http://mdou57angarsk.ru/>
8. См. напр.: Турицын А.В. К вопросу о принципах ограничения права собственности на земельные участки сельскохозяйственного назначения // Современная научная мысль. 2013. №1. С.61-68.
9. Нефедовский Г.В. Проблема эволюции реликтовых видов лишения свободы в предреволюционной России // Современная научная мысль. 2013. №3. С.149-158.
10. Сыдорук И.И. Государственно-правовой механизм обеспечения правопорядка в Российской Федерации (теоретическое административно-правовое исследование). Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2002. С. 9.
11. Сарсенов К.М. Государственное принуждение и его реализация в деятельности органов внутренних дел. Дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996. С. 36-46.
12. Нефедовский Г.В. К вопросу о причинах побегов из мест лишения свободы // Право и практика. 2012. №2. С.50-55.
13. Габараева Н.В., Эртель А.Г. Судебный контроль при реализации мер административного принуждения // Современные научные исследования. 2012. №12 (9).
14. Право прав человека и гуманитарные принципы. Справочник для сотрудников органов внутренних дел / Сост. Астапенко П.Н. и др. Смоленск, 2003. С. 7.

ТУРИЦЫН ИГОРЬ ВИКТОРОВИЧ - доктор исторических наук, профессор, президент НИИ истории, экономики и права. Москва (i.turitsyn@mail.ru)

УПОРОВ ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор Краснодарского университета МВД России. Краснодар (uporov@list.ru)

TURITSYN, IGOR V. – Doctor of History, Professor, President, History, Economics and Law Research Institute (HELRI). Moscow (Researcher ID: K-3043-2013).

UPOROV, IVAN V. - Doctor of History, PhD in Law, Professor of the Krasnodar University of Ministry of Internal Affairs of Russia. Krasnodar.

УДК 347.44

**КОЛИЕВА А.Э.
ПОНЯТИЕ И ДИНАМИЧНОСТЬ РАЗВИТИЯ
ФИДУЦИАРНЫХ ДОГОВОРОВ**

Ключевые слова: фидуциарность, фидуциарный договор, фидуциарность сделок, право доверителя, принципы фидуциарности, правоприменение, институт договора, договорные правоотношения.

В статье рассматриваются проблемы реализации фидуциарности в качестве принципиального положения в договорных правоотношениях; приводятся дискуссии об обязанностях фидуциара, об обеспечении соблюдения интересов доверителя; предлагаются меры по закреплению фидуциарности в гражданском праве.

**KOLIEVA, A.E.
THE CONCEPT AND THE DYNAMIC DEVELOPMENT
OF THE FIDUCIARY CONTRACTS**

Keywords: the fiduciarity, the fiducial contract, the fiduciarity of transactions, the right of the principal, the principles of fiduciarity, the right application, the institute of the contract, the contractual legal relationship.

In this article problems of realization of fiduciarity in quality of basic situation in contractual legal relationship are considered; discussions about duties of the fiduciary, about ensuring compliance with interests of the principal are given; measures for fixing of fiduciarity in civil law are offered.

Проблема правового регулирования фидуциарных договоров в отечественной цивилистической доктрине никогда не разрабатывалась и даже не обозначалась как проблема. Напротив, профессор О.С. Иоффе, который впервые ввел в научный оборот понятие «фидуциарные сделки» и в самых общих чертах дал его определение, отмечал, что такие сделки в советском

гражданском праве практически не встречаются, а потому в разработке этого понятия нет необходимости.

Для данного утверждения О.С. Иоффе имел определенные основания. Как в римском праве, так и в СССР фидуциарные правоотношения отождествлялись с фидуциарными сделками. В ГК РСФСР 1922 г. к таким сделкам относились договоры поручения и комиссии, не имевшие в то время распространения. Договор товарищества был лишь формально закреплен в ГК и не встречался на практике. Теория органа юридического лица разрабатывалась с позиций представительства.

Ввиду всего сказанного, в российской цивилистической доктрине сложилось либо отрицательное, либо безразличное отношение к проблемам правового регулирования фидуциарных договоров.

В современных условиях в отечественном гражданском законодательстве и доктрине создана определенная база для разработки названной проблемы, наряду с традиционными отношениями представительства, которые на протяжении всего советского периода были закреплены в гражданском законодательстве и разрабатывались рядом авторов.

Активно разрабатываются проблемы доверительного управления имуществом, проблемы правового положения конкурсного управляющего, проблемы правового положения органа юридического лица. С 1 сентября 2008 г. вступил в силу ФЗ РФ «Об опеке и попечительстве», в котором более подробно, чем в ст. 38 ГК РФ, закреплены нормы, регулирующие отношения по управлению, в том числе по доверительному управлению имуществом подопечного. Еще раньше эту проблему активно разрабатывала Л.Ю. Михеева. Однако в науке не была выявлена правовая природа данного договора, не было даже попытки найти в договорах общие черты, привести их в определенную систему, рассмотреть их в единстве.

Таким образом, на текущий момент в отечественной науке гражданского права проблема правового регулирования фидуциарного договора оказалась неразработанной даже на уровне отдельных научных статей, не говоря уже о монографических, в том числе диссертационных, исследованиях. Хотя необходимость и возможности для ее разработки в условиях современной России не вызывают сомнений.

Определение правовой природы договора требует систематизации договоров.

Правовая природа договоров имеет значение в том случае, когда речь идет о правоприменительной деятельности: правильное определение правовой природы дает возможность точно квалифицировать правоотношение и преодолеть казусы и пробелы путем применения аналогии закона или права.

Фидуциарные соглашения исторически формировались, в качестве сделок, направленных, в первую очередь, на осуществление услуг по представительству. Предметом представительства становятся фактические действия, например, управление имуществом доверителя и действия

юридические, например, совершение сделок или участие в судебной защите интересов доверителя.

Немаловажным свойством фидуциарных сделок является не императивность условия о вознаграждении представителя, что вполне соответствует генезису их возникновения и развития в гражданском праве. В связи с наличием вышеперечисленных свойств к гонорарным фидуциарным сделкам нами были отнесены договор поручения и договор доверительного управления имуществом.

Возникающее при заключении фидуциарных сделок, доверие настолько полное, что создается фиктивная личность, наделенная таким объемом субъективных прав, что личность поверенного может «растворяться» в ней и его деятельность может сводиться исключительно к механической реализации воли доверителя.

Таким образом, основным признаком фидуциарных договоров является то, что основной их целью являются действия в интересах доверителя и диспозитивность условия о вознаграждении, что еще раз свидетельствует именно о доверии, как основном мотиве заключения изучаемых сделок. В пользу индивидуальности фидуциарных договоров и отличию их от сходных представительских сделок, например, комиссии и агентирования, а также от отдельных договоров, направленных на передачу имущества, заключению которых предшествует установление доверия между контрагентами, свидетельствует еще одно свойство.

Сущностью фидуциарных договоров является не пользование вещью или деньгами кредитора, а передача субъективных прав, реализация которых осуществляется поверенным с такой же осмотрительностью и расчетливостью, как если бы их осуществлял сам доверитель.

Законодатель рекомендует указывать в качестве существенных условий предмет в первую очередь подробное описание предмета договора. В договоре поручения это перечень действий, доверяемых поверенному, а в договоре доверительного управления имуществом – это вещи, которые передаются в управление.

Еще более спорным представляется избранный законодателем способ формулирования группы существенных условий, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение. В соответствии с предложенным ГК РФ подобным способом определения существенности условия любое из условий может привести к недействительности договора.

Предложение по выходу из сложившейся ситуации предложено В.В. Витрянским. Так, ученый предлагает считать все условия, которые зафиксированы в заключенном сторонами договоре, существенными.

Чаще всего, вопрос о признании существенными условий договора, указанными одной из его сторон, чаще всего возникает в суде, при разрешении спора из заключенного договора. Априори, ни одна из сторон не подпишет договор, с условиями которого она не согласна. Поэтому, существенность

условий определяется на стадии заключения договора – направления акцепта и принятия его offerentом, а к моменту его исполнения все условия будут считаться существенными.

Автор статьи поддержал данный подход к разрешению вопроса о существенности условий договора.

Однако если придерживаться подобной точки зрения, то становится справедливым утверждение о том, что «все условия договора на практике являются существенными. Если условие договора не является существенным, то оно не толкуется».

Вместе с тем, если учитывать, что все записанное в договоре существенно, следовательно, оно толкуется судом и его не исполнение может привести к признанию договора не действительным. Незамедлительно возникает следующее противоречие.

По требованию одной из сторон, договор, может быть, расторгнут только в том случае, если существенно нарушается его условие.

Законом определена и степень существенности нарушения условий договора – причинения стороне такого ущерба, что она в значительной степени лишается того, на что была в праве рассчитывать при заключении договора. Очевидно, что не все нарушения договора могут быть признаны существенными и при их наличии он расторгается.

Таким образом, можно предложить при разрешении вопроса о существенности условий для договора руководствоваться именно юридическими модальностями и, исходя из условий каждого отдельно взятого договора, оценивать существенность того или иного условия и влияние его на исполнение договорного обязательства.

В соответствии со сказанным к существенным условиям, названным таковыми по заявлению одной из сторон, для договора поручения автор предлагает отнести следующие.

Во-первых, предмет договора. Гражданский кодекс содержит императивное правило о том, что любой договор, независимо от его направленности и видовой принадлежности, должен содержать указание на предмет.

Помимо того, что предмет договора отражает волю сторон, его уточнение чаще всего является предметом для судебных споров, в ходе разрешения которых получают надлежащие объяснение и толкование правовые модальности.

Аналогичным образом следует обосновать и существенность условия о предмете договора доверительного управления имуществом. Разница в предметах исследуемых договоров, как мы показали выше, заключается в том, что целесообразнее, исходя из существа договора доверительного управления имуществом, к его предмету добавить и имущество, передаваемое в управление.

Во-вторых, анализируя существенные условия договоров поручения и доверительного управления имуществом, указанные в иных, кроме ГК РФ,

актах гражданского законодательства, автор установил, что существенные условия договора поручения содержатся в Законе РФ «Об адвокатуре и адвокатской деятельности». Например, в соответствии с указанным законом, существенными условиями следует признать размер вознаграждения поверенному и размер и характер ответственности поверенного перед поручителем. Автор предложил признать эти условия существенными для договора поручения, но с оговоркой, суть которой в том, что поручение может быть и безвозмездным договором, следовательно, размер вознаграждения в нем не учитывается.

Особенностью такого договора являются личные доверительные отношения сторон. Привлекая адвоката к оказанию юридических услуг, доверитель должен быть уверен в его профессиональной компетентности, деловой репутации и порядочности, так как от этого зависит насколько полученный результат деятельности адвоката будет отвечать интересам доверителя.

В данных фидуциарных отношениях клиент предполагает, что адвокат не озабочен целью своего обогащения за его счет, а добросовестно оказывает профессиональную юридическую помощь. За качественное и профессиональное выполнение своих обязанностей по соглашению, адвокат получает согласованное сторонами вознаграждение.

В соглашении об оказании юридических услуг необходимо, насколько это возможно, определить предмет договора – права и обязанности адвоката и доверителя.

Договор об оказании юридических услуг прямо не указан в Гражданском кодексе Российской Федерации как самостоятельный вид договора. К данному договору применимы нормы, содержащиеся в главе 49 ГК РФ о договоре поручения или в главе 39 ГК РФ о возмездном оказании услуг.

Федеральных законов, непосредственно регулирующих отношения, возникающие из договора доверительного управления имуществом, кроме ГК РФ, нет. Однако объективная необходимость управления имуществом возникает у целого ряда субъектов, например, у государственных органов, поэтому, существуют акты регионального законодательства, упорядочивающие отношения по доверительному управлению.

В них также содержатся отдельные нормы о признании существенными ряда условий договора доверительного управления имуществом. Например, в законе Санкт-Петербурга «О доверительном управлении имуществом Санкт-Петербурга» в качестве существенных условий договора, заключаемого Санкт-Петербургом в лице исполнительного органа государственной власти Санкт-Петербурга в рамках его компетенции, с управляющим должны быть определены цели управления, обязанность отчета управляющего, размер и форма вознаграждения управляющего, форма ответственности управляющего. Очевидно, что существенные условия актуальны и продиктованы объективными обстоятельствами заключения и исполнения договора. Тем не

менее, формально они не являются существенными в контексте пункта 1 статьи 432 ГК РФ.

В-третьих, автор пришел к выводу о том, что указанное в законе положение о возможности признания существенными всех условий, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение, является не корректным.

В качестве решения данной юридико-технической проблемы автор рекомендует предоставить судам возможность оценивать существенность каждого из условий, заявленного стороной и разрешать возникающие споры, основываясь на обстоятельствах заключения и исполнения каждого отдельно взятого договора.

На основании вышесказанного хочется предложить внести следующие изменения в Гражданский кодекс РФ:

Пункт 1 статьи 432 ГК РФ изложить в следующей редакции: «Существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимы для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение, если неисполнение подобного условия приведет к существенному нарушению договора».

Пункт 5 статьи 1020 ГК РФ должен быть изложен в следующем виде:

«5. Доверительный управляющий обязан застраховать в пользу учредителя управления риск ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей».

Абзац второй статьи 1012 ГК РФ дополнить следующим правилом:

«Законом или договором могут быть предусмотрены ограничения в отношении отдельных действий по доверительному управлению имуществом. Так, крупные сделки, порученные и совершаемые управляющим, направленные на приобретение имущества в уставных капиталах акционерных хозяйственных товариществ и обществ должны проходить обязательную проверку в органах антирейдерского контроля».

Литература и источники

1. Белоусова Е.В., Эртель А.Г К вопросу о правовом регулировании фидуциарных сделок // Ученые записки Адыгейского филиала Московской открытой социальной академии. Выпуск 6. Сборник статей. Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2008.
2. Беневоленская З.Э Проблемы правового регулирования доверительного управления имуществом в сфере предпринимательства. Дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997.
3. Витрянский В.В. Существенные условия договора. // Хозяйство и право. 1998. №7. Июль.

4. Дивеев А. Правильно определять юридическую природу договоров // Социалистическая законность. 1968. № 7.
5. Иоффе О.С. Гражданское право. Курс лекций. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1959.
6. Колиева А.Э. К вопросу о доверительном управлении // Бизнес в законе. 2011. №6.
7. Михеева Л.Ю. Правовое регулирование опеки и попечительства: теория и практика. М.: Волтерс-Клувер, 2004.
8. Сумской Д.А. Концепция органа юридического лица в теории гражданского права. Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2007.
9. Колиева А.Э. Некоторые юридические коллизии доверительных отношений в договорном праве // Современная научная мысль. 2013. №6. С.169-175.

КОЛИЕВА АНГЕЛИНА ЭДУАРДОВНА – кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и трудового права Северо-Кавказского горно-металлургического института (государственного технологического университета) (akolieva@mail.ru)

KOLIEVA, ANGELINA E. - PhD in Law, Associate Professor of business and labor law, North-Caucasian Mining and Metallurgical Institute (State Technical University).

УДК 342.552:342.734

САПФИРОВА А.А., ЭРТЕЛЬ А.Г.
ПРАВОВОЕ РАЗГРАНИЧЕНИЕ «ВНУТРЕННИХ» ПОЛНОМОЧИЙ В
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНСПЕКЦИИ ТРУДА В СУБЪЕКТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Ключевые слова: охрана труда, трудовые права, федеральная инспекция труда, государственный инспектор труда.

В статье рассмотрена проблема разграничений полномочий в государственной инспекции труда. Показано, что для проведения проверки по охране труда инспектору необходимо владеть такой информацией, которая выходит далеко за рамки Трудового Кодекса РФ и имеет техническую направленность, в то время как правовые инспекторы труда, осуществляя свои полномочия, вполне могут обойтись и без знания таких специальных правил. В связи с этим обоснован вывод о целесообразности в Трудовом Кодексе РФ разграничить права инспекторов по охране труда и правовых инспекторов, тем более, что в ранее действовавшем Положении о федеральной инспекции труда разделение прав было закреплено. Авторы полагают, что численный состав государственных инспекторов труда по правовым вопросам следует привести в равное соответствие с количеством государственных инспекторов по охране

труда. В этом случае будет исключен дисбаланс средней нагрузки на одного инспектора.

SAPPHIROVA, A.A., ERTEL, A.G.
RULE OF DISTINCTION "INTERNAL" CREDENTIALS THE STATE
LABOUR INSPECTION IN THE RUSSIAN FEDERATION:
EQUITY AND EFFICIENCY

Keywords: labor protection, labor rights, the Federal Labour Inspectorate, the state labor inspector.

In the article the problem of delimitation of powers in the state labor inspectorate. It is shown that for inspection of labor protection inspector is necessary to possess such information, which goes far beyond the Labour Code of the Russian Federation and has a technical focus, while legal, labor inspectors, in exercising its powers, it can be done without knowledge of such special rules. In this regard, justified conclusion about expediency in the Labour Code of the Russian Federation to distinguish between the right of inspectors on labor protection and legal inspectors, especially in the provisions in force on the federal labor inspectorate division of the rights has been fixed. The authors suggest that the size of the state labor inspectors on legal issues should be brought into line with an equal number of state labor inspectors. In this case, the imbalance is excluded the average load per inspector.

Компетенция любого органа исполнительной власти является юридическим содержанием его функции. И если федеральная инспекция труда осуществляет функцию в виде государственного надзора, то ее компетенция наполняет содержанием данную функцию. Компетенция органа, как верно отмечал Б.М. Лазарев, очерчивается путем указания на функции, которые возложены на орган применительно к той или иной сфере деятельности. Однако функции не только очерчивают компетенцию, но и отражаются в ней.

Орган государства не должен ни уклоняться от реализации своей компетенции, ни выходить за ее пределы. Наделение органа исполнительной власти определенной компетенцией означает распределение полномочий между входящими в его структуру подразделениями и должностными лицами. Специфика компетенции заключается в том, что она всегда имеет активную направленность. Органы исполнительной власти создаются не для бездействия, а для того, чтобы решались задачи, поставленные перед государством в целом или в определенной сфере общественной жизни, в которой те или иные органы исполнительной власти представляют государство. Так, федеральная инспекция труда действует от имени государства, реализует его защитную функцию, и ее деятельность в конечном итоге должна быть направлена на предупреждение нарушений трудовых прав и их восстановление.

Компетенция – это совокупность прав и обязанностей. Соответственно совокупность прав и обязанностей федеральной инспекции труда – это ее

компетенция. В статье авторами не преследуется цель расширенного изучения всех элементов компетенции, мы придерживаемся традиционной точки зрения о содержании компетенции, как совокупности прав и обязанностей и ограничиваемся только детальным освещением проблем разграничения полномочий в структуре государственной инспекции труда в субъекте РФ.

Так, согласно ст.357 ТК РФ все инспектора труда имеют единые права. Между тем, для проведения проверки по охране труда инспектору необходимо владеть такой информацией, которая выходит далеко за рамки ТК РФ и имеет техническую направленность, в то время как правовые инспекторы труда, осуществляя свои полномочия, вполне могут обойтись и без знания таких специальных правил. В связи с этим представляется целесообразным в ТК РФ разграничить права инспекторов по охране труда и правовых инспекторов, тем более, что в ранее действовавшем Положении о федеральной инспекции труда разделение прав было закреплено. Вместе с тем, в упомянутом Положении разделение этих прав было проведено таким образом, что часть прав «принадлежала» государственным инспекторам труда (по правовым вопросам), другая часть прав включала в себя права государственных инспекторов труда (по правовым вопросам), и собственно права государственных инспекторов труда (по охране труда). Такая ситуация, создающая дисбаланс в правах инспекторов труда, совершенно недопустима.

В ТК РФ права инспекторов признаны едиными и распространяемыми на все органы, входящие в систему федеральной инспекции труда. В таком случае возникает вопрос: на каком основании Положения о государственной инспекции труда в субъектах РФ разграничивают права государственных инспекторов труда по правовым вопросам и по охране труда, предоставляя вторым из них более широкие полномочия, нежели первым, в то время как ст.357 ТК РФ определяет одинаковые полномочия для всех государственных инспекторов труда?

В принципе, подобное разграничение прав внутри государственных инспекций труда в субъектах РФ возможно. Однако справедливо ли оно? Есть ли в таком разделении целесообразность? Данный вопрос заслуживает детального исследования.

Число государственных инспекторов по охране труда практически в течение всего времени осуществления инспекцией труда своих полномочий составляло примерно на 1/3 выше, чем число государственных инспекторов труда по правовым вопросам. Таким образом, дробное соотношение их численности выглядит следующим образом: 2/3 – инспекторов по охране труда, 1/3 – инспекторов по правовым вопросам. На каких разумных доводах основывается такое соотношение их количества трудно сказать, но с середины 50-х годов прошлого века вплоть до настоящего времени эта ситуация признается не только вполне обоснованной, но и необходимой. Учитывая отказ в 40-х годах XX века от наличия правовой инспекции труда в пользу ее технического аналога, подобный неоправданный количественный перевес инспекторов по охране труда приветствовался учеными, фактически

подразумевающими под названием «инспекция труда» - «техническая инспекция труда».

Однако в современных условиях это не может казаться разумным. Нарушений действующего законодательства (исключая нормы об охране труда) ничуть не меньше, а порой даже больше, чем правил охраны труда. Если сравнить цифры проведения проверок по правовым вопросам и по охране труда, то видно, что тем составом инспекторов по охране труда, который имеется, можно было бы проводить не только значительно большее количество проверок по охране труда, чем имеет место быть, но и значительно чаще привлекать к ответственности за нарушения законодательства. Анализ статистических данных выявляет такую тенденцию: на 1 инспектора по охране труда приходится значительно меньшее количество проверок и штрафов, чем на 1 инспектора труда по правовым вопросам, и одновременно увеличенное количество выданных предписаний с выявленными нарушениями. Получается, что инспектор по охране труда меньшим количеством проверок при большей численности выдает больше предписаний, но практически в 2 раза меньше привлекает к административной ответственности по результатам выданных предписаний. Возникает вопрос, так ли необходимо сохранять приоритетное количество инспекторов по охране труда или все же целесообразнее уравнивать их количество? Представляется, правильным второй вариант. Он разрешит не только грамотно сбалансировать деятельность всех инспекторов труда, но и не позволит вносить дисгармонию в нагрузку инспекторов, фактически необоснованно снижая ее в отношении инспекторов по охране труда за счет инспекторов по правовым вопросам. Отрадно заметить, что анализ численности инспекторов показывает, что наблюдается неуклонное сближение количества инспекторов по охране труда и по правовым вопросам. Так, если в 1995 году разница между ними составляла 1600 инспекторов в пользу инспекторов по охране труда, в 2001 году - 912 человека, в 2007 году – 650 человек.

Однако хотелось бы заметить, что нагрузка на инспекторов труда распределяется неравномерно и это обстоятельство не может положительно отражаться на количестве восстановленных трудовых прав работников. В 2010 году нагрузка составила 2,9 тыс. хозяйствующих субъектов в среднем на 1 должностное лицо инспекции. В то же время в ряде субъектов РФ фактическая нагрузка значительно превосходила среднюю. Например, в Краснодарском крае она составила 4,65 тыс. хозяйствующих субъектов, в г. Санкт-Петербурге - 7,8 тыс. хозяйствующих субъектов, а в г. Москве – 8,7 тыс. Одновременно в этом же докладе (за 2010) указывается на сокращение штатов в связи с проведением административной реформы. По сравнению с 2003 годом такое сокращение составило 14%, в 1995 годом – 31%. Возникает вопрос не столько о необходимости сокращения штатов инспекторов труда, сколько о дифференцированном подходе к такому сокращению, не позволяя практически в 2-3 раза увеличивать среднюю нагрузку в отдельных регионах. Дело в том, что нагрузка государственного инспектора труда напрямую влияет на эффективность защиты им трудовых прав работников. И если она превышает в

несколько раз среднюю и разумную нагрузку, то у государственного инспектора труда нет реальной возможности восстановить все нарушенные трудовые права работников.

Согласно отчету о деятельности федеральной инспекции труда за 2010 годы на 1 должностное лицо федеральной инспекции труда, уполномоченное на осуществление контроля (надзора) в установленной сфере деятельности, приходилось 2,9 тыс. единиц хозяйствующих субъектов, в 2013 году – 5,08 тыс. единиц. При этом фактическая нагрузка распределялась весьма неравномерно. Если, например, в Астраханской, Волгоградской, Ярославской областях и Республике Саха (Якутия) составляет от 3 до 3,1 тыс. хозяйствующих субъектов, то в г. Санкт-Петербург - 7,8 тыс. хозяйствующих субъектов, а в г. Москва – 8,7 тыс. хозяйствующих субъектов. При этом обратим внимание на то, что среднее количество проверок по России составляет 5,4 проверки в месяц, в то время как в отдельных регионах фактическая нагрузка составила 9,14 проверок (Кемеровская область), 8,91 проверок (г. Санкт-Петербург) и т.д.

Такая ситуация развивается наряду со значительным снижением общего количественного состава инспекторов труда. Так, если в 1995 году их было 3572 инспектора по России, в 2007 – 2898 инспекторов по России. И это происходит на фоне более чем двойного увеличения числа зарегистрированных хозяйствующих субъектов (в 2000 году их было 3211,7 тыс., в 2007 году - 6851,8 тыс.). На наш взгляд, количество инспекторов достигло критического предела, что не позволяет им качественно выполнять свои обязанности.

Учитывая сроки рассмотрения жалоб, получается, что инспектор должен рассмотреть одну жалобу в день-два, при этом оформив все необходимые документы. Нет необходимости констатировать, что в таких условиях страдает, прежде всего, качество работы инспектора. Особенно это отражается на количестве необоснованных жалоб. Конечно, причин необоснованности может быть множество: действительное отсутствие нарушений со стороны работодателя, злоупотребление правами, в том числе и правом на обращение, самим работником, пытающимся таким образом «наказать» работодателя, а также, что бывает значительно реже, деятельность инспектора по восстановлению прав без проверки (речь идет об использовании инспектором личного авторитета в целях удовлетворения жалобы).

Однако причинами необоснованности часто являются и вынужденная быстрота рассмотрения жалобы, и некомпетентность инспектора, не успевающего отслеживать последние изменения законодательства, и, наконец, его профессиональная усталость.

Нам представляется, что соотношение справедливости и эффективности в деятельности государственных инспекций труда в субъектах РФ необходимо сбалансировать.

Во-первых, путем разумного разграничения прав правовых инспекторов и инспекторов по охране труда, но без каких-либо «перекосов», четко обозначив права инспекторов по охране труда и по правовым вопросам. Подобное четкое разграничение будет способствовать более глубокой специализации

инспекторов и устранил возможность некомпетентного вмешательства одних должностных лиц в деятельность других.

Во-вторых, численный состав государственных инспекторов труда по правовым вопросам следует привести в равное соответствие с количеством государственных инспекторов по охране труда. В этом случае будет исключен дисбаланс средней нагрузки на одного инспектора.

В-третьих, исключить сокращение инспекторов труда путем одинакового снижения их количества по всем субъектам РФ. Сокращение инспекторов труда должно находиться в прямой зависимости от числа хозяйствующих субъектов в конкретном субъекте РФ.

Думается, что эти способы помогут поддержать баланс справедливости и эффективности в деятельности государственных инспекций труда в субъектах РФ.

Литература и источники

1. Богославский Е.А., Эртель А.Г. К вопросу о системе показателей финансовой безопасности государства // Современная научная мысль. 2013. №5. С.108-113.
2. Сапфинова А.А. Федеральная инспекция труда: орган по рассмотрению и разрешению трудовых споров или орган по урегулированию трудовых разногласий? // Трудовое право. 2008. №2. С.11-17.
3. Сапфинова А.А. Международно-правовая регламентация деятельности Федеральной инспекции труда // Современная научная мысль. 2013. №6.
4. Сапфинова А.А. Защита трудовых прав и законных интересов работников органами государственного надзора и контроля. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2009.
5. Снигирёва И.О. Конституционные основы трудового законодательства // Трудовое право. 2004. №4.

САПФИРОВА АПОЛЛИНАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА - доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного, трудового и экологического права Кубанского государственного аграрного университета. Россия, Краснодар (pol499@yandex.ru).

ЭРТЕЛЬ АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ – кандидат юридических наук, кандидат экономических наук, доцент, заслуженный деятель науки Республики Адыгея, доцент кафедры гуманитарных и правовых дисциплин филиала Адыгейского государственного университета в г.Белореченске (agu@mail.ru)

ERTEL, ANATOLY G. - PhD in Law, Associate Professor, Honored Scientist of the Republic of Adygea, assistant professor of humanities and legal sciences branch of Adyghe State University in Belorechensk.

SAPPHIROVA, APOLLINARIA A. - Doctor of Law, Associate Professor, Head of the land, labor and environmental rights department, Kuban State Agrarian University. Russia, Krasnodar.

НЕФЕДОВСКИЙ Г.В.
К ПРОБЛЕМЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА,
КАК СУБЪЕКТА ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ключевые слова: уголовная ответственность, должностное лицо, судебная практика, служебная деятельность, полномочия.

В статье рассмотрены проблемные вопросы, связанные с ответственностью должностных лиц, как субъектов правовых отношений. Показано, что современное российское законодательство не регулирует должным образом наступления правотой ответственности субъектом неправомерного деяния - а именно должностного лица, каковым считается человек, который имеет публично-правовые полномочия, находится на государственной, общественной или частной службе. В данном контексте рассмотрены конкретные проявления наиболее спорных моментов наступления правовой ответственности должностных лиц.

NEFEDOVSKIY, G.V.
THE PROBLEM OF LIABILITY OFFICIALS
AS SUBJECTS LEGAL RELATIONS

Keywords: criminal responsibility, the official judicial practice, performance management powers.

The article deals with problems connected with the responsibility of officials, as subjects of legal relations. It is shown that the current Russian legislation does not regulate properly the subject of vesting responsibility misconduct - namely official, what is a person who has a public-law powers, it is on the state, public or private service. In this context, we address specific manifestations of the most controversial moments of the onset of the legal responsibility of officials.

Современное законодательство РФ не регулирует должным образом наступления правотой ответственности субъектом неправомерного деяния - а именно должностного лица, каковым считается человек, который имеет публично-правовые полномочия, находится на государственной, общественной или частной службе. Преступлением должностного лица считается проступок, который в силу наличия полномочий принес вред государству или частному лицу. В основном самыми распространенными считаются преступления, что регулируются гл.30 УК (ст.285, 285 ч.1,2,3, 286, 286 ч.1, 287, 289, 290, 292 , 292 ч.1, 293). Иными преступлениями, или специальными называют злодеяния, совершены должностными лицами, относительно определенной среды деятельности или отдельного должностного лица. Ко второй группе относят

преступления, что регулируются статьями 237 ч.2 и 354 ч.2 УК РФ. Третьей категорией выделяют преступления с использованием служебного положения. В современном мире именно эти правовые нарушения и требуют доработки. Регулируются правовые отношения статьями ч.3. Ст146, ч.3 ст.159 УК и другие.

Основными правонарушениями считаются опасные действия должностного лица с использованием его функциональных обязанностей, с целью получения собственного вознаграждения или нанесения вреда другому субъекту правовых отношений. Основная проблема современного законодательства - это невозможность наступления уголовной ответственности, как должностного лица, а классификация нарушения, как общепринятого, что влечет за собой ответственность относительно другой статьи.

Самым спорным в адвокатской практике считается правонарушение, совершенное должностным лицом, которое находилось на временном назначении или исполняло поручение. Обычным считается наступление уголовной ответственности за правонарушение таким субъектом, как должностным лицом, однако логично, что наступление ответственности должно быть на период исполнения функциональных обязанностей. Однако Российское Законодательство несовершенно и даже в случае нарушения процедуры назначения должностного лица или лица с определенным поручением, его вина на период проведения обязанностей классифицируется как вида должностного лица. Однако, как показывает адвокатская практика, нарушения процесса вступления должность являются важным правовым моментом, что, следовательно, должно приниматься как основа для снятия ответственности субъекта как лица должностного и наступления его общей ответственности. Несомненный спорный противоречащий факт законодательства, что служит прецедентом для назначения ответственности должностного лица.

Еще одним спорным моментом назначения правовой ответственности должностному лицу, совершившему преступление, является классификация самого назначения. Судебной практикой введено четкое определение назначения ответственности человеку, если тот, исполняя определенное функциональное назначение, влечет за собой наступление юридической ответственности. Однако трактовка самого определения «должностного лица» не должна иметь широкое значение, при всей юридической ответственности. Тогда обычный завхоз общежития, не может быть признан должностной личностью, так как исполняет технические поручения и не имеет правовой значимости.

Также в современном адвокатском деле спорным является момент признания человека должностной личностью, если таковой не несет правовой значимости, но его распоряжения третьим лицам, могут вызвать правовую ответственность последних. То есть, простого работника сложно признать должностным лицом и привлечь его к правовой ответственности, ведь юридической значимости на нем нет.

Существует судебная практика, которая гласит, что признание человека должностным лицом невозможно, если таковой исполнял технические поручения. Однако как же в этом случае определять правовой статус учителей и врачей. Сами по себе они исполняют технические работы и профессиональные обязанности, но почему-то классификация их идет как «должностных лиц».

Адвокатская практика последних лет показывает, что такая классификация имеет место быть. Ведь учитель и врач имеют правовую ответственность относительно ученика и больного, соответственно. То есть злоупотребление учителем своими правами (завышенная оценка, несправедливое отношение, взятки и прочие факты неправомерного использования функциональных обязанностей) способны навредить человеку, что является фактом юридических отношений. Относительно судебной практики, связанной с врачебной деятельностью, прецедентов довода врачебной ошибки нет. Но нанесение вреда здоровью и жизни несет за собою юридическую ответственность. Поэтому, несмотря на профессиональность обязанностей, врачи и учителя считаются должностными лицами. Отметим, что в современной адвокатской практике случаи наступления ответственности известны и достаточно просто доказуемы.

То есть наступление правовой ответственности должностного лица невозможно, если человек не признан таковым или исполняет организационно-технические обязанности без влечения юридической ответственности. Кроме того, применительно к унитарным предприятиям государственного и муниципального типа, которые относятся к коммерческим, невозможно трактовать наступление гражданской ответственности работников как для должностного лица.

Спорным также является наступление ответственности для человека - должностного лица, который исполнял указание или приказ. Так, современная практика показывает, что в случаи наступления ответственности обвиняемый временно «не понимал» что исполнял, то есть имеет место принудительное исполнение, что влечет ответственность, только человека издавшего приказ. Однако несовершенство этой трактовки состоит в том, что тогда довести ответственность исполнителя невозможно, и его уголовная ответственность вообще не наступает (без доказательств), а издатель незаконного приказа выступит перед судом исполнителем нарушения.

Отдельного внимания заслуживает ст. 286 ч.1 УК, что предусматривает ответственность органами внутренних служб за отказ от исполнения незаконного приказа. Относительно этой статьи ст.42 ч.2 УК РФ говорит об отсутствии уголовной наказуемости должностного лица в случае отказа от исполнения незаконного приказа руководства, где последние привлекаются как должностные лица, организаторы массового правонарушения. В связи с современной политической ситуацией эта статья имеет огромное значение для наведения порядка органами полиции и спецслужб.

Спорным моментом наступления правовой ответственности должностным лицом являются процессы, в которых речь идет о превышении полномочий с использованием оружия и физической силы, а также несанкционированное задержание. Отметим, что однозначного решения нет и адвокатской практикой доведено, что несовершенство этого закона приводит к оправданию заведомо неправомерного использования собственных полномочий органами правопорядка. Однако большинство моментов использования оружия регулируется нормативно-правовыми актами, и многое зависит от самой ситуации и возможной угрозы.

Еще одним спорным моментом современной юриспруденции является спорность момента относительно ответственности должностного лица, имеющего статус парламентского индемнитета, то есть человек - должностное лицо является представителем законной власти, что освобождает последнее от ответственности относительно УК как должностного лица. Ч.6 ст.19 Федерального Законодательства четко регламентирует момент снятия ответственности с депутата за высказывание или прочие выражения своей позиции. Аналогично действует норма на уровне городских и муниципальных депутатов. Снова прецедент, ведь ранее оговаривалось, что человек, что имеет функциональные обязанности правовым статусом относится к должностному и несет ответственность в соответствии с Законодательством.

Несомненным фактором спорности современного адвокатского права является собственно определение человека, как должностного лица, а также определения меры его преступления и ответственности. Так, сложно назвать тайного агента спецслужб РФ должностным лицом, однако практика имеет прецедент в деле Ваньян против РФ, где не идетя про должностное преступление, а скорее о подстрекательстве на преступлении, что классифицируется как общее.

Естественно, что современному адвокату стоит, как минимум, просмотреть мировую практику по аналогичным делам и только тогда, учитывая современное законодательство, приниматься за предоставленный иск. Наступление ответственности зависит отряда факторов, поэтому стоит четко определить грани возможного утяжеления и смягчения преступления в целом и по отдельности. Защищать и разбираться в Законах РФ достаточно сложно, поэтому несомненным плюсом станет зарубежная практика или, как минимум, просмотр дел аналогов.

Литература и источники

1. Грошев А.В. Ответственность за взяточничество. Краснодар, 2008.
2. Дорогин Д.А. Обстоятельства, исключющие уголовную ответственность за преступления, совершенные должностными лицами.
3. Абесалашвили М.З. Подозреваемый как участник уголовного процесса. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2005.

4. Нефедовский Г.В. К вопросу о мошенничестве нового уровня и мерах его профилактики // Право и практика. 2013. №2. С.11-17.
5. Колиева А.Э., Мустафина С.А. О сущности судебного контроля над исполнением административных взысканий // Актуальные вопросы уголовного права, процесса и криминалистики. М., 2014. С.81-84.

НЕФЕДОВСКИЙ ГЕННАДИЙ ВИКТОРОВИЧ – соискатель НИИ истории, экономики и права (gvnefedovsky@mail.ru)
NEFEDOVSKIY, GENADY V. - applicant for scientific degree, History, Economics and Law Research Institute. Russia, Moscow

УДК 343.265.2

СОЛОВЬЕВА С.В.
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ
УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

Ключевые слова: уголовное наказание, пенитенциарная политика, отбывание наказания, условно-досрочное освобождение, правопослушное поведение, испытательный срок.

В статье исследуется проблема применения условно-досрочного освобождения. Автор фиксирует основания для условно-досрочного освобождения, показывает причины возможного совершения ошибок судами при его применении. целесообразным ограничить данную возможность. Обоснован вывод о необходимости ограничить данную практику в отношении лиц, личность и преступное поведение которых показывает, что такие осужденные опасны для общества и требуют изоляции на весь срок назначенного наказания. Автор полагает, что требуется установление продолжительности испытательного срока – времени, в течение которого существует возможность отмены условно-досрочного освобождения и исполнения ранее назначенного наказания в отношении осужденного, в случае несоблюдения им установленных законом требований.

SOLOVYOVA, S.V.
SOME ASPECTS OF GRANT OF PAROLE

Keywords: criminal punishment, prison policy, serving a sentence, parole, law-abiding behavior probation.

The article examines the problem of the use of parole. The author captures the grounds for parole indicates possible causes of errors committed by the courts in its application. appropriate to limit this possibility. The conclusion about the need to

restrict this practice in relation to persons, identity and criminal behavior which indicates that such prisoners are dangerous for society and need to be isolated for the entire duration of the punishment. The author believes that the need to establish the duration of the probationary period - the time during which it is possible to cancel the parole and execution of the previously imposed punishment against the convict, in the case of non-compliance with statutory requirements.

В настоящее время еще не сложилось единого мнения о природе условно-досрочного освобождения, что затрудняет понимание его места и роли в уголовном законодательстве, а также разработку проблем, связанных с применением рассматриваемого вида освобождения. Кроме того, является дискуссионным вопрос об основании условно-досрочного освобождения. В уголовном законе не раскрываются критерии, с помощью которых можно было бы судить о том, что лицо для своего исправления не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания. Причем само понятие «исправление», указанное в УИК РФ, является оценочным, что также обуславливает возможность совершения ошибок судами при применении условно-досрочного освобождения.

Дифференциация части наказания, которую необходимо отбыть осужденному перед условно-досрочным освобождением, основана на категории преступлений. Данный подход является формальным и требует дальнейшей разработки в целях индивидуализации ответственности каждого осужденного. Дифференциация части наказания, после отбытия которой возможно применение условно-досрочного освобождения может быть осуществлена в зависимости от того срока наказания, который назначен приговором суда, а не от категории совершенного осужденным преступления, как указано в уголовном законе. При этом если наказание назначено по совокупности преступлений или приговоров, фактически отбытая осужденным часть наказания, по истечении которой может быть применено условно-досрочное освобождение, должна устанавливаться в зависимости от размера окончательного срока наказания, назначенного судом по соответствующей совокупности.

По действующему уголовному закону, условно-досрочное освобождение применяется к любой категории лиц. Тем не менее, представляется целесообразным ограничить данную возможность. Указанное ограничение должно касаться лиц, личность и преступное поведение которых показывает, что такие осужденные опасны для общества и требуют изоляции на весь срок назначенного наказания.

Правовая природа условно-досрочного освобождения от отбывания наказания представляет собой поощрительную меру уголовно-правового характера, которая заключается в освобождении осужденного от дальнейшего отбывания наказания под определенным в законе условием и исполняется в период его неотбытой части. Данная дефиниция рассматривает условно-досрочное освобождение не только как меру, связанную с переходом

осужденного из одного правового положения в другое, но и учитывает реализацию этой меры во время неотбытой части назначенного судом наказания. При этом под исправлением следует понимать сформированное правопослушное поведение осужденного, достигнутое средствами исправления, в течение всего срока отбывания наказания. Исходя из представленного определения исправления, в основание условно-досрочного освобождения положено достижение такой ее степени, которая соответствует показателям «устойчивого правопослушного поведения».

Правопослушное поведение осужденного определяется с помощью оценки следующих обстоятельств: 1) отношение к обязанности трудиться; 2) соблюдение требований режима, устанавливаемого в исправительных учреждениях; 3) количество и характер поощрений и взысканий; 4) участие в воспитательных мероприятиях и в работе самодеятельных организаций; 5) отношение к получению образования.

Для признания правопослушного поведения устойчивым выделяются следующие показатели:

1) в первой одной четвертой срока наказания, необходимого перед условно-досрочным освобождением, не должно быть совершено более двух нарушений или невыполнения предъявляемых к осужденному требований;

2) во второй одной четвертой срока наказания, требуемого для условно-досрочного освобождения, максимально допускается не более одного нарушения;

3) во второй половине этого же срока не должно быть ни одного случая неисполнения лежащих на осужденном обязанностей, даже несмотря на возможное правопослушное поведение в начальный период отбывания наказания;

4) отсутствие более трех нарушений в течение всего срока наказания.

Приведенные показатели выступают ориентиром для установления общей линии поведения осужденного во время отбывания наказания.

Таким образом, основанием условно-досрочного освобождения от отбывания наказания следует признавать устойчивое правопослушное поведение осужденного, которое дает основание полагать, что после освобождения он не совершит нового преступления и вследствие соблюдения условий испытательного срока перестанет быть общественно опасным.

Рассматривая поведение лица, отбывающего наказание, суд должен также учитывать личность осужденного, его поведение до совершения преступления, характер и степень общественной опасности преступного деяния, а также условия его жизни после освобождения. При этом отсутствие условий, необходимых для ресоциализации осужденного после освобождения, без учета всей совокупности указанных обстоятельств, не может служить основанием для отказа в применении к нему условно-досрочного освобождения.

Высокой степенью общественной опасности обладает следующая категория осужденных: а) осужденный, которому смертная казнь заменена пожизненным лишением свободы или лишением свободы на определенный

срок; б) осужденный, которому пожизненное лишение свободы заменено лишением свободы на определенный срок; в) осужденный, отбывающий пожизненное лишение свободы, злостно нарушивший установленный порядок отбывания наказания в течение предшествующих трех лет или совершивший в период отбывания пожизненного лишения свободы новое тяжкое или особо тяжкое преступление; г) осужденный, ранее освобожденный условно-досрочно от отбывания наказания и вновь совершивший умышленное преступление в течение неотбытой части наказания; д) осужденный, который ранее в любой последовательности дважды досрочно освобождался от отбывания наказания актом амнистии, помилования или условно-досрочно, независимо от периода времени, прошедшего от последнего освобождения до совершения нового умышленного преступления.

В то же время при вынесении приговора лицу, в действиях которого признан особо опасный рецидив, суд может постановить о неприменении к нему условно-досрочного освобождения в период отбывания наказания, принимая во внимание личность осужденного, характер и степень общественной опасности совершенного преступления и другие обстоятельства дела.

Еще одним дискуссионным вопросом выступает возможность корректирования размера испытательного срока, который в настоящее время равен неотбытой части наказания. Четкое фиксирование испытательного срока в законе ставит правоприменительную практику в противоречивую ситуацию. Чем тяжелее совершенное преступление и опаснее преступник, тем меньше испытательный срок. При этом в законе не установлена его продолжительность для лиц, условно-досрочно освобождающихся от пожизненного лишения свободы. Также ни в одном законе не сказано о том, какой государственный орган уполномочен контролировать поведение условно-досрочно освобожденных лиц в течение испытательного срока. Более того, немаловажным является регламентирование полномочий такого органа, а также ответственности указанной категории лиц за нарушение предъявляемых требований.

Таким образом, требуется установление продолжительности испытательного срока – времени, в течение которого существует возможность отмены условно-досрочного освобождения и исполнения ранее назначенного наказания в отношении осужденного, в случае несоблюдения им установленных законом требований. Суд должен иметь возможность самостоятельно устанавливать продолжительность испытательного срока в пределах от 6 месяцев до 4 лет для лиц, условно-досрочно освобожденных от отбывания лишения свободы. В то же время продолжительность испытательного срока для лиц, условно-досрочно освобожденных от пожизненного лишения свободы, может равняться 8 годам.

В случае нарушения требований испытательного срока, предусмотренных пунктами «а» и «б» ч. 7 ст. 79 УК РФ, суд должен иметь право продлить испытательный срок, но не более чем на 1 год. А контроль за условно-досрочно

освобожденными было бы правильно возложить на уголовно-исполнительные инспекции. В свою очередь, ответственность условно-досрочно освобожденных лиц, в случае невыполнения ими требований испытательного срока, должна быть строго регламентирована.

Литература и источники

1. Иногамова-Хегай Л., Казарян Э. Основания и предпосылки применения условно-досрочного освобождения // Уголовное право. 2003. № 4.
2. Князев А. Взаимодействие УИИ с другими органами и учреждениями по исполнению наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества. // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2007. № 2.
3. Малин П.М. Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные проблемы условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы. Дисс. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2000.
4. Хегай Л.В. Условно-досрочное освобождение от наказания по советскому уголовному праву. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005; Щерба Д.А. Общественная опасность личности как основание условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Закон и право. 2006. №12.
5. Щерба Д.А. Общественная опасность личности как основание условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Закон и право. 2006. №12.
6. Упоров И.В. Мировой экономический кризис и статистика преступности в России // Общество и право. 2009. №5. С.41-44.
7. Нефедовский Г.В. К вопросу о причинах побегов из мест лишения свободы // Право и практика. 2012. №2.
8. Морозов А.Ю. Эволюция условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в российском уголовном праве // Современная научная мысль. 2012. №1.
9. Упоров И.В. Исторический опыт формирования и реализации пенитенциарной политики России в XVIII – XX вв. Дисс. ... докт. ист. наук. Краснодар, 2001.
10. Адаменко И.Е. Право на наказание как основание уголовно-процессуальной деятельности: проблемы теории // Право и практика. 2013. №1.
11. Шахкелдов Ф.Г. Применение гуманизации уголовного наказания в судебной практике о мелком хищении // Право и практика. 2013. №1.

СОЛОВЬЕВА С.В. - старший преподаватель кафедры гуманитарных и правовых дисциплин филиала Адыгейского государственного университета в г. Белореченске (solovjova-svetlana@yandex.ru)

SOLOVYOVA, S.V. - Senior Lecturer, Department of Humanities and legal disciplines of the branch of the Adygeya State University in Belorechensk

КОЛИЕВ В.В.
МЕТОДИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ
ИНФОРМАЦИИ В ЦЕЛЯХ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ И В
РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Ключевые слова: борьба с преступностью, уголовная политика, оперативно-розыскная информация, конституционный строй, экстремизм

В статье исследуется проблема использования оперативно-розыскной информации в целях борьбы с преступностью и в раскрытии преступлений. Показано, что для успешного выполнения своих функций власть должна озаботиться получением информации о попытках покушений на нее, как в целом, так и на отдельные ее прерогативы, с какой бы стороны такие попытки ни последовали. Пренебрежение этим правилом неизбежно влечет за собой самые серьезные последствия, вплоть до захвата власти извне или узурпации изнутри, развала механизма власти и ее краха. Автор полагает, что максимально-оперативная реакция на сигналы о возможных акциях экстремистов, которые своими действиями ставят под удар конституционные основы страны, не будет отравлять здоровую атмосферу правового общества.

KOLIEV, V.V.
METHOD OF USE OF OPERATIONAL-SEARCH INFORMATION IN
ORDER TO COMBAT CRIME AND IN SOLVING CRIMES

Keywords: fight against crime, criminal policy, operational and investigative information, the constitutional order, extremism

The article examines the problem of the use of operational and investigative information to combat crime and solving crimes. It is shown that for the successful performance of its functions the government should take care to obtain information about the assassination attempt on her, as a whole, and on some of its prerogatives, from whatever side, such attempts have followed. Failure to do so will inevitably entail the most serious consequences, including the seizure of power from the outside or inside of usurpation, the collapse of the machinery of power and its collapse. The author believes that the most-rapid response to signals of possible actions of extremists, whose actions jeopardize the constitutional foundations of the country will not poison the healthy atmosphere of the legal community.

Любое общество стремится не допустить покушения на свою целостность и суверенность как извне, так и изнутри, то есть предпринимает усилия к самосохранению. А для успешного выполнения своих функций власть должна озаботиться получением информации о попытках покушений на нее, как в

целом, так и на отдельные ее прерогативы, с какой бы стороны такие попытки ни последовали. Пренебрежение этим правилом неизбежно влекло за собой самые серьезные последствия, вплоть до захвата власти извне или узурпации изнутри, развала механизма власти и ее краха. Подобными примерами богата история, в том числе и отечественная.

Не менее важна была во все времена борьба с общеуголовной преступностью, поскольку она, покушаясь на права собственников, убивает веру народа в способность власти поддерживать стабильность правопорядка – и тем самым подтачивает основы легитимности власти.

Приемы обнаружения готовящихся преступлений против государственного строя или правопорядка, отыскания доказательств виновности преступников складывались в различных государствах со времени формирования и практически не отличались друг от друга. Однако каждое государство искало свои пути введения этих методов в законные рамки, ограничения их правовыми нормами, отчетливо сознавая, что бесконтрольность и вседозволенность органов тайного сыска не менее вредны и даже опасны, чем полное бездействие. Такие поиски осуществлялись практиками, руководителями органов сыска и государственной безопасности, методом проб и ошибок, что неоднократно вело к трагическим последствиям.

Так, по словам главы МВД России Владимира Колокольцева за 2012 год раскрыто свыше 400 преступлений. В центре внимания, по-прежнему, остаются преступления экстремистской направленности. Уничтожено свыше 350 боевиков.

Однако, на наш взгляд, в последнее время увеличилось число преступлений, связанных с проявлением экстремизма, а это наносит вред патриотическому настрою и отравляет здоровую атмосферу в обществе.

Так, глава российского государства Владимир Путин на заседании МВД призвал сконцентрировать пристальное внимание на раскрытии преступлений с политической подоплекой. Помимо этого, по его словам, правоохранительным органам необходимо вместе со всем гражданским обществом позаботиться о молодом поколении, возможно и с помощью работы в тесном контакте с участковыми, дружинниками, гражданскими активистами.

Мы разделяем точку зрения Президента России и на наш взгляд, максимально-оперативная реакция на сигналы о возможных акциях экстремистов, которые своими действиями ставят под удар конституционные основы страны, не будет отравлять здоровую атмосферу правового общества.

Таким образом, современное состояние и перспективы развития деятельности оперативных подразделений, в первую очередь, необходимо увязать с совершенствованием правовой и ведомственной нормативной основ.

Кроме того, на эффективности работы по противодействию экстремизму существенно сказывается условная мера наказания, определяемая по многим уголовным делам экстремистской направленности. Это не позволяет изолировать лиц, пропагандирующих экстремизм и, следовательно, затрудняет

применение упреждающих и профилактических мер сотрудниками правоохранительных органов

Любое общество стремится не допустить покушения на свою целостность и суверенность как извне, так и изнутри, то есть предпринимает усилия к самосохранению. А для успешного выполнения функций власть должна озаботиться получением информации о попытках покушений на нее, как в целом, так и на отдельные ее прерогативы, с какой бы стороны такие попытки ни последовали. Пренебрежение этим правилом неизбежно влекло за собой самые серьезные последствия, вплоть до захвата власти извне или узурпации изнутри, развала механизма власти и ее краха. Подобными примерами богата история, в том числе и отечественная.

Не менее важна была во все времена борьба с общеуголовной преступностью, поскольку она, покушаясь на права собственников, убивает веру народа в способность власти поддерживать стабильность правопорядка – и тем самым подтачивает основы легитимности власти.

Приемы обнаружения готовящихся преступлений против государственного строя или правопорядка, отыскания доказательств виновности преступников складывались в различных государствах со времени формирования и практически не отличались друг от друга. Однако каждое государство искало свои пути введения этих методов в законные рамки, ограничения их правовыми нормами, отчетливо сознавая, что бесконтрольность и вседозволенность органов тайного сыска не менее вредны и даже опасны, чем полное бездействие. Такие поиски осуществлялись практиками, руководителями органов сыска и государственной безопасности, методом проб и ошибок, что неоднократно вело к трагическим последствиям.

Однако, на наш взгляд, в последнее время увеличилось число преступлений, связанных с проявлением экстремизма, а это наносит вред патриотическому настрою и отравляет здоровую атмосферу в обществе.

Литература и источники

1. Колиев В.В. Экспертно-криминалистическая деятельность в уголовном судопроизводстве. Дисс. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2011.
2. Рычкалова Л.А., Эртель А.Г. К вопросу о системе показателей финансовой безопасности государства // Современная научная мысль. 2013. №5. С.108-113.
3. Нефедовский Г.В. К вопросу о мошенничестве нового уровня и мерах его профилактики // Право и практика. 2013. №2. С.11-17.
4. Караваяев А.А. Актуальные вопросы внедрения электронного документооборота в деятельности органов внутренних дел, применение и использование информации в электронно-цифровом формате // Право и практика. 2013 №1.
5. Ларин В.А. Совершенствование системы предупреждения преступлений, совершаемых в ситуациях острой социальной напряженности // Право и практика. 2012. №1.

6. Михайлов Э.М. Проблемы координации деятельности прокуратуры и органов исполнительной власти в сфере противодействия терроризму и экстремизму // Право и практика. 2012. №2.

7. Шадже А.М. К вопросу о стратегии противодействия коррупции // Право и практика. 2013. №1.

КОЛИЕВ ВАДИМ ВИТАЛЬЕВИЧ - кандидат юридических наук, преподаватель Краснодарского университета МВД России. Россия, Краснодар (vadimkoliev1979@mail.ru)

KOLIEV, VADIM V. - PhD in Law, Lecturer of the Krasnodar University of Ministry of Internal Affairs of Russia. Russia, Krasnodar

УДК 342.98

ЭФРИКЯН Р.А., ШИШКИНА Е.В.
КОМПЕТЕНЦИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В
ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Ключевые слова: компетенция органов местного самоуправления, полномочия органов местного самоуправления, жилищно-коммунальное хозяйство, органы государственной власти, местные администрации.

Статья посвящена нормативно-правовому регулированию компетенции органов местного самоуправления в жилищно-коммунальной сфере. Значительный объем нормативно-правового регулирования данной группы общественных отношений определяется на федеральном и региональном уровнях, в связи, с чем авторы затронули вопрос об иерархии законодательных и иных актов, регулирующих полномочия органов местного самоуправления в жилищно-коммунальном хозяйстве. Авторы подчеркивают, что, при отсутствии в Жилищном Кодексе РФ или ином федеральном законе поручения конкретизировать норму федерального закона или принимать свои нормы, отличные от норм федерального законодательства, не могут приниматься региональные нормы, поскольку законодатель счел регламентацию соответствующим федеральным законом исчерпывающей.

EFRIKJAN, R.A., SHISHKINA E.V.
THE COMPETENCE OF LOCAL GOVERNMENTS OF HOUSING-AND-
MUNICIPAL SPHERE

Keywords: the competence of local governments; powers of local governments; housing and communal services; public authorities; local administrations.

The Clause is devoted is standard-legal adjustment of the competence of local governments in housing-and-municipal sphere. The considerable volume of is standard-legal adjustment of the given group of public relations is determined at federal and regional levels, in communication, with what authors have mentioned a question on hierarchy of the legislative and other acts regulating powers of local governments in housing and communal services. The authors emphasize that, in the absence of the Housing Code of the Russian Federation or another federal law to specify the rate of commission or federal law to make their own rules that are different from the norms of federal legislation may not be adopted regional standards, since the legislator considered the relevant regulation by federal law to be exhaustive.

Компетенция органов местного самоуправления в сфере жилищно-коммунального хозяйства довольно обширна. Вместе с тем следует иметь в виду, что значительный объем нормативно-правового регулирования данной группы общественных отношений определяется на федеральном и региональном уровнях, в связи, с чем представляется целесообразным затронуть вопрос об иерархии законодательных и иных актов, регулирующих полномочия органов местного самоуправления в жилищно-коммунальном хозяйстве.

В этом контексте отметим, прежде всего, то, что в соответствии с Конституцией РФ жилищное законодательство (а в его рамках в своей основе регулируется жилищно-коммунальное хозяйство) находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов РФ (подпункт "к" п. 1 ст. 72). По предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации (п.2 ст.76 Конституции РФ). Согласно ч. 2 ст. 5 ЖК РФ [1] жилищное законодательство состоит из ЖК РФ, принятых в соответствии с ним других федеральных законов, а также изданных в соответствии с ними указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ, нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, принятых законов и иных нормативных правовых актов субъектов РФ, нормативных правовых актов органов местного самоуправления.

На федеральном уровне как раз ЖК РФ олицетворяет стратегию развития жилищно-коммунального комплекса. Помимо ЖК РФ федеральный центр сформировал нормативно-правовую базу из норм и положений иных федеральных законов (ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3], Земельный кодекс Российской Федерации [2] и др.) и изданных в их развитие подзаконных актов (многочисленные постановления Правительства РФ, ведомственные акты, и в первую очередь Минрегиона РФ), о которых речь пойдет ниже.

Если же иметь в виду именно полномочия органов местного самоуправления в сфере жилищно-коммунального хозяйства, то на федеральном уровне их регулирования на первый план выдвигается, бесспорно,

ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в котором указанные полномочия определяются исходя из перечня вопросов местного значения применительно к каждому виду муниципального образования (ст. 14-16 закона); кроме того, в этом же федеральном законе регулируются общие полномочия органов местного самоуправления, в рамках которых также могут решаться вопросы жилищно-коммунального хозяйства (например, утверждение муниципальных целевых программ). Более подробно о полномочиях органов местного самоуправления, вытекающих из ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и других нормативно-правовых актов, речь пойдет ниже.

Что касается полномочия органов государственной власти субъекта РФ, то они в общем виде устанавливаются Конституцией РФ, ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [4] и другими федеральными законами. Законы и иные нормативные правовые акты субъектов РФ не могут противоречить федеральным законам, принятым по предметам ведения Российской Федерации и по предметам совместного ведения. В случае противоречия между федеральным законом и иным актом, изданным в Российской Федерации, действует федеральный закон. Регионы вправе осуществлять собственное правовое регулирование по предметам совместного ведения до принятия федеральных законов. После принятия соответствующего федерального закона законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации подлежат приведению в соответствие с данным федеральным законом в течение трех месяцев. Важно заметить, что согласно ЖК РФ субъекты РФ не могут самостоятельно регулировать жилищные отношения, если такое полномочие вытекает из ЖК РФ и федеральных законов.

Пределы полномочий органов государственной власти субъектов РФ по принятию законов и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы, регулирующие жилищные отношения, основываются на нормах ЖК Российской Федерации и нормах других федеральных законов, принятых в соответствии с ч. 6 ст. 5 ЖК РФ. Исходя из положений ст. 5 ЖК РФ, если сам ЖК РФ или иной федеральный закон не установил полномочия органов государственной власти субъектов РФ, то сами они взять на себя эти полномочия не вправе, а могут лишь принимать акты в части реализации данных полномочий. Открытый перечень вопросов, отнесенных к компетенции субъекта РФ в области жилищных отношений, содержится в ст. 13 ЖК РФ. Надо обратить внимание на то, что в этом перечне не указаны вопросы, регулирующие отношения по предоставлению коммунальных услуг гражданам. Тот факт, что содержащийся в ст. 13 ЖК РФ перечень является открытым, не означает допустимости неограниченного усмотрения органов государственной власти субъектов РФ по регулированию жилищных отношений. Это означает, что помимо перечня в ст. 13 ЖК РФ полномочия могут быть в других статьях

ЖК РФ, а также в других федеральных законах, поскольку п. 6. ст. 5 ЖК РФ содержит достаточно жесткий критерий: региональное регулирование жилищных отношений допустимо, только если такое полномочие основано на ЖК РФ и принятых в соответствии с ЖК РФ других федеральных законах [6, с(р). 39]. Развивая положения статьи 5 ЖК РФ, статья 13 устанавливает, что к компетенции субъекта РФ в области жилищных отношений возможно причисление иных вопросов, отнесенных к их компетенции Конституцией РФ, ЖК РФ и другими федеральными законами и не отнесенных к компетенции органов государственной власти Российской Федерации, компетенции органов местного самоуправления.

Таким образом, компетенция регионов ограничена не только необходимостью наличия соответствующих указаний ЖК РФ и федеральных законов, но и запретом регулировать то, что предписано регулировать иным уровням публичной власти. Так, поскольку в ст. 157 ЖК РФ содержится поручение Правительству РФ устанавливать Правила предоставления коммунальных услуг гражданам, - аналогичные правила или нормы, частично регулирующие те же вопросы, что и Правила предоставления коммунальных услуг 2006 г. (подробный их анализ будет дан во второй главе настоящей работы), не могут приниматься органами государственной власти субъектов РФ, в частности, субъекты РФ не вправе устанавливать свои правила предоставления субсидий по оплате жилых помещений и коммунальных услуг (это компетенция Правительства РФ – согласно ч. 6 ст. 159 ЖК РФ) или свои процедуры утверждения тарифов на коммунальные услуги (такие процедуры согласно ч. 2 ст. 157 ЖК РФ). В противном случае нарушается требование федерального законодательства о недопустимости одновременного наличия одних и тех же аналогичных полномочий у органов публичной власти федерального, регионального и муниципального уровней (ч. 4 ст. 26.1 ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»). Следует также заметить, что отношения в сфере предоставления коммунальных услуг регулируются также гражданско-правовыми нормами, в том числе содержащимися в федеральном жилищном законодательстве [9, с(р). 7].

В этой связи принятие органами государственной власти субъектов РФ актов, содержащих нормы гражданского права по вопросам предоставления коммунальных услуг, недопустимо. Подход, согласно которому субъекты РФ могут принимать любые региональные нормы в области жилищных отношений, поскольку жилищное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов РФ, представляется неправильным. Принятие региональных норм в этой сфере не может быть оправдано ни пробелами законодательного регулирования на федеральном уровне, ни потребностью в совершенствовании федерального законодательства, ни целями обеспечения более эффективного функционирования жилищно-коммунального

хозяйства [6, с(р). 40]. Однако такое утверждение представляется нам излишне категорическим.

Дело в том, что, если существует пробел в федеральном регулировании той области общественных отношений, которая отнесена к совместному ведению федерального центра и субъектов РФ, то последние могут издавать недостающие акты. В этом контексте мы солидарны с иной позицией, предполагающей, что «по вопросам совместного ведения РФ и ее субъектов законодатель субъекта РФ может самостоятельно осуществлять правовое регулирование при отсутствии соответствующего федерального закона либо в случаях неурегулирования в федеральном законе тех или иных общественных отношений; при этом должны быть соблюдены конституционные требования о непротиворечии законов и иных нормативных актов субъектов РФ федеральным законам и о соблюдении прав и свобод человека и гражданина» [7, с(р). 69].

При этом, однако, необходимо сделать оговорку, согласно которой признание за субъектами РФ права осуществлять опережающее правовое регулирование по предметам совместного ведения не дает им автоматически полномочий по решению в полном объеме вопросов, имеющих универсальное значение как для законодателя в субъектах РФ, так и для федерального законодателя и в силу этого подлежащих регулированию федеральным законом [8]. Более подробно мы не имеем ввиду рассматривать данный аспект, поскольку он выпадает из предмета нашего исследования.

Но главное даже не в этом, а в том, что в практике деятельности органов местного самоуправления возможные коллизии не имеют место, и связано это прежде всего с тем, что федеральный центр настолько подробно регулирует институт местного самоуправления, что на уровень субъектов РФ остается сравнительно немного вопросов. На это обстоятельство уже обращалось внимание в юридической литературе [9, с(р). 94]. Указанная особенность касается и полномочий органов местного самоуправления в сфере жилищно-коммунального хозяйства. К тому же в настоящее время пробелов законодательного регулирования общественных отношений в сфере жилищно-коммунального хозяйства на федеральном уровне практически не осталось, и поэтому проблемы в том, что субъекты РФ могут «вторгаться» в сферу федерального регулирования, не имеется [10].

Заметим еще в этой же связи, что согласно п. 4 ст. 76 Конституции РФ, субъекты РФ осуществляют собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативных правовых актов, только вне пределов ведения Российской Федерации, совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ. В других случаях органы государственной власти субъектов РФ могут принимать законы и иные нормативные правовые акты, содержащие нормы, регулирующие жилищные отношения, только в пределах своих полномочий, основанных на ЖК РФ, принятых в соответствии с ЖК РФ других федеральных законов. Указанные законы должны устанавливать право органа государственной власти субъекта РФ принимать соответствующие акты и

решать вопросы, которые могут быть урегулированы региональным актом [11]. При отсутствии в ЖК РФ или ином федеральном законе поручения конкретизировать норму федерального закона или принимать свои нормы, отличные от норм федерального законодательства, не могут приниматься региональные нормы [12], поскольку законодатель счел регламентацию соответствующим федеральным законом исчерпывающей.

Литература и источники

1. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. (в ред. 21.02.2013). М.: Норма, 2013.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 г. (в ред. 21.02.2013). М.: Норма, 2013.
3. Федеральный закон Российской Федерации «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003г. № ФЗ-131 (в ред. 21.02.2013). М.: Норма, 2013.
4. Федеральный закон Российской Федерации «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 06.10. 1999 г. N 184-ФЗ (в ред. 21.02.2013). М.: Норма, 2013.
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Ивановской области "О муниципальной службе Ивановской области" в связи с запросом Законодательного Собрания Ивановской области» от 15.12.2003 N 19-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2004. № 1.
6. Гордеев Д.П., Прокофьев В.Ю. Новое регулирование отношений по предоставлению коммунальных услуг // Жилищное право. 2006. № 8. С. 39,40.
7. Конституция Российской Федерации в решениях Конституционного Суда России (постатейный комментарий) / Лазарев Л.В., Морщакова Т.Г., Страшун Б.А. и др. М.: Институт права и публичной политики, 2005. С.69.
8. Лаптева М.Н. Региональное законодательство о местном самоуправлении: исторический и сравнительно-правовой анализ. Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 94
9. Левицкая Е.А. Концессионные соглашения в сфере коммунального имущества муниципальных образований. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 7.
10. Калюжный К.Ю. Проблемы юридического закрепления и реализации правотворческих полномочий местной администрации // Современная научная мысль. 2013. №1. С.80-85.
11. Румянцев А.А., Эртель А.Г. Что такое субстрат и для чего он нужен // Современная научная мысль. 2012. №1. С.134-139.
12. Калюжный К.Ю. Проблемы юридического закрепления и реализации правотворческих полномочий местной администрации // Современная научная мысль. 2013. №1. С.80-86.

ЭФРИКЯН РУБЕН АЛЬБЕРТОВИЧ - кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России (тел. 8-861-258-14-26)

ШИШКИНА ЕВГЕНИЯ ВЛАДИМИРОВНА - кандидат юридических наук, преподаватель кафедры конституционного права Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К. В. Россинского

EFRIKJAN RUBEN A. - the senior lecturer of chair constitutional and administrative law of the Krasnodar university of the Ministry of Internal Affairs of Russia the candidate of jurisprudence, senior lecturer

SHISHKIN EVGENIE V. - the teacher of chair of a constitutional law of International law institution, economy, the humanities and management K.V. Rossinsky's name the candidate of jurisprudence of

УДК 342.553

ВЛАСЕНКО Е.Е.
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА
ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Ключевые слова: конституция, конституционный закон, местное самоуправление, муниципальная власть, органы местного самоуправления; народ, органы государственной власти.

В статье осуществлен анализ правовой природы органов местного самоуправления как формы народовластия. Показано, что муниципальная власть – это власть особого рода, которая не является буквально продолжением государственной власти на местах, но при этом имеет ряд признаков, присущих государственной власти. Автор приходит к выводу о том, что практика местного самоуправления в России в последние годы дает определенные основания полагать, что имеется тенденция нивелирования особенностей местного самоуправления. С целью повышения степени управляемости территорий, государство все чаще по разным вопросам встраивает местную власть в государственную, в связи с чем «лишает» местное самоуправление черт, присущих общественной власти.

VLASENKO, E.E.
CONSTITUTIONAL-LEGAL NATURE OF LOCAL GOVERNMENT

Keywords: constitution, constitutional law, local government, municipal government, local authorities, the people, the public authorities.

In the article the author analyses the legal nature of local government as a form of democracy. It is shown that the municipal government - is the power of a special kind, which is not just an extension of state authority in the field, but it has a number of features inherent in state power. The author concludes that the practice of local government in Russia in recent years gives some reason to believe that there is a trend of leveling characteristics of local government. In order to increase the degree of control areas, the state increasingly on various issues builds the local authorities in the state, due to which "deprives" the local government features inherent social power.

Ст. 3 Конституции РФ [1] народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления, т.е. органы местного самоуправления, признаются структурами публичной власти. Кроме того, согласно ст. 12 Конституции РФ местное самоуправление, понимаемое как особая форма организации власти, признается и гарантируется государством. В литературе отмечается, что наличие в Конституции Российской Федерации статьи 12 позволяет сделать вывод о господстве доктрины естественного права при формировании в 1993г. концепции местного самоуправления. «Естественное происхождение» данного права предполагает невозможность населения отказаться от него по своей воле (равно как и по принуждению государства). Но в отдельных случаях самостоятельность местного самоуправления понималась как практически полная «автономия» местной власти. Значение государства в такой ситуации неминуемо уменьшалось.

Поэтому муниципальная власть – это власть особого рода, она не является буквально продолжением государственной власти на местах, но имеет ряд признаков, присущих государственной власти. Муниципальная власть – это особый публично-правовой феномен, объединяет ее с государственной властью то, что, как и последняя, она обеспечивает подчинение себе субъектов муниципально-правовых отношений. Но при этом муниципальная власть отличается от власти государственной тем, что обладает качественно отделяющими ее признаками [2, с. 15].

Очевидно, что конституционно-правовая природа российского местного самоуправления такова, что, оставаясь в целом институтом публичной власти, оно «вбирает» в свою природу ряд общественных черт. Наличие этих черт, наличие особого – муниципального – уровня управления, наличие особой сферы общественных отношений, связанных с решением вопросов местного значения, как раз и позволяет отделить местное самоуправление от государства, выделить его в самостоятельное образование с уникальной природой: во многом государственной, но с элементами общественного. Несмотря на то, что местное самоуправление и государственная власть в Российской Федерации традиционно тесно взаимосвязаны [3], именно тем, что имеют общий источник – власть народа.

Вместе с тем следует заметить, что практика местного самоуправления в России в последние годы дает определенные основания полагать, что имеется определенная тенденция по сглаживанию особенностей местного самоуправления. Государство с целью повышения степени управляемости территорий все чаще по разным вопросам встраивает местную власть в государственную, в связи с чем и «лишает» местное самоуправление черт, присущих общественной власти. Следовательно, в ближайшем будущем оно может стать исключительно уровнем государственной власти, хотя и с отдельными чертами, присущими общественным институтам. Такое положение, как представляется, обусловлено тем, что оптимальная модель взаимоотношений местного самоуправления и государственной власти в Российской Федерации до сих пор не создана, хотя она строится уже более чем десятилетие.

После принятия Федерального закона 2003 г. № 131 [4] стало возможным утверждать, что действующая модель взаимоотношений государственной власти и местного самоуправления подвергнута существенным изменениям и что сами взаимоотношения будут четко, до деталей, урегулированы федеральным законодательством. В общем-то этот процесс естественный - та модель взаимоотношений государственной власти и местного самоуправления, которая избрана в Российской Федерации, в первую очередь, при принятии Конституции Российской Федерации постоянно быть не может. Она всегда тяготеет к смещению то к административной, то к децентрализованной модели.

В последние годы система начала эволюционировать в сторону административной модели взаимоотношений государственной власти и местного самоуправления. Так, часть первая Налогового кодекса Российской Федерации [5], нормы Бюджетного кодекса Российской Федерации [6] последовательно ставили ресурсную базу местного самоуправления под полный контроль государства.

А в 2003 г. были изменены и общие принципы организации местного самоуправления, причем изменены таким образом, что государство вышло даже за конституционно установленные принципы организации местного самоуправления и конституционно установленные рамки правового регулирования местного самоуправления [7].

Представляется, что эта тенденция должна быть остановлена – в противном случае возможно настолько большое расхождение с конституционными нормами о местном самоуправлении, что сам термин «самоуправление» может быть выхолощен.

Литература и источники

1. Конституция Российской Федерации Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. М.: Норма, 2013.

2. Пешин Н.Л. Государственная власть и местное самоуправление в России: проблемы развития конституционно-правовой модели и практики взаимоотношений. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 15
3. См. напр.: Турицын И.В., Дубинин М.Г. Основные проблемы реализации советской судебной реформы в условиях нэпа (1922-1925 гг.) // Современная научная мысль. 2013. №4. С.112-127; Турицын И.В., Пустынников А.Ю. К вопросу о приоритетах деятельности советской прокуратуры в 1922-1922 гг. // Современная научная мысль. 2013. №4. С.100-112.
4. Федеральный закон РФ от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (в ред. 05.04.2013) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». М.: Ось, 2013.
5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон РФ от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ (в ред. от 04.03.2013). М.: Ось, 2013.
6. Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 31.07.1998 г. № 145-ФЗ (в ред. от 25.12.2012). М.: Ось, 2013; Звягольский А.Ю., Эфрикян Р.А. Социальное назначение права на образование и законодательная база деятельности органов местного самоуправления в образовательной сфере // Общество и право. 2012. №2 (39). С.320-323.
7. Эртель А.Г. Институты регионального развития // Бизнес в законе. 2010. №3. С.316-317.
8. Максимов Г.Б. К вопросу о механизме действия права // Право и практика. 2013. №2. С.27-33; Калюжный К.Ю. Проблемы юридического закрепления и реализации правотворческих полномочий местной администрации // Современная научная мысль. 2013. №1. С.80-85.

ВЛАСЕНКО ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА - преподаватель кафедры специальных дисциплин Краснодарского университета МВД России (тел. 8918 450 51 45)
VLASENKO, ELENA E. - lecturer, Department of special disciplines of the Krasnodar University of MIA Russia

УДК 347.471.032.1

БОЗИЕВА Е.А.
ПРАВОВОЙ СТАТУС СУБЪЕКТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СОЗДАВАЕМЫХ ОРГАНАМИ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ

Ключевые слова: экономическая деятельность, местное самоуправление, органы местного самоуправления, муниципальные образования, нормативно-правовые акты.

Статья содержит обстоятельный анализ общероссийского законодательства по вопросам деятельности органов местного самоуправления в сфере экономики

по обеспечению доходов местного бюджета. Показано, что сегодня законодатель лишь в самом кратком виде очерчивает правовой статус создаваемых муниципалитетами субъектов экономической деятельности. Более подробно данные полномочия регулируются уставами и иными правовыми актами муниципальных образований, а также уставами муниципальных унитарных предприятий. Автор обосновала вывод о том, что в законодательстве о местном самоуправлении должны более четко закреплены вопросы, связанные с компетентностью органов местного самоуправления в сфере распоряжения муниципальным имуществом.

BOZIEVA, E.A.

LEGAL STATUS OF SUBJECTS OF ECONOMIC ACTIVITY GENERATED BY LOCAL GOVERNMENTS

Keywords: economic activity, local government, local government, municipality, normative-legal acts.

The article contains a detailed analysis of the Russian legislation on local self-government in the economy by providing income to the local budget. It is shown that the legislature today only in the briefest form outlines the legal status of municipalities created economic entities. Further details are regulated by the statutes of the authority and other legal acts of municipalities, as well as the charters of municipal unitary enterprises. Author substantiated the conclusion that the legislation on local self-government should be more explicitly stated issues related to the competence of local authorities in the area of disposal of municipal property.

В соответствии с российским законодательством (ст. 51 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1]), органы местного самоуправления от имени муниципального образования самостоятельно владеют, пользуются и распоряжаются муниципальным имуществом. Собственно, это и обеспечивает экономические основы самоуправления, как такового [2].

Указанные сферы регулируются в соответствие с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и принимаемыми в соответствие с ними нормативными правовыми актами органов местного самоуправления [3]. Органы местного самоуправления вправе передавать муниципальное имущество во временное или в постоянное пользование физическим и юридическим лицам, органам государственной власти Российской Федерации (органам государственной власти субъекта Российской Федерации) и органам местного самоуправления иных муниципальных образований, отчуждать, совершать иные сделки в соответствии с федеральными законами. Органы местного самоуправления могут создавать муниципальные предприятия и учреждения, участвовать в создании

хозяйственных обществ, в том числе межмуниципальных, необходимых для осуществления полномочий по решению вопросов местного значения.

При этом законодатель в самом кратком виде очерчивает правовой статус создаваемых муниципалитетами субъектов экономической деятельности. В той же статье закона указывается, в частности, что органы местного самоуправления определяют цели, условия и порядок деятельности муниципальных предприятий и учреждений, утверждают их уставы, назначают на должность и освобождают от должности руководителей данных предприятий и учреждений, заслушивают отчеты об их деятельности в порядке, предусмотренном уставом муниципального образования.

Более подробно данные полномочия регулируются уставами и иными правовыми актами муниципальных образований, а также уставами муниципальных унитарных предприятий.

Так, согласно ст. 48 Устава Краснодара [4], администрация муниципального образования город Краснодар: управляет и распоряжается имуществом, находящимся в муниципальной собственности муниципального образования город Краснодар в порядке, установленном городской Думой Краснодара, принимает решения о создании и приобретении объектов в муниципальную собственность, создает, реорганизует и ликвидирует муниципальные предприятия и учреждения в порядке, установленном городской Думой Краснодара, финансирует муниципальные учреждения. Также она утверждает уставы муниципальных предприятий, учреждений, назначает и освобождает от должности руководителей муниципальных предприятий и учреждений, содействует созданию на территории муниципального образования город Краснодар организаций различных форм собственности, развитию предпринимательской деятельности, заключает договоры с предприятиями, учреждениями, организациями и гражданами, осуществляет иные полномочия в соответствии с федеральным законодательством и законодательством Краснодарского края.

После изменений в 2002 году в ст. 115 ГК РФ [5] появилась возможность существования казенных предприятий на муниципальном уровне. Дополнительное бремя, возлагаемое на собственника имущества казенного предприятия в виде субсидиарной ответственности перед другими субъектами по долгам казенного предприятия, и более узкие права казенного предприятия, не имеющего возможности отчуждать переданное ему в оперативное управление имущество без специального разрешения собственника, уравнивают друг друга. Таким образом, вещные права собственника муниципального имущества реализуются населением муниципального образования непосредственно, органами местного самоуправления различной компетенции, а также через специально уполномоченные субъекты - муниципальные унитарные и казенные предприятия.

Формируемые муниципальными образованиями органы местного самоуправления, а также создаваемые этими органами организации, учреждения и предприятия являются юридическими лицами, обладающими

вещными правами на имущество, находящееся в муниципальной собственности. При этом, как представляется, в законодательстве о местном самоуправлении должны более четко закреплены вопросы, связанные с компетентностью органов местного самоуправления в сфере распоряжения муниципальным имуществом.

Как показывает практика, в деятельности субъектов экономической деятельности, создаваемых органами местного самоуправления, имеются ряд проблем. Так, в законодательных актах необходимо четко определить, кто же все-таки является субъектом права муниципальной собственности.

Дело в том, что в крупных муниципальных образованиях (городских округах и муниципальных районах) зачастую решения о создании субъектов экономической деятельности принимают не первые лица, наделенные законом беспорными правами (глава местной администрации), а руководители различных подразделений, которым делегируется такое право. То же касается и подписания договоров имущественного характера от имени муниципального образования [6]. Пока эти вопросы решаются муниципальными нормативно-правовыми актами. На наш взгляд, здесь требуется федеральный уровень регулирования.

Далее, несмотря на то, что в законе обусловлены лишь только общие положения контроля за деятельностью муниципального унитарного предприятия со стороны органа местного самоуправления, отсутствует сам порядок контроля со стороны собственника имущества, а также населения муниципального образования. Поэтому, следует определить, кто и в каких формах производит передачу муниципальным унитарным предприятиям имущества в хозяйственное ведение и в оперативное управление [7].

В литературе отмечается, что форма передачи зависит от того, какое муниципальное имущество должно быть передано и для каких целей. Если речь идет о движимом имуществе, то необходимо принять решение представительного органа местного самоуправления, если же недвижимое - на сходах граждан, а если это значимое для муниципалитета имущество - то на референдуме с последующей его регистрацией [8, с. 25].

Однако с таким предложением мы не можем согласиться в виду его нереальности (оно применимо лишь в небольших поселениях, где, собственно, и созываются сходы граждан). Но нельзя не согласиться с мыслью о том, что судьбу муниципальной недвижимости следует решать с участием населения. Поэтому при принятии нормативно-правовых актов, определяющих порядок распоряжения муниципальным имуществом [9], следует, на наш взгляд, проводить публичные слушания [10].

Равным образом это касается и вопросов создания субъектов экономической деятельности органами местного самоуправления.

Литература и источники

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (в ред. 05.04.2013). М.: Ось, 2013.
2. См.: Эртель А.Г. Формирование эффективного ядра капиталов в региональных экономических системах современной России. Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. Майкоп, 2010.
3. Турицын А.В. Правовые проблемы государственной регистрации прав на земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения и их кадастрового учета // Современная научная мысль. 2013. №6. С.175-184.
4. Устав муниципального образования город Краснодар от 21 апреля 2011 г. // Официальный сайт муниципального образования город Краснодар <http://izb.krd.ru/normativnye-akty/munitsipalnye-pravovye-akty/ustav>
5. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая. Федеральный закон РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 02.07.2013). М.: Омега-Л, 2013.
6. См. напр.: Жамборов А.А. Глава муниципального образования в системе властеотношений на местном уровне // Современная научная мысль. 2013. №1. С.77-80; Калюжный К.Ю. Проблемы юридического закрепления и реализации правотворческих полномочий местной администрации // Современная научная мысль. 2013. №1. С.80-85; Харитонов И.К. Анализ современного состояния бюджетных отношений в России (вопросы реализации компетенций) // Современная научная мысль. 2013. №2. С.135-141.
7. Бозиева Е.А. Организационно-правовые основы деятельности органов местного самоуправления в сфере экономики по обеспечению доходов местного бюджета // Право и практика. 2013. №3.
8. Модин Н.А. Гражданско-правовые основы предпринимательской деятельности органов местного самоуправления. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2005. С. 25.
9. Павловская В.Ю. Местный бюджет в экономической системе муниципального образования и его законодательное регулирование // Современная научная мысль. 2013. №1. С.71-73..
10. См.: Звягольский А.Ю., Эфрикян Р.А. Полномочия органов местного самоуправления в сфере образования и их реализация. Краснодар, 2011

БОЗИЕВА ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА - адъюнкт кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России (8(861)258-14-26)

BOZIEVA, ELENA A. - associate chair of constitutional and administrative law of the Krasnodar University of MIA Russia (8(861)258-14-26)

ПРОВОЗИН А.В.
ПРАВОВОЙ СТАТУС МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ
В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНЫХ УСЛОВИЙ
ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Ключевые слова: органы местного самоуправления, субъект Российской Федерации, органы государственной власти, муниципальные образования, полномочия.

В статье проводится анализ законодательства, регулирующего правовой статус органов местного самоуправления по обеспечению безопасных условий жизнедеятельности населения. Показано, что основная работа муниципалитетов по обеспечению безопасных условий жизнедеятельности населения муниципальных образований сосредоточена в местной администрации. Обоснован вывод о том, что, в целях совершенствования организационно-правового структурирования местной администрации по вопросам обеспечения безопасных условий жизнедеятельности населения целесообразно в каждом муниципальном образовании создавать одну комиссию местной администрации по чрезвычайным ситуациям. В крупных городских округах, где местная администрация состоит из большого числа отраслевых (функциональных) и территориальных органов, целесообразно создавать общегородскую комиссию, а также комиссии в территориальных органах, причем с ограниченными полномочиями, которые отражают специфику административного района городского округа.

PROVOZIN, A.V.
THE LEGAL STATUS OF MUNICIPAL GOVERNMENTS IN PROVIDING
SAFE LIVING CONDITIONS FOR THE POPULATION

Keywords: local government, a subject of the Russian Federation, state authorities, municipalities, powers

The article analyzes the legislation regulating the legal status of local authorities to provide safe living conditions of the population. It is shown that the main work of municipalities to provide safe living conditions of the population is concentrated in the municipalities of the local administration. The conclusion is that, in order to improve the institutional and legal structuring of the local administration on security conditions of the population is expedient in each municipality to create a commission of the local administration for emergency situations. In large urban districts, where local administration is composed of a large number of sectoral (functional) and territorial bodies, it is appropriate to create a citywide fee and commission in the

territorial bodies, and with limited powers, which reflect the specifics of the administrative district of the city district.

В крупных городских округах структурирование подразделений, занимающихся вопросами обеспечения безопасных условий жизнедеятельности населения муниципального образования, имеет место практика, когда таким подразделениям предоставляется статус *муниципальных учреждений с управленческими функциями* [1].

Характерным является Управление гражданской защиты Администрации города Ижевска, Положение о котором утверждено решением Городской думы г. Ижевска [2]. Здесь указывается, в частности, что Управление наделяется правами юридического лица, является муниципальным казенным учреждением, имеет печать с изображением герба города Ижевска и со своим наименованием, иные печати, штампы и бланки установленного образца и счета, открываемые в соответствии с законодательством Российской Федерации, другие официальные атрибуты, приобретает и осуществляет имущественные и иные права и обязанности, выступает истцом, ответчиком, третьим лицом в судах. Управление осуществляет функции заказчика на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для муниципальных нужд в установленном порядке.

В отличие от Положения об отделе мобилизационной подготовки, гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций администрации муниципального района муниципального образования «Нижнеудинский район» Иркутской области, в данном документе наибольшее внимание уделено полномочиям Управления гражданской защиты Администрации города Ижевска.

Перечень этих полномочий довольно обширный – всего 33 полномочия. В их число, в частности, включаются: участие в предупреждении и ликвидации чрезвычайных ситуаций на территории города; осуществление мероприятий по гражданской обороне; организация обеспечения первичных мер пожарной безопасности на территории города; организация деятельности аварийно-спасательных служб; организация мероприятий по обеспечению безопасности людей на водных объектах; разработка и реализация городских целевых программ в области защиты населения от чрезвычайных ситуаций и обеспечения первичных мер пожарной безопасности; разработка и внесение на рассмотрение Главы Администрации города Ижевска предложений по дальнейшему развитию системы гражданской обороны и городского звена УТП РСЧС; осуществление сбора и обмена информацией в области гражданской обороны, предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах; осуществление функций главного распорядителя средств городского бюджета, предусмотренных на содержание Управления, МБУ ДПО "Курсы гражданской обороны города Ижевска, МБУ "Поисково-спасательная служба города Ижевска" и профильных муниципальных учреждений в области защиты населения от чрезвычайных ситуаций, обеспечения первичных мер пожарной

безопасности, координация их деятельности; разработка плана мероприятий по обеспечению безопасности людей на водных объектах, охране их жизни и здоровья; разработка плана действий по предупреждению чрезвычайных ситуаций; планирование и организация проведения эвакуационных мероприятий в мирное и военное время; формирование и ведение реестра нештатных аварийно-спасательных формирований города Ижевска; организация обучения населения способам защиты от чрезвычайных ситуаций мирного и военного времени; организация обеспечения сотрудников структурных подразделений Администрации города Ижевска, муниципальных предприятий и учреждений средствами индивидуальной защиты; разработка и внесение предложений по номенклатуре и объемам создаваемых резервов материальных ресурсов в области гражданской защиты.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что здесь формулировки *полномочий* практически такие же, как формулировки *функций* в отмеченном выше аналогичном акте в Нижнеудинском районе, и такой подход представляется более рациональным, учитывая, что категория «полномочия» имеет значительное большее юридическое значение, чем категория «функции», в частности, в ФЗ «Об общих принципах...» о функциях органов местного самоуправления вообще нет речи.

Вместе с тем нужно иметь в виду, что, поскольку Управление гражданской защиты Администрации города Ижевска является муниципальным учреждением, и следовательно, обладает определенной автономностью, определяемой уставом этого учреждения, то управляемость действиями этого учреждения со стороны руководства местной администрации с точки зрения административной соподчиненности заметно снижется по сравнению с ситуацией, когда такое подразделение местной администрации не является муниципальным учреждением, а относится непосредственно к местной администрации как органу местного самоуправления (органу местной власти), то есть имеет место так называемый управленческий разрыв [3].

Как нам представляется, с учетом характера выполняемых данным подразделением задач (обеспечение безопасных условий жизнедеятельности населения муниципального образования), управляемость в данной сфере должна быть предельно непосредственной, то есть без дополнительных звеньев.

Несомненно, роль координационных органов в сфере обеспечения безопасных условий жизнедеятельности населения муниципального образования при местных администрациях (комиссии по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций) неоспорима, так как они практически осуществляют взаимодействие уполномоченных органов государственной власти и местного самоуправления. В еще большей степени это касается рассматриваемых *постоянно действующих* структурных подразделений местных администраций, поскольку они непосредственно осуществляют организацию мероприятий по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций на территории муниципальных образований. В этом

смысле данный орган местной администрации, как мы полагаем, является единственным из всех остальных, где требуется особо четкая управляемость, связанная с использованием определенных людских и материальных, технических и иных ресурсов при возникновении чрезвычайных обстоятельств [4]. Все остальные управления (департаменты, отделы, комитеты) местной администрации (в сфере финансов и бюджета, образования, здравоохранения, культуры и т.д.) не нуждаются в такой жесткой управляемости, и поэтому придание им статуса муниципальных учреждений вполне приемлемо.

Соответственно мы полагаем, что структурировать управления (отделы) местных администрации по вопросам обеспечения безопасных условий жизнедеятельности населения муниципального образования целесообразно, как непосредственные подразделения местной администрации, находящиеся в прямой подчиненности со стороны главы местной администрации (его заместителей), а не как муниципальные учреждения.

Дело в том, что муниципальные учреждения с точки зрения управляемости менее эффективны, чем структурные подразделения без образования юридического лица. Так, в случае варианта муниципального учреждения утверждается устав такого учреждения (например, Устав МКУ «Управление по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям Темрюкского района Краснодарского края» [5]), и в нем, в частности, прописываются вопросы управления муниципальным имуществом, которым пользуется и в определенной части распоряжается муниципальное учреждение, то есть это является полномочием муниципального учреждения, и для того, чтобы его использовать в экстренных случаях для общемуниципальных нужд, необходимо решение руководителя муниципального учреждения, что, на наш взгляд, может неоправданно сдерживать оперативность в вопросах обеспечения безопасности населения муниципального образования.

К тому же, в таких вопросах, как обеспечение безопасности населения, вряд ли целесообразно предусматривать для муниципальных учреждений, занимающихся в муниципальных образованиях этими вопросами, возможность осуществления «деятельностью, приносящей доход» за счет платных услуг, которые предусмотрены, в частности, п. 2.5 Устава МКУ «Управление по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям Темрюкского района Краснодарского края». Здесь очевидно, что спасение людей и имущества от чрезвычайных ситуаций, пожаров и иных угроз осуществляется для физических и юридических лиц бесплатно. В этом смысле, в тех муниципальных учреждениях такого рода, где платные услуги не предусмотрены (например, МКУ «Управление по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям г. Кургана [6], МКУ «Служба гражданской защиты города Апатиты» [7] и др.), подход представляется предпочтительнее.

Мы полагаем также целесообразным, чтобы назначение руководителя такого структурного подразделения местной администрации согласовывалось с руководителем соответствующего подразделения в системе исполнительных органов государственной власти субъекта Российской Федерации. Данное

предложение корреспондирует с ранее аргументированным нами подходом, при котором полномочия органов местного самоуправления по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций предлагается считать специфическими государственными полномочиями, которыми органы государственной власти субъектов Российской Федерации наделяют органы местного самоуправления. И тогда именно государственный орган субъекта Российской Федерации определяет как финансирование этой деятельности, так и назначение руководителя соответствующего подразделения местной администрации [8].

Вместе с тем, в системе муниципального звена РСЧС согласно ранее отмеченному постановлению Правительства Российской Федерации [9] находятся также *аварийно-спасательные службы*, создаваемые органами местного самоуправления. Как показывает наше исследование, в большинстве изученных нами муниципальных образованиях они имеют статус муниципальных учреждений. Так, в Ижевске функционирует муниципальное бюджетное учреждение «Поисково-спасательная служба города Ижевска» и другие профильные муниципальные учреждения, осуществляющие свою деятельность в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечения первичных мер пожарной безопасности, обеспечения безопасности населения на водных объектах. Согласно выше рассмотренному Положению об Управлении гражданской защиты Администрации города Ижевска они находятся в подчинении этого Управления.

Аналогично ситуация складывается в Краснодаре, где созданы и функционируют муниципальные казенные учреждения муниципального образования город Краснодар Профессиональная аварийно-спасательная служба «Служба спасения», муниципальное казенное образовательное учреждение муниципального образования город Краснодар «Курсы гражданской обороны», муниципальное казенное учреждение муниципального образования город Краснодар «Единая дежурно-диспетчерская служба». Все они согласно Положению об Управлении гражданской защиты администрации муниципального образования город Краснодар [10] находятся также под контролем этого Управления.

Представляется, что муниципальное учреждение – это вполне приемлемая форма организационно-правового структурирования аварийно-спасательных служб муниципального образования. Что касается *единой дежурно-диспетчерской службы*, которая также является составной частью муниципального звена РСЧС, то здесь, как представляется, придание этой службе статуса муниципального учреждения представляется нецелесообразным, поскольку дежурные службы являются непосредственным связующим звеном между органом (должностным лицом), принимающим решение в чрезвычайной ситуации, и силами и средствами, которые должны быть при необходимости незамедлительно задействованы, и поэтому здесь управляемость также должна быть жесткой.

Следует заметить в этой связи, что в литературе предлагается единые диспетчерско-дежурные службы на территории муниципального образования создавать не в структуре местной администрации, а на базе федеральных аварийных или противопожарных служб, которые дислоцируются в данном муниципальном образовании. И здесь интерес представляет аргумент, который приводится для обоснования данного предложения – нехватка бюджетных средств в муниципальных образованиях, то есть если бы бюджетных средств хватало, то такие единые диспетчерско-дежурные службы следовало бы создавать при администрациях муниципальных образований, а коль скоро не хватает, то надо переходить к другому варианту. Как нам представляется, данный аргумент является недостаточно обоснованным – по такой логике можно и иные функции местного самоуправления переложить на государственные органы или вовсе отказаться от местного самоуправления. Вместе с тем этот аргумент лишь подтверждает правильность нашего ранее изложенного подхода. И соответственно мы полагаем, что единые дежурно-диспетчерские службы целесообразно включать в состав постоянно действующих органов, занимающихся обеспечению безопасных условий жизнедеятельности населения муниципальных образований.

Таким образом, можно констатировать, что основная работа муниципалитетов по обеспечению безопасных условий жизнедеятельности населения муниципальных образований сосредоточена в местной администрации. В соответствии с действующим законодательством, которое определяет содержание муниципального звена РСЧС, в муниципальной практике в структуре местной администрации муниципальных образований создаются органы, имеющие следующий организационно-правовой статус: а) координационные органы - в лице комиссий по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций; б) постоянно действующие органы - в лице непосредственных структурных подразделений местной администрации либо создаваемых местной администрацией муниципальных учреждений; в) единые дежурно-диспетчерские службы – в лице непосредственных структурных подразделений местной администрации, составных частей этих подразделений либо в создаваемых местной администрацией муниципальных учреждений; г) аварийно-спасательные службы в лице муниципальных учреждений.

В целях совершенствования организационно-правового структурирования местной администрации по вопросам обеспечения безопасных условий жизнедеятельности населения целесообразно в каждом муниципальном образовании создавать одну комиссию местной администрации по чрезвычайным ситуациям. В крупных городских округах, где местная администрация состоит из большого числа отраслевых (функциональных) и территориальных органов, целесообразно создавать общегородскую комиссию, а также комиссии в территориальных органах, причем с ограниченными полномочиями, которые отражают специфику административного района городского округа. И по своему статусу районные комиссии не имеют полномочий комиссии органа местного самоуправления. Такие районные

комиссии должны создаваться распоряжением главы администрации городского округа, поскольку в данной сфере очень важен принцип оперативности, который достигается более четкой системой соподчиненности различных звеньев РСЧС.

Структурировать управления (отделы) местных администрации по вопросам обеспечения безопасных условий жизнедеятельности населения муниципального образования целесообразно как непосредственные подразделения местной администрации, находящиеся в прямой подчиненности со стороны главы местной администрации (его заместителей), а не как муниципальные учреждения. Это касается также единых дежурно-диспетчерских служб. Что касается аварийно-спасательных служб, то их целесообразно создавать в форме муниципальных учреждений. В муниципальных правовых актах (положениях), определяющих статус структурных подразделений местных администраций, занимающихся обеспечением безопасных условий жизнедеятельности населения муниципальных образований, следует указывать основные квалификационные характеристики, которым должен удовлетворять руководитель такого структурного подразделения; назначение целесообразно согласовывать с руководством регионального звена РСЧС.

Литература и источники

1. См.: Провозин А.В. Проблемы формирования правовых основ для реализации органами местного самоуправления вопроса местного значения в виде участия в предупреждении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций // Современная научная мысль. 2013. №1. С.74-76.
2. Положение об Управлении гражданской защиты Администрации города Ижевска (утвержд. решением Городской думы г. Ижевска от 18.03. 2008 г. № 377, ред. от 15. 12. 2011 г. № 234) // Официальный сайт органов местного самоуправления города Ижевска Удмуртской Республики (дата обращения – 02. 09. 2013 г.).
3. Лукичева Л.И. Управленческие решения. М: Омега, 2009. С. 63; С. 27; Фатхутдинов Р.А. Стратегический менеджмент. М.: Дело, 2005. С. 53-55; Лазарев В. Н. Управленческие решения. Ульяновск: УГТУ, 2011; Гольдштейн Г.Я. Стратегические аспекты управления. Таганрог: ТРТУ, 2000. С. 22; Злобина Н. В. Управленческие решения. Тамбов: ТГТУ, 2007. С. 17 и др.
4. См.: Звягольский А.Ю., Семенякин И.А. Государственная политика Российской Федерации в сфере борьбы с политическим экстремизмом и терроризмом: на материалах Северного Кавказа. Краснодар, 2006. Зорина Т.А. Виды преступлений совершаемых в условиях природных бедствий или техногенных катастроф // Право и практика. 2013. №2.
5. Устав муниципального казенного учреждения «Управление по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям Темрюкского района Краснодарского края» (утвержд. постановлением администрации МО

Темрюкский район Краснодарского края от 27. 12. 2010 г. № 2684) // Официальный сайт администрации Темрюкского района Краснодарского края (дата обращения – 27. 09. 2013 г.).

6. Устав муниципального казенного учреждения «Управление по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям города Кургана» (утвержд. постановлением администрации города Кургана от 09. 03. 2010 г. № 205) // Официальный сайт администрации горда Кургана (дата обращения – 30. 10. 2012 г.).

7. Муниципальное казенное учреждение «Служба гражданской защиты города Апатиты»: задачи и функции /информация об органах местного самоуправления города Апатиты Мурманской области // Официальный сайт администрации города Апатиты Мурманской области дата обращения – 07. 07. 2013 г.).

8. Конин В.Н. Понятие и сущность общественной безопасности // Право и практика. 2010. №1; Воронов А.М. Система обеспечения общественной безопасности: проблемы оптимизации // Право и практика. 2012. №2.

9. Постановление Правительства Российской Федерации от 30.12.2003 N 794 «О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» (вместе с Положением о единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций) // Справочно-правовая система «Консультант +» (дата обращения – 31. 05. 2013 г.).

10. Положение об управлении гражданской защиты администрации муниципального образования город Краснодар (утвержд. Решением городской Думы Краснодара от 28.03.2013 № 46 п.10) // Вестник органов местного самоуправления МО г. Краснодар. 2013. № 8.

ПРОВОЗИН АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ - аспирант кафедры конституционного права ЧОУ ВПО «Институт международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К.В. Россинского». г. Краснодар, 2-й проезд Стасова 48. Тел. 8 (861) 233 64 48

PROVOZIN, ALEXEY V. - postgraduate student of the chair of constitutional law, PRIVATE higher education institution "Institute of international law, Economics, Humanities and management name of the Kronstadt Rossinsky" (Phone 8 (861) 233 64 48)

УДК 342.552

ВЯЗОВСКАЯ Т.Н.
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Ключевые слова: экологическое право, охрана природной среды, разграничение компетенций, собственность на природные ресурсы.

В статье осуществлен анализ развития экологического законодательства, рассмотрена проблема разграничения полномочий в указанной сфере между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ. Показано, что такое разграничение порождает много противоречий в практике регулирования отношений по природопользованию и охране окружающей среды. Автор полагает, что на сегодняшний день практически не определены конкретные механизмы разграничения полномочий РФ и ее субъектов не только в области природопользования и охраны окружающей среды, но и в области обеспечения экологической безопасности и процедуры реализации этих полномочий.

VYAZOVSKAYA, T.N.
PROBLEMS OF ENVIRONMENTAL LEGISLATION

Keywords: environmental law, environmental protection, delimitation of competences, ownership of natural resources.

The article analyzes the development of environmental legislation, the problem of the division of powers in this area between the federal authorities and state authorities of the Russian Federation. It is shown that this distinction gives rise to many contradictions in the practice of regulating relations of Nature and Environment. The author believes that to date almost no identified specific mechanisms of differentiation of powers of the Russian Federation and its subjects, not only in the field of nature and the environment, but also to ensure environmental safety and procedures for the implementation of these powers.

Одной из проблем развития экологического законодательства является проблема разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ. В ст. 71-73, 76-78 Конституции РФ определен круг вопросов, относящихся либо к ведению РФ, либо к совместному ведению Федерации и субъектов РФ, либо к ведению субъектов РФ. Однако такое разграничение порождает много противоречий в практике регулирования отношений по природопользованию и охране окружающей среды. Соотношение этих объектов в Конституции не определено, вследствие чего в законодательстве встречаются разные подходы к решению данной проблемы. Особенно политизированной выглядит формулировка «совместное ведение», в которой не находит отражения юридическая норма. Видимо, целесообразнее закрепить в Конституции гражданско-правовую норму о форме собственности на природные ресурсы, находящиеся в «совместном ведении». Законодательство устанавливает, что природные ресурсы могут находиться в государственной собственности РФ, в государственной собственности субъектов РФ и «совместном ведении». Поэтому важным является установление режима собственности, пользования тех объектов природы, которые находятся в «совместном ведении».

Практически не определены конкретные механизмы разграничения полномочий РФ и ее субъектов не только в области природопользования и охраны окружающей среды, но и в области обеспечения экологической безопасности и процедуры реализации этих полномочий. В то же время только в нескольких случаях в законодательстве РФ определены механизмы разграничения полномочий РФ и ее субъектов в этой области, да и те не конкретизированы в специальных нормативно правовых актах, что затрудняет их реализацию.

Например, в Основах законодательства РФ об охране здоровья граждан к ведению РФ и субъектов РФ в вопросах охраны здоровья граждан отнесены природопользование, охрана окружающей среды, обеспечение экологической безопасности (ст. 5,6,7). К ведению органов местного самоуправления, в вопросах охраны здоровья граждан - охрана окружающей природной среды и обеспечение экологической безопасности; ликвидация последствий катастроф и стихийных бедствий (ст.8). Органы государственной власти РФ и органы государственной власти субъектов РФ, разрабатывают и реализуют комплексные программы экологической безопасности территорий, на которых расположены объекты использования атомной энергии (ст.10 Федерального закона «Об использовании атомной энергии».) На деле только в четырех субъектах РФ имеются такие программы.

Тормозом к цивилизованному разграничению полномочий является, отсутствие федерального закона, определяющего правовое положение субъектов РФ с учетом накопленного опыта федерального устройства РФ

С обозначенной проблемой следует согласиться без сомнения. Но не следует смешивать разграничение предмета ведения и разграничение государственной собственности на природные ресурсы, так как, по сути, речь идет о сфере управления природными объектами и о видах государственной собственности (федеральной и субъектов Федерации) на них. Об этом свидетельствует ст. 72 Конституции РФ, которая определяет в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Федерации вопросы владения, пользования, распоряжения природными ресурсами и вопросы разграничения государственной собственности (п. 2).

В развитие данного положения п. 2 ст. 77 Конституции устанавливает единую систему исполнительной власти в РФ.

Таким образом, законодательно урегулирован как раз режим объектов природы, находящихся в совместном ведении. Не регулируемым остается режим разграничения государственной собственности на федеральную и субъектов Федерации.

Как показывает история человеческой цивилизации, в социальном поведении неизбежно превалирует экономическая доминанта. Понимая и учитывая это, законодатель формулирует правила ведения экологически значимой деятельности с позиции принуждения к исполнению экологически обусловленных требований и ограничений.

Потребительское общественное сознание, его антиэкологическая ориентация исключают возможность эффективного функционирования частноправовых методов правового регулирования в данной сфере общественных отношений. Потеснить, ограничить потребительскую психологию общества по отношению к природе возможно только публично-правовыми методами. Правовой режим природы как объекта собственности должен быть особенным, отличным от режима материальных объектов социальной среды. Теоретически он должен быть таким, чтобы, удовлетворяя некий оптимальный объем потребностей человека, природа сохранялась в благоприятном состоянии. Поэтому, в интересах будущих поколений предпочтительным является развитие правовой доктрины и экологического права в рамках концепции природы как публичного достояния.

Несомненно, лес - является публичным достоянием многонационального народа нашей страны, лес – это неотъемлемая часть нашего образа жизни, нашего менталитета, истории, культуры. И очень важно, чтобы так и оставалось, чтобы участки земель лесного фонда не сосредотачивались в руках нескольких человек, а оставались по праву всеобщей, федеральной собственностью.

Очень важной, актуальной проблемой, конечно же, остается вопрос о том, что будет разрешена частная собственность на лес или нет.

Статья 8 Лесного кодекса прямо говорит о том, что лесные участки земель лесного фонда находятся в федеральной собственности. А это значит – принадлежит государству и всему народу. Но дело в том, что не все леса у нас находятся на землях лесного фонда. Есть леса и на землях сельхозназначения, есть леса министерства обороны и министерства образования и науки и другие. А здесь уже как говорится, возможны варианты. Формы собственности на такие лесные участки определяются в соответствии с земельным законодательством.

Именно в таких случаях возможна частная собственность на лес. Но, однако, существует возможность, причем, довольно таки реальная получить в частную собственность участок лесного фонда, и даже особо охраняемых природных территорий. Для этого нужно сначала взять участок лесного фонда в аренду, а потом перевести его в земли иных категорий. Это, конечно же, сложная процедура, которую, впрочем, кодекс не отрицает.

Конечно же, какие-то природные ресурсы могут находиться и в частной собственности, с учетом того, что частная собственность гарантируется Конституцией РФ и является неотъемлемым условием развития рыночной экономики в России. Однако с точки зрения сохранения благоприятного состояния окружающей среды в глобальном масштабе сама рыночная экономика доказала свою ущербность, ограниченность и вредность. Рыночная экономика, как показывает мировой опыт, далеко не всегда является образцом экологичности. Как форма ведения хозяйства (с точки зрения экологического права) она оказалась не эффективнее плановой.

В условиях действия жесткой конкуренции рыночная экономика, ещё более плановой, ориентирована на гигантское и всё возрастающее природопользование. Для обеспечения самой конкурентоспособности – одного из важнейших принципов, законов рыночной экономики - неоправданно, с экологической точки зрения необоснованно, затрачивается слишком много ресурсов, в том числе и природных. Соблюдение же при этом требований по охране окружающей среды не обеспечивается.

Необходимо отыскать некий оптимальный баланс регулирования между экологическими и экономическими отношениями. Носителями экономических интересов выступают субъекты производственной предпринимательской и иной деятельности, ориентированной на получение экономического результата. В условиях растущей ограниченности в природных ресурсах экономический рост сопровождается всё более интенсивной их эксплуатацией, что на локальном уровне всё чаще оборачивается конфликтами между групповыми – экономическими и внеэкономическими интересами.

Конечно же, общество потребителей является источником современных экологических бед. Отсюда и слабое законодательное регулирование в области экологического законодательства, большинство законов носит декларативный характер.

Необходимо четко знать экологические запросы общества, а для этого необходимо искать способы их выявления. Следует остерегаться корреляции оценок состояния окружающей среды с уровнем жизни людей и возможных экспертных ошибок.

Если в правотворческой деятельности предпочтение отдается получению максимальной прибыли от природопользования, то причиной такого выбора являются отнюдь не правотворческие ошибки законодателей, а скорее злоупотребление правом с их стороны.

Несмотря на некоторую законодательную активность, предусмотренный законодательством механизм охраны природы и природопользования остаётся крайне слабо урегулированным, пробельным и не эффективным; экономические меры призванные стимулировать природоохранную активность предприятий, на практике практически не применяются. До настоящего времени так и не разработана Концепция развития экологического законодательства РФ, в основу которой должно быть положено создание системы административных и экономических механизмов рационального природопользования и охраны окружающей среды. Так и нет законодательно закреплённого механизма учета, оценки и распределения меры экономической ответственности за нанесенный экологический ущерб.

К сожалению, в России пока только много проблем экологического характера, и с каждым годом их не становится меньше, а напротив их количество заметно увеличивается. Наше потребительское отношение к природе и к жизни в целом, в итоге обеспечит печальное будущее следующих поколений.

И только во взаимосвязи органов власти и народа, при надлежащем исполнении законодательства и уважении прав человека возможно построение правового, действительно социального государства, где гарантируется право на достойную жизнь – жизнь без страха и опасения за свое здоровье, и здоровье наших детей.

Литература и источники

1. Конституция Российской Федерации (России). М., 1993.
2. Лесной кодекс Российской Федерации, №200-ФЗ // Российская газета. 2006. 4 декабря.
3. Бринчук М.М. 15 лет Конституции РФ в эколого-правовом контексте // Государство и право. 2008. №12. С. 91-103.
4. Васильева М.И. Проблемы защиты общественного интереса в экологическом праве // Государство и право. 1999. № 8. С. 49-62.
5. Лопатин В.Н. Экологическая безопасность: проблемы конституционной законности // Государство и право. 2004. №2. С.21-31.
6. Турицын А.В. Ограничение и прекращение права собственности на земельные участки сельскохозяйственного назначения. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Владикавказ, 2010.
7. Турицын А.В. Отдельные проблемы принудительного прекращения права собственности на земельные участки // Современная научная мысль. 2013. №2. С.133-140.
8. Дерюга А.Н. Причины незаконной рубки леса и пути их устранения // Право и практика. 2013. №1.

ВЯЗОВСКАЯ ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА - доктор исторических наук, кандидат юридических наук, заведующая кафедрой частного права, Чебоксарский кооперативный институт (филиал) АНО ВПО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации» (g197412@yandex.ru)

VIAZOVSKAYA, TATIANA N. - Doctor of History, PhD in Law, Head of the Chair of Private Law, Cheboksary Cooperative Institute (branch) ANO VPO Central Union of Russia, "Russian University Cooperation"

ФИЛОСОФИЯ

УДК 340.114.5

САВИНА С.В. ПРОБЛЕМНОСТЬ НАУЧНОЙ РЕФЛЕКСИИ СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА

Ключевые слова: массовая коммуникация, массовое сознание, молодежная субкультура, коллективные идентификации, коммуникационные факторы, научная рефлексия, человеческий капитал, интернет пространство.

В статье исследуется проблема социокультурного потенциала средств массовой коммуникации в молодежной культуре современного российского общества. Показано, что функционирование современного социума обеспечивается его сопряженностью именно с каналом взаимосвязи общества и властных институтов, регулятором изменения социального, политического настроения и коллективных идентификаций, исходящих от средств массовых коммуникаций. Автор рассматривает влияние средств массовой информации как разнонаправленные векторы с достаточно высокой степенью динамичности, значительным потенциалом социального проектирования в условиях трансформации гражданского общества под влиянием инноваций и развития науки в целом.

SAVINA, S.V. PROBLEMATIC SCIENTIFIC REFLECTION MEANS OF MASS COMMUNICATION AS A SOCIAL INSTITUTION

Keywords: mass communication, mass consciousness, youth subculture, collective identification, communication factors, scientific reflection, human capital, the Internet space.

The article examines the problem of social and cultural potential of the mass media in the youth culture of modern Russian society. It is shown that the functioning of modern society is ensured by its dual channel relationships of society and government institutions, the regulator changes the social, political sentiments and collective identities emanating from the means of mass communication. The author examines the impact of the media as vectors of different directions with a high degree of dynamism, significant potential for social planning in the transformation of civil society under the influence of innovation and the development of science in general.

Своевременность исследования социокультурного потенциала средств массовой коммуникации в молодежной культуре современного российского

общества обусловлена тем обстоятельством, что функционирование современного социума обеспечивается его сопряженностью именно с каналом взаимосвязи общества и властных институтов, регулятором изменения социального, политического настроения и коллективных идентификаций, исходящих от средств массовых коммуникаций.

Проблемность научной рефлексии средств массовой коммуникации (СМК) как социального института актуализируется тем, что в условиях глобальной информатизации современного общества характер восприятия, и, следовательно, уровень эффективности деятельности СМК базируется на сопряженности с общей тенденцией субсидиарности. Это означает усиление фокусирования внимания на ценностной значимости личности и ее свободы в выборе практик повседневного поведения во всех сферах жизнедеятельности социума. Необходимо прояснение ситуации, когда характер различных моделей поведенческих практик личности, социальных групп, аудиторий обусловлен воздействием СМИ на массовое сознание молодежи.

Растущее влияние СМИ на молодежную аудиторию – отличительная черта сформированного в XX столетии информационного общества. Стремительное развитие электронных средств информации и коммуникации заставляет задуматься над тем, как они влияют на образ жизни, воспитание, культурный потенциал и личностное становление молодежи.

Прежде всего, предпринята попытка выяснить сущность общих положений, детерминации средств массовой коммуникации в структуре современного общества, соотношение понятий массовой информации и массовой коммуникации, по материалам социологических исследований выявляется функциональная специфика средств массовой коммуникации.

СМИ рассматриваются как разнонаправленные векторы с достаточно высокой степенью динамичности, значительным потенциалом социального проектирования в условиях трансформации гражданского общества под влиянием инноваций и развития науки в целом.

Эффективность воздействия СМИ во многом определяется восприятием аудиторией коммуникационных факторов, в чьих интересах осуществляется передача информации - журналистов, органов или лидеров власти, элитных групп и т.д.

Эволюция региональных СМИ в Российской Федерации совершается под воздействием трех основных детерминант:

- 1) общемировые тенденции - глобализация, конвергенция, развертывание всемирных сетей коммуникации типа Интернет и др.;
- 2) общероссийские особенности демонополизация, разгосударствление СМИ и др.;
- 3) местная специфика - удаленность от центра, уровень развития технологической базы и др.

Сложное взаимодействие данных детерминант и определяет генезис российских региональных СМИ: первые выступают как долгосрочные и

определяющие, вторые - среднесрочные и регулирующие, третьи - как временные и специализирующие.

Массовая коммуникация является неотъемлемой частью современного общества, его экономики, политики, культуры. Коммуникация, выступая в качестве момента содержания сферы духовной жизни, является в то же время выражением системного качества последней. Сама культура при этом рассматривается как динамическая система функционирования информации, на основе чего дается вывод: коммуникация - это специфическая культурная форма духовного общения людей.

Массовая коммуникация исполняет роль регулятора динамических процессов социальной психики; роль интегратора массовых настроений; канала циркуляции психоформирующей информации. Благодаря этому средства массовой коммуникации являются мощным средством воздействия и на личность, и на социальную группу.

Например, телевидение воспроизводит гендерные стереотипы, транслирует, внедряет их в массовое сознание, создавая идеал для подражания, соответствующий гендерному стереотипу.

Так, главным транслятором инноваций в студенческой среде является Интернет (56,8%). Также наиболее высокий показатель имеет телевидение (21,5%). Создание малых инновационных предприятий и бизнес-инкубаторов при вузах страны занимает в иерархии третье место (10%).

По результатам исследования также выявлены мнения респондентов о том, какие программы телевидения вызывают у них наибольший интерес. Так, интерес среди студентов вызывают развлекательные программы (11,4%), политические же программы интересуют их в гораздо меньшей степени (0,4%), однако существенно больший интерес у студентов вызывают программы интеллектуально-развивающего содержания, культуры и науки (33%).

Установлено, что на сегодняшний день молодежную аудиторию интересуют публикации и на серьезные темы. Так, статьи по проблемам высоких технологий, инноваций читают 23,6% опрошенных студентов; 12,1% респондентов интересуется светская жизнь и мода; статьи по психологии, эзотерике читают 9,7%; криминальная хроника и статьи на бытовые темы выбирают по 6,3% респондентов, 3,2% респондентов предпочитают читать статьи на общественно-политические темы.

Продемонстрируем в таблице данные расчета социологического опроса среди студентов демонстрируют высокую степень влияния СМИ на формирование таких жизненных планов, как: построить карьеру в профессиональной сфере (52,3%),

создать семью (37,3%),

открыть «свое дело» (32,6%).

Таблица

Жизненные планы	Помощь СМИ:	
	Высокая	Низкая
сделать карьеру в профессиональной сфере	52,3	23,3
создать семью	37,3	42,6
открыть «свое дело»	32,6	21,6
уехать на работу за рубеж	19	26,6
стать знаменитым	15,2	17,4

Диаграмма 2.

Здесь занимает лидирующее место Интернет, который является одним из инструментов формирования духовного мира и ценностных ориентаций молодых людей. Целесообразно отметить возросшее влияние Интернет-сообществ на современную политическую жизнь в России. Политические партии и политические объединения давно уже имеют Интернет-представительство, и пытаются по мере возможности влиять на привлекательность своих программ и на «лица», олицетворяющие свои партии и движения.

Таким образом, среди полученных ответов преобладают как позитивные, так и негативные оценки деятельности СМИ.

Интернет, на наш взгляд – это, безусловно, удачный глобальный проект, который мы наблюдаем в современном мире. Интернет-пространство вообще и социальные сети в частности создают, своего рода, новую реальность, которая живет и развивается по собственным законам. Это доказывает, что сегодня мы можем заявить о себе и вступить в контакт, с другими человеческими существами не только через языковую коммуникацию,

Достаточно сложно представить сегодняшнюю жизнь современного человека без доступа к интернету. Он является неоспоримым благом цивилизации и во многом упростил нашу жизнь.

Сегодня можно констатировать, что молодежь, обладая высоким потенциалом экономической активности и ориентированностью на инновационное развитие, имеет при этом суженный спектр их реализации.

На вопрос о том, какими Вы видите себя к 30 годам, 16,3% респондентов ответили – «счастливым, достигшим душевной гармонии», 14,6% - «хорошо обеспеченным», 14,4% - «образованным, духовно богатым», 13,6% -

«свободным, независимым», 10,5% - «предприимчивым, энергичным», 8,1% - «с чистой совестью», 5,3% - «патриотом, настоящим гражданином Родины», 0,1% - таким же, как и все.

Средства массовой информации и Интернет являются мощнейшим фактором формирования общественного сознания молодёжи. Они закрепляют в общественном мнении определенные понятия и стереотипы. Формирование стереотипов происходит, прежде всего, в результате воспринимаемой характерности фиксируемых отличий или особенностей.

Например, телевидение воспроизводит гендерные стереотипы, транслирует, внедряет их в массовое сознание, создавая идеал для подражания, соответствующий гендерному стереотипу [3] (см. таблицу 1).

Таблица 1.

Отношение студенческой молодежи к устойчивым гендерным стереотипам (%)

Отношение студенческой молодежи к устойчивым гендерным стереотипам (%)	Юнош и (745)	Девушки (940)	Всего N/%
мужчины должны зарабатывать больше, чем женщины	22,1%	22,5%	22,4%
женщина должна уметь вести домашнее хозяйство	7,2%	11,06%	9,4%
ответственность за финансовое благополучие в семье лежит на мужчинах	16%	18,3%	17,3%
женщина должна всегда хорошо выглядеть	15,7%	13,7%	14,6%
мужчина должен иметь престижную работу	24,7%	21,8%	23%
материнство – основа жизни женщин	13,1%	11,6%	12,3%
Другое	0,5%	0,6%	0,6%
Затрудняюсь ответить	0,6%	0,17%	0,4%

Таким образом, массовая культурная коммуникация - одно из тех важных явлений современного общества, которое заметно сказывается на развитии общественных отношений внутри каждой страны и между странами и народами.

Несомненно, особое значение приобретает взаимодействие культуры и массовых коммуникаций как процесса, формирующего «человеческий капитал» и нравственный ресурс социально-экономического развития государства.

Литература и источники

1. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В. С. Степин. М.: Мысль, 2000-2001.

2. База данных Фонда Общественного Мнения: <http://fom.ru/story/internet>.
3. Ученые записки: сборник научных трудов и статей // Под редакцией А.Г. Бешукова. Вып. 1. Майкоп: Качество, 2013. - 260 с.
4. Турицын И.В. Власть и пресса в советской России: проблема взаимоотношений и взаимовлияния в 20-е годы. М., 1998.

САВИНА С.В. – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и правовых дисциплин филиала Адыгейского государственного университета в г. Белореченске Краснодарского края (ssavin@mail.ru)

SAVINA, S.V. - PhD in Sociology, Senior Lecturer, Department of Humanities and legal disciplines branch of Adyge State University in Krasnodar Krai Belorechensk

УДК 340.114.5

ЭРТЕЛЬ А.Г., САВИНА С.В.
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ
КОНФЛИКТАМИ КАК СОЦИАЛЬНО-ЗНАЧИМАЯ ФУНКЦИЯ
РУКОВОДИТЕЛЯ ПЕРСОНАЛОМ

Ключевые слова: конфликтология, социально-психологические методы, позитивно-функциональный конфликт, эмоциональный антагонизм.

В статье исследуются социально-психологические методы управления конфликтами как социально-значимых умений руководителя персоналом. Показано, что социально-психологические методы управления основаны на использовании моральных стимулов к труду и оказании воздействия на личность с помощью психологических приемов в целях превращения административного задания в осознанный долг, внутреннюю потребность человека. При этом успех работы с конфликтом (в конфликте) во многом зависит от точности описания структуры конфликта: субъектов, предмета, инцидента, отношений, ситуаций.

SAVINA, S.V.
SOCIO-PSYCHOLOGICAL METHODS OF CONFLICT MANAGEMENT AS
A SOCIALLY SIGNIFICANT FUNCTIONS LEADER STAFF

Keywords: Conflict, social and psychological methods, positive-functional conflict, emotional antagonism.

The paper examines the socio-psychological methods of conflict management as a socially important skills of personnel manager. It is shown that socio-psychological

methods of management based on the use of moral incentives to work and to influence the personality of using psychological techniques in order to make the administrative tasks in a conscious debt inner human need. At the same time the success of the conflict (the conflict) is largely dependent on the accuracy of the description of the structure of the conflict: the actors, the subject incident, relations situations.

Социально-психологические методы связаны с социальными отношениями, с моральным и психологическим воздействием.

Социально-психологические методы управления основаны на использовании моральных стимулов к труду и оказании воздействия на личность с помощью психологических приемов в целях превращения административного задания в осознанный долг, внутреннюю потребность человека.

Конфликты в значительной степени влияют на весь производственный и управленческий процесс в организации. Человек в ходе жизни вырабатывает представления, которые, проецируясь на потребности и формируют ценности.

Однако человек далеко не всегда правильно понимает свои настоящие интересы (как ему и нам кажется позже). Но пока он понимает свой интерес «ошибочно», его «ошибочный интерес» и является для него действительным.

Так, интересы и ценности и лежат в основе конфликта. Точнее, не сами, а различия между ними. Л. Козер [1], автор теории позитивно-функционального конфликта, особое внимание обращал на роль ценностей, интересов для стабильности и развития как социальных групп, так и социальных систем. Если субъекты, вступившие в конфликт, более не разделяют ценностей, на основе которых функционировала конкретная социальная система, то возникает внутренний конфликт, который ведет к распаду социальной структуры, происходит замена ее на новую, утверждаются новые по своему содержанию объединяющие элементы системы, ценности, интересы. Конфликт в этом случае выступает как способ адекватного приспособления социальных норм к изменившимся обстоятельствам.

Итак, конфликт — это сложное явление, поэтому существует множество его определений:

- ситуация, в которой два человека или более демонстрируют разногласия в спорном вопросе при наличии эмоционального антагонизма между ними (Д. Хант, Р. Осборн);

- способ достижения своеобразного единства, даже если оно достигается ценой унижения одной из сторон, участвующих в конфликте (Г. Зиммель) и др.

Так, если суммировать вышесказанное о конфликте и исходить из его распространённого понимания как столкновения сторон, мнений и сил, то можно определить, что конфликт – это проявление социальных связей и отношений между людьми, коммуницирующих между собой, способ взаимодействия при столкновении несовместимых взглядов, позиций и

интересов, противоборство взаимосвязанных, но преследующих свои цели двух и более сторон.

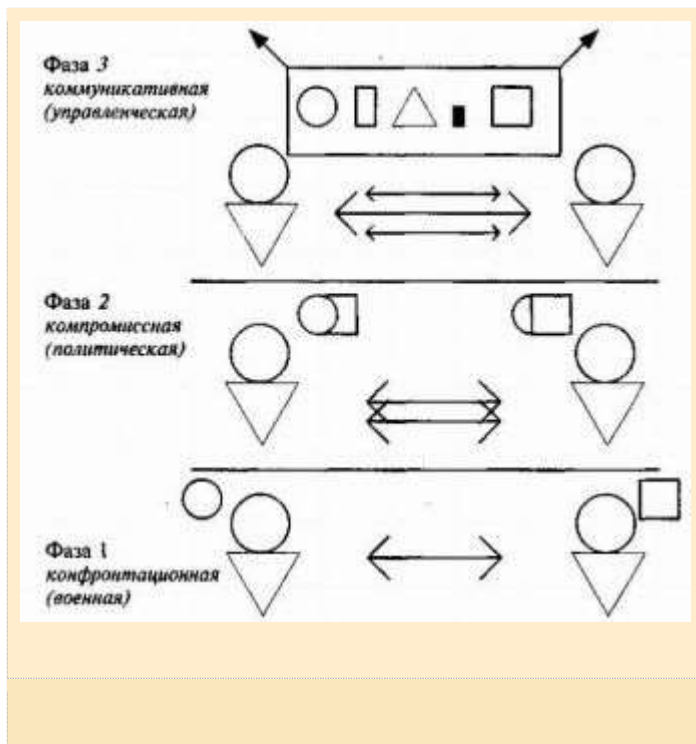
Конфликт имеет следующие фазы (рис. 1):

1. Конфронтационная (военная) — стороны стремятся обеспечить свой интерес за счет ликвидации чужого интереса (в их представлении это обеспечивается либо добровольным или вынужденным отказом другого субъекта от своего интереса, либо лишением его права иметь свой интерес, либо уничтожением носителя другого интереса, что уничтожает естественным образом и сам этот интерес, следовательно, и гарантирует обеспечение собственного).

2. Компромиссная (политическая) — стороны стремятся по возможности достигнуть своего интереса через переговоры, в ходе которых производят замену отличающихся интересов каждого субъекта на общий компромиссный (как правило, каждая сторона пытается обеспечить в нем по максимуму свой собственный).

3. Коммуникативная (управленческая) — выстраивая коммуникацию, стороны достигают согласия, основанного на том, что суверенитетом обладают не только сами субъекты конфликта, но и их интересы (консенсус), и стремятся к взаимодополнению интересов, ликвидируя лишь незаконные, с точки зрения сообщества, различия (либо правовой запрет на тот или иной интерес и его уголовное преследование, корпоративный запрет, грозящий нарушителям административным наказанием, либо изменение законодательства, системы фирменных инструкций, дающее или запрещающее право на тот или иной интерес, различие).

Рис. 1.

Таким образом, управление конфликтом — это деятельность по обеспечению развития конфликтного взаимодействия, то есть, управлять конфликтом — значит обеспечивать ему максимальную возможность для саморегулирования и содействие выходу из кризисов в следующую фазу.

В свою очередь сам конфликт можно называть деструктивным, если не удалось избежать кризисов. Но любой конфликт конструктивен по своей природе как инструмент развития. Бывают конфликты, проходящие без кризисов. Но, правда, очень редко и, как правило, характерны они для организаций с очень высоким уровнем интеллектуальной и коммуникативной культуры (как корпоративной, так и каждого сотрудника, прежде всего администрации), да и само общество должно быть на столь ж высоком уровне развития.

Тем не менее, сказать, что конфликт способствует или мешает деятельности организаций, можно лишь после его завершения. И значит, нам остается одно: научиться жить, работать и отдыхать в конфликте.

Интересно заметить, что конфликт начинается с того момента, когда (хотя бы) один из взаимодействующих субъектов осознает различие своих интересов, ценностных ориентации от интересов, ценностных ориентации другого субъекта или начинает односторонние действия по обеспечению своих интересов (т.е. по поводу различий), но пока еще, не осознавая этих различий.

Успех работы с конфликтом (в конфликте) во многом зависит от точности описания структуры конфликта: субъектов, предмета, инцидента, отношений, ситуаций. Рассмотрим каждый из элементов отдельно:

Инцидент (информационный) — событие, которое помогло осознать хотя бы одному из взаимодействующих (прямо или косвенно) субъектов отличие (полное или частичное) его интересов и ценностей от интересов и ценностей других участников взаимодействия.

Инцидент (деятельностный) — повод для объявления (афиширования) конфронтационных действий по поводу различия интересов, ценностных ориентаций.

Конфликтная ситуация — развитие конфликта в конкретный временной период.

Субъекты конфликта — участники конфликтного взаимодействия, которые могут быть представлены индивидами, группой индивидов, социальной организацией.

Предмет конфликта — конкретные интересы и ценностные ориентации, по поводу различия которых происходит конфликтное взаимодействие (то, из-за чего возник конфликт).

Конфликтные отношения — форма и содержание взаимодействия между субъектами, их действия для завершения конфликта.

Целесообразно заметить, что решающее влияние на выбор поведения в конфликте оказывает сама личность — ее потребности, интересы, ценности, установки, привычки, образ мышления, модели поведения, ее прошлый опыт работы с проблемами и поведения в конфликте. Можно выделить конфликтный

тип личности. Само понятие конфликтности личности означает состояние готовности личности к конфликтам, ее степень вовлеченности в развитие конфликтов.

Необходимо обратить внимание на социальные и психологические характеристики конфликтантов. Так, под социальными характеристиками понимают принадлежность к тому или иному слою общества или общественной группе, профессии, служебному положению, наличие социальной роли, авторитета, можно также говорить о рангах конфликтов, их социальных вечах. Психологические характеристики – это свойственные человеку личностные черты, часто определяющие и возникновение, и протекание, и результаты конфликта. Есть «трудные» люди, определённые типы «конфликтных» личностей, с которыми нелегко найти общий язык, что создает в отношениях с ними напряженность, могущую легко перейти в конфликт. Это, например, такие конфликтные личности как «грубиян-танк», «грубиян-крикун», «человек-граната», «пессимист», «пассивно-агрессивный», «жалобщики» и др.

Принято различать шесть стилей поведения в конфликтной ситуации, в основу классификации которых положена система Томаса — Килменна. Она позволяет ориентировать любого человека в случае попадания его в конфликтную ситуацию.

Стили поведения в конфликтной ситуации связаны с главным источником конфликта — различием интересов и ценностных ориентации взаимодействующих субъектов.

Стиль поведения любого человека в конфликте определяется: 1) мерой удовлетворения собственных интересов; 2) активностью или пассивностью действий; 3) мерой удовлетворения интересов другой стороны; 4) индивидуальными или совместными действиями.

Исходя из предложенной модели выделяют следующие способы регулирования конфликтов: 1) конфронтация (соревнование) как стремление, активно и индивидуально действуя, добиться удовлетворения своих интересов в ущерб интересам другой стороны; 2) приспособление, означающее в противоположность соперничеству принесение в жертву собственных интересов ради интересов другой стороны; 3) уклонение (избегание), для которого характерно отсутствие как стремления к корпорации, так и тенденции к достижению собственных целей; 4) конкуренция — соревновательное взаимодействие, не ориентируемое на обязательный ущерб другой стороне; 5) компромисс как метод взаимных уступок; 6) сотрудничество, когда принимаются решения, полностью удовлетворяющие интересы обеих сторон.

Таким образом, следует различать несколько подходов к конфликту. Сторонники первого описывают конфликт как явление негативное. Сторонники второго подхода считают конфликт естественным условием существования взаимодействующих людей, инструментом развития организации, любого сообщества, хотя и имеющим деструктивные последствия, но в целом и на длительном промежутке не столь разрушительные, как последствия ликвидации конфликтов, их информационной и социальной блокады. Выбор

менеджером одного из двух подходов определяет и выбор им форм работы и рекомендаций своей команде, структурным подразделениям компании по действиям в конфликтных ситуациях.

Интересно обратить внимание, что в производственной сфере появление новой идеи зачастую ведет к обесценению труда не только отдельных лиц, но и целых групп. Кроме зависти, выступающей на примитивном уровне, или опасений престижного характера, выступающих на более высоком уровне, причиной конфликта между новатором и его коллегами и администрацией может быть приверженность к прежним ценностям, консерватизм. Возможной причиной конфликта может быть и такая система мотивации и заинтересованности, в которой выгода для новатора образуется в ущерб (действительный или надуманный) интересам структурного подразделения или всей организации.

Внедрение нового продукта, технологии или услуги чаще всего означает для индивида необходимость отказаться от привычного, от старого, становится изменением в условиях производства, в потребительской сфере, в привычках и в сформировавшихся общественных связях. Следовательно, даже в случае успеха инновация сопровождается конфликтами — ведь она заставляет приспособливаться к новому.

Так, в организации, берущейся за радикальные изменения, периодически формируются состояния неопределенности, напряженности, стрессов. Инновация подрывает равновесие, тогда как организация пытается сохранить статус-кво.

Именно из-за традиционно негативного восприятия конфликтов общественный климат, порождаемый инновациями, не благоприятствует распространению инновационной деятельности, даже, безусловно обоснованной с экономической точки зрения, и зачастую тормозит ее. Это явление мы можем назвать инновационной недееспособностью (инерцией) общества (организации).

Помимо межличностных конфликтов из-за различия бытовых интересов сотрудников в организации возможны межличностные конфликты другого типа. Само явление получило название моббинг (от англ. mmbbing — притеснять и преследовать кого-либо, кому-то грубить, нападать или придирается). Этим словом обозначается ситуация, в которой оказываются сотрудники фирмы на своем рабочем месте, подвергаясь конфронтации со стороны коллег, а порой и начальства. При этом, убытки от потерянного рабочего времени и недостатка мотивации могут быть гораздо больше, чем при сокращении рабочего времени или повышении зарплаты. Проблема «жертвы» в том, что ее самосознание постоянно подвергается давлению. Как следствие возникает комплекс неполноценности. «Жертва» начинает себя чувствовать неуверенно, все больше сомневается в своих силах и способностях, боится оказаться в неприятной ситуации. Ей все время кажется, что коллеги, домочадцы пытаются унижить ее, доказать ненужность и бесполезность ее существования. Все чаще человек думает: «Если бы я не был таким плохим и

ненужным, мои коллеги относились бы ко мне по-другому!» или «Меня никто не любит, я всем противен!» И непосредственный вывод из всего этого: «Я действительно плохой человек, они правы, так поступая со мной!» Подобные мысли очень сильно действуют на самосознание и самооощение человека.

Эти проблемы имеют многие жертвы моббинга, так как они постоянно находятся в стрессовой ситуации. Они чувствуют себя неуверенно, от каждого ждут пакости, в каждом видят врага и обидчика. И чтобы защитить себя от еще неначавшихся нападков и грубостей, они сами начинают грубить. Они не ждут понимания и дружелюбия. Но их поведение — это результат такого же отношения к ним.

Безусловно, необходимо, не закрывая глаза на возникающие конфликты, активно с ними работать, всячески борясь с моббингом. Но чаще всего на взгляд высшего менеджмента фирмы, к сожалению, на передний план выходят другие кадровые задачи: реализация корпоративной кадровой стратегии, повышение квалификации персонала, обеспечение сотрудников необходимой оргтехникой в соответствии со стратегией развития и адекватно современному состоянию рынка.

К моббингу, как правило, прибегают и для того, чтобы выжить сотрудника с его рабочего места, не извещая о причинах, заставить подать заявление об увольнении. Его начинают травить, постоянно придираются и всеми возможными средствами дают понять, что он должен уйти из организации. К тому же очень трудно уволить сотрудника по закону. Гораздо легче и дешевле заставить его самого уйти с работы.

В подобных ситуациях тем более необходимо помнить, что одной из основных задач руководителя службы персонала является защита прав работников, в том числе и перед вышестоящим начальством. Это также повышает производительность труда и сказывается на работе фирмы и отдельно взятого структурного подразделения. Соблюдение моральных и нравственных норм на рабочем месте, создание дружеской, спокойной атмосферы могут принести такой же хороший результат, как и выгодно заключенная сделка. Довольные работой и отношениями на работе сотрудники работают гораздо лучше, реже болеют и всегда стараются хорошо выполнять поставленные перед ними задачи. Тот же, кто старается использовать моббинг для «укрепления» коллектива «повышения производительности труда» сотрудников, обязательно потерпит крах.

Таким образом, межличностные конфликты непрофессиональной направленности и моббинг приносят двойной вред. Все их участники не могут полностью посвятить себя работе. К тому же это приводит к психологическим проблемам. Люди, ставшие жертвами моббинга, часто меняют рабочее место: либо они уходят после испытательного срока, либо через несколько месяцев, год. Фирме приходится постоянно искать новых сотрудников.

А это тормозит саму инновацию, претворение в жизнь многих инновационных мер, направленные на повышение корпоративной и социальной ответственности организации.

Литература и источники

1. Козер Л. Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.
2. Минченкова О. Ю., Фёдорова Н. В. Управление персоналом: система бюджетирования: учебное пособие. М.: КНОРУС, 2011.
3. Психология управления. Хрестоматия /Ред.-составитель Райгородский Д.Я. Самара, 2006.

ЭРТЕЛЬ А.Г.– кандидат юридических наук, кандидат экономических наук, доцент, заслуженный деятель науки Республики Адыгея, доцент кафедры гуманитарных и правовых дисциплин филиала Адыгейского государственного университета в г.Белореченске (agu@mail.ru)

САВИНА С.В. – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и правовых дисциплин филиала Адыгейского государственного университета в г. Белореченске Краснодарского края (ssavin@mail.ru)

ERTEL, A.G. - PhD in Law, Associate Professor, Honored Scientist of the Republic of Adygea, assistant professor of humanities and legal sciences branch of Adyghe State University in Belorechensk.

SAVINA, S.V. - PhD in Sociology, Senior Lecturer, Department of Humanities and legal disciplines branch of Adyghe State University in Krasnodar Krai Belorechensk

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.015.32

КАРЕВ Б.А., ПРОКОПЦЕВА Н.В.
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ
ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

Ключевые слова: профессиональная компетентность педагога, профессиональная деформация преподавателя, деструктивное профессиональное становление педагога.

В статье исследуется феномен профессиональной деформации преподавателя, детально рассмотрены и систематизированы факторы ее появления. Показано, что деформации подвергаются различные сферы личности: духовно-нравственная, интеллектуальная, эмоциональная. В сфере нравственности деформированию подвергаются представления о гражданском и нравственном смысле своей профессии, притупляется чувство профессионального долга, растет эгоцентризм, исполнение профессиональной деятельности для достижения сугубо личных эгоистических целей. В интеллектуальной сфере утрачивается способность к самостоятельному мышлению, самостоятельной учебе. Обоснован вывод о том, что комплексный подход в определении причин формирования негативных профессиональных качеств конкретного преподавателя является необходимым условием эффективного преодоления или профилактики его профессиональной деформации.

KAREV, B.A., PROKOPTSEVA, N.V.
PROFESSIONAL, SOCIAL AND PERSONAL FACTORS OF
DEVELOPMENT OF THE TEACHER PROFESSIONAL DEFORMATION

Keywords: professional competence of the teacher, professional deformation of the teacher, prevention of professionally caused deformation.

In article the phenomenon of professional deformation is considered, factors of its emergence are systematized, the main directions of its prevention are proved. It is shown that the strain is exposed to various spheres of the person: spiritual, moral, intellectual, emotional. In the sphere of morality undergo deformation notions of civil and moral sense of their profession, dulled sense of professional duty, increasing self-centeredness, the performance of professional activities in order to achieve the most personal selfish purposes. In the intellectual sphere lost the capacity for independent thinking, independent study. The conclusion is that an integrated approach in determining the causes of the formation of the negative qualities of a specific

professional teacher is a prerequisite for effectively overcome or prevent it professional deformation.

Существует мнение, что единственным следствием профессионального развития преподавателя является совершенствование его профессиональных и личностных качеств. Однако для многих преподавателей определенные условия профессиональной среды, и (или) неспособность грамотного объективного анализа своей деятельности являются причинами деструктивного пути их профессионального становления, что неизбежно приводит к возникновению или усилению степени развития профессиональной деформации.

Профессиональная деформация несет разрушение не только самому преподавателю, но и тем, кто его окружает.

Профессиональная деформация педагога представляет собой измененный, отклоняющийся от нравственных и профессиональных норм личностный путь развития, разрушающий целостность, устойчивость личности, сформированность профессиональных качеств, снижающий уровень ее адаптации и эффективность профессионального функционирования под влиянием содержания педагогической деятельности, социально-политической и экономической обстановки в обществе, а также индивидуально-психологических особенностей личности педагога.

Деформации подвергаются различные сферы личности: духовно-нравственная, интеллектуальная, эмоциональная. В сфере нравственности деформированию подвергаются представления о гражданском и нравственном смысле своей профессии, притупляется чувство профессионального долга, растет эгоцентризм, исполнение профессиональной деятельности для достижения сугубо личных эгоистических целей.

В интеллектуальной сфере утрачивается способность к самостоятельному мышлению, самостоятельной учебе. Преподаватель испытывает затруднения с принятием решения в нестандартной педагогической ситуации. Его мышление шаблонизируется и догматизируется, абсолютизируется собственный опыт, переоцениваются наличные знания и способности.

В эмоциональной сфере происходит огрубление чувств, сужение эмоциональной сферы, ослабление способности контролировать и регулировать свои эмоции и чувства, усиливается эмоциональная неуравновешенность, конфликтность или апатия, чувство усталости, не срабатывают механизмы саморегуляции.

Как отмечают многие исследователи, появление профессиональных деформаций определяется возрастными, индивидуально-психологическими особенностями личности педагога, стажем работы, содержанием и особенностями педагогической деятельности [1, 2, 3].

Выделим ряд факторов, которые, по мнению многих исследователей, можно отнести к предпосылкам профессиональной деформации педагогов [4, 5]:

1. Особенности профессии:

Обычно профессиональную деятельность преподавателя относят к группе профессий типа «человек – человек», так как объектом, на преобразование которого направлена деятельность, является человек. Наряду с этой позицией существует точка зрения, согласно которой педагогическая деятельность относится к многофункциональной профессиональной деятельности типа «человек – оператор», связанной с необходимостью одновременного выполнения определенного числа различных функций и действий при неоптимальных для работы внешних условиях. Например: профессиональная необходимость «методически, лексически, логически аргументированной подачи учебного материала в течение строго регламентированного временного интервала в больших по численности коллективах учащихся может рассматриваться как аналог полифункциональной операторской деятельности с большим числом объектов внимания» [6].

Согласно системному подходу усилия преподавателя направлены на интеллектуальное, духовно-нравственное и профессиональное развитие учащегося. Ответственный педагог, моделируя занятие, будет в той или иной степени реализовывать поставленные цели, что само по себе является трудоемко. Задача преподавателя усложняется еще и тем, что ему постоянно приходится иметь дело с достаточно большим количеством учащихся, каждый из которых обладает своей уникальностью, непохож на другого и требует особенного подхода. Сложность заключается еще и в том, что у преподавателя существует некий эталон учащегося, с которым он невольно соотносит всех остальных. Ликвидация существующего несоответствия требует от педагога еще больших усилий. При неспособности уделить достаточное внимание каждому учащемуся, такие преподаватели, как правило, чувствуют неудовлетворенность своей профессией, что может стать катализатором в развитии нежелательных профессионально обусловленных качеств. В действительности многие преподаватели ограничиваются лишь передачей знаний, от случая к случаю разбавляя их нравочениями без привязки их к каким либо нравственным ценностям. Такое халатное отношение к работе может быть следствием проявления профессиональной деформации или же отсутствия компетентности у преподавателя, незнание специфики педагогической деятельности.

Педагог в течение всей своей профессиональной деятельности должен обогащать сферу профессионально-важных знаний, что является непременным условием для его успешной деятельности. Некоторые работники сферы образования, неспособные грамотно организовать педагогическую деятельность, наряду с увеличением объема необходимой для работы информации, разрастанием роли информатизации рабочего места, не снижающегося документооборота, испытывают постоянную тревогу за степень реализации своих профессиональных функций, тем самым истощая компенсаторные механизмы, обеспечивающие активное внимание, профессионально опосредованную память и логическое мышление.

Определенная социальная роль преподавателя, согласно которой он выступает высокообразованным человеком с непоколебимым багажом знаний, может выступать условием профессиональной деформации. Проблема заключается в том, что этот образ становится для преподавателя естественным и неоспоримым и чаще всего, к сожалению, приводит к появлению самоуверенности у педагога. Такие работники нетерпимы к замечаниям коллег, учащихся. В профессорско-преподавательском коллективе, в котором доминирующее положение занимают самоуверенные, неспособные критично оценить свои знания педагога, часты конфликты, взаимные обиды, что отрицательно сказывается на работоспособности, как отдельного преподавателя, так и коллектива в целом. Редко когда преподаватель способен посмотреть на себя со стороны и оценить уровень своих знаний объективно, как правило, большинство из них считают свою систему знаний неоспоримыми и отказываются вставать на путь самосовершенствования. Помимо этого статус преподавателя требует умения убеждать в своей правоте, логически доказывать объективно истинные положения и подобное качество перерождается в доказывание своей точки зрения как самоцель. Такой педагог не задумывается об истинности тезиса, который он доказывает, самое главное для него, чтобы позиция его была принята [7].

2. Социально-политические и экономические факторы:

- неоправданно низкий престиж профессии;
- нестабильная политическая и экономическая обстановка в обществе;
- неадекватная социальная и материальная оценка труда;
- жесткий временной режим работы;
- ненормированный и неритмичный рабочий день;
- перегрузка профессиональными задачами и как следствие переутомление и повышенная нервозность, приводящая к нервным срывам
- недостаточная поддержка со стороны администрации;
- невнимательное отношение коллег и т.д.

3. Индивидуальная предрасположенность к деформациям (наличие определенных черт, которые в условиях их актуализации и развития в профессиональной деятельности могут деформировать личность).

4. Образ профессии и себя в ней.

В качестве примера можно привести определенный архетип педагога, который проявляется в абсолютизации преданности делу, жертвуя своим здоровьем, временем, семейным благополучием во имя работы [8]. Во всем должна быть мера.

Все многообразие факторов, вызывающих профессиональную деформацию можно разделить на следующие взаимозависимые группы: экономические, политические, социальные, правовые, организационные, педагогические, психологические и т.п. [7] Отдельною строкою следует прописать такой фактор профессиональной деформации как специфика деятельности субъекта. Профессиональная деятельность определенным

образом преломляет влияние указанных причин. Как следствие все многообразие причин взаимосвязано и взаимообусловлено.

Комплексный подход в определении причин формирования негативных профессиональных качеств конкретного преподавателя является необходимым условием эффективного преодоления или профилактики его профессиональной деформации.

Литература и источники

1. Зеер Э.Ф. Психология профессиональных деструкций [Текст]. М.: Академ. Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2005 – 240с.; Карев Б.А., Прокопцева Н.В. Стресс в деятельности субъекта труда как фактор его профессиональной деформации // Современная научная мысль. 2013. №5. С.188-193.
2. Холоднова И.В. Преодоление педагогических деформаций как условие совершенствования профессиональной культуры педагога // Наука и образование. 2003. № 2.
3. Юрченко Е.В. Содержание и методы преодоления профессиональной деформации учителя в работе педагога – психолога. Уссурийск, 2000. С.181; Карев Б.А., Широков А.П. Взаимосвязь педагогических технологий и педагогических методов в высшем профессиональном образовании // Современная научная мысль. 2013. №3. С.175-181.
4. Сыманюк Э.Э. Психология профессионально обусловленных кризисов. Москва-Воронеж: изд-во МПСИ, 2004.
5. Сыманюк Э.Э. Психологические барьеры профессионального развития личности. М.: МПСИ, 2005. – 251с.
6. Бодров В.А., Обознов А.А., Турзин П.С. Информационный стресс в операторской деятельности // Психологический журнал. 1998. Т.19. №5. С.38-53.
7. Безносков С.П. Профессиональная деформация личности. СПб.: 2004.- 272с.
8. Карев Б.А., Мартынова Н.В. Проблема дифференциации образования и оптимизации высшей профессиональной школы // Современная научная мысль. 2013. №3. С.197-200.

КАРЕВ БОРИС АНАТОЛЬЕВИЧ – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой начертательной геометрии и инженерной графики ДВГУПС. Россия, Хабаровск (karevdok.27@mail.ru)

ПРОКОПЦЕВА НАДЕЖДА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин ДВЮИ МВД РФ, Россия, Хабаровск (azp_prokoptsev@mail.ru)

KAREV, BORIS ANATOLYEVICH – doctor of Pedagogy; professor; Head of the Chair of Descriptive Geometry and Engineering Graphics of Far East State Transport University. Russia, Khabarovsk

PROKOPTSEVA, NADEZHDA VLADIMIROVNA – PhD in Pedagogics, teacher of the Chair of Social-Humanitarian and Economic of Far East Law Institute of the Russian Ministry of Interior. Russia, Khabarovsk

УДК 378.14

**ЛИТВИНОВА Н.Б.
ВОЗМОЖНОСТИ НАЧЕРТАТЕЛЬНОЙ ГЕОМЕТРИИ
В РАЗВИТИИ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА**

Ключевые слова: развивающие возможности, образно-логическое мышление, пространственные представления, моделирование системы обучения, цели системы, управление, технологии реализации целей.

В статье представлен способ решения существующих противоречий в вузовской практике при изучении начертательной геометрии. Раскрываются возможности начертательной геометрии при подготовке будущего профессионала. Предлагается системный подход к моделированию образовательной системы, обеспечивающий развитие и саморазвитие будущих специалистов как субъектов профессиональной деятельности. Автор полагает, что научность, профессионализм в работе с материалом по начертательной геометрии, проявляющийся в умении видеть объекты в пространстве и движении, умение осуществить анализ изображения, прочесть его – все это зависит от уровня мотивации, которая в свою очередь, обусловлена постановкой мировоззренческой цели.

**LITVINOVA, N.B.
POSSIBILITIES OF DESCRIPTIVE GEOMETRY IN DEVELOPMENT
OF FUTURE EXPERT**

Keywords: the developing opportunities, figurative and logical thinking, spatial representations, modeling of system of training, the purposes of system, management, technologies of realization of purposes.

The way of the solution of the existing contradictions in high school practice when studying descriptive geometry is presented in article. Possibilities of descriptive geometry while training future professional are revealed. The system approach to modeling of educational system providing development and self-development of future experts as subjects of professional activity is offered. The author believes that scientific professionalism in handling the material on descriptive geometry, which is manifested in the ability to see objects in space and movement, the ability to analyze the image, read it - it all depends on the level of motivation, which in turn is due to staging ideological purpose.

Как показывают исследования, вузовская практика, сложившаяся система графического образования не обеспечивают с должной эффективностью ни

познавательную, ни развивающие функции начертательной геометрии. Начертательная геометрия часто воспринимается студентами как сложная дисциплина и вызывает значительные трудности в усвоении. Таким образом, возникают явные противоречия между требованиями к обучению начертательной геометрии, ее развивающими возможностями – с одной стороны, существующей практикой обучения – с другой.

Во многих исследованиях просматривается тенденция к развитию либо содержательно аспекта графических дисциплин, либо прикладной характер начертательной геометрии для решения задач геометрического моделирования не только абстрактных геометрических пространств, но и сложных объектов и процессов реального мира. И меньшее внимание уделено моделированию целевого взаимодействия всех участников образовательного пространства. По мнению Р.Ф. Абдеева [1], «информационное мировоззрение» стало основой совершенствования учебного процесса, что неизбежно требует не только изменения содержания предметных областей, но и нового, системного видения реальности.

Графические дисциплины дают и уникальные возможности для развития пространственных представлений человека, его образно-логического мышления, и позволяют решить задачи современного образования в техническом вузе на теоретической основе системного видения мира.

Начертательная геометрия содержит большие возможности для раскрытия и развития пространственно-образного мышления и восприятия мира. Она дает богатую информацию о многообразии форм и предметов окружающего мира, о трудностях и противоречиях культурно-исторического процесса. История развития графической культуры – это память народов, бережно передаваемая от поколения к поколению в виде знаний о передаче объемной информации. Такая информация может быть использована для реализации мировоззренческих целей с использованием пути их реализации через программный материал (А.И. Дулов [2]).

Выполнение различных заданий по начертательной геометрии дает студенту возможность мыслить средствами графики, что может служить основанием для развития пространственного мышления и воображения, активизировать творческое воображение. Кроме того, при выполнении заданий студентами, педагог предлагает использовать алгоритм управленческого решения: Анализ → Диагноз → Решение → Результат. Операция анализа (место теории в ситуации вопроса) способствует формированию опыта не только воспринимать и анализировать пространственные образы и чертежи, но и видеть противоречия и проблемы, связанные с мыслительной деятельностью. Снятие таких противоречий и разрешение проблем обуславливает развитие репродуктивного (теоретического, абстрактного, логического, системного) и творческого мышления. Операция диагноза позволяет установить образовательную цель и мотив деятельности при выполнении задания и разработать адекватную технологию. Выполнение операции решения зависит от цели, спрогнозированной в результате осуществления первых двух

операций. В любом случае, выполнение этой операции предполагает построение идеальной модели деятельности и перевод ее в реальную, что сопровождается применением операций разработанного алгоритма для выполнения задания. Завершает названный алгоритм операция подведения итогов и анализа полученного результата.

Система образования технического вуза рассматривается нами как синхронное взаимодействие систем обучения, воспитания и предметной области учебной дисциплины. Ее моделирование предполагает постановку целей и разработку адекватных им технологий. Необходимо определить цели образовательной системы на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях. Для постановки целей оперативного уровня и их реализации необходимо разработать технологии на базе предметной области начертательной геометрии.

В реальной педагогической практике системы подготовки будущих специалистов как субъектов саморазвития графического образования (на примере начертательной геометрии) необходимо обеспечение: освоения и применения студентами технологии целеполагания; осмысления, разработки и применения технологий, адекватных целям; овладения будущими специалистами технологией моделирования образовательной системы и управления взаимодействием ее составляющих, что способствует развитию их профессионально-управленческих способностей для организации деятельности на занятиях в вузе и экстраполяции полученного опыта в будущую профессиональную деятельность.

Чтобы разработка технологий была успешной, был проведен анализ программ начертательной геометрии, который позволил констатировать, что в ней отражен только предметный аспект образования, целевой же отсутствует, без чего невозможно планировать систему познания, формировать мыслительные операции у студентов, и нет возможности для овладения алгоритмом управления предстоящей деятельностью.

Таким образом, как показал анализ, при отсутствии в системе обучения оперативных целей нет возможности осуществить управление профессиональной подготовкой студентов, обеспечить развитие у выпускников графической культуры, как на уровне моделирования системы учения, так и на уровне отслеживания результатов. Ибо результат можно отследить при наличии целей и технологий их реализации, как при построении идеальной модели, так и при ее реализации (организация взаимодействия субъектов) в реальной педагогической практике.

Студент – это личность, находящаяся в соответствующем пространстве и времени, в котором она подвержена саморазвитию [3]. Развитие общества зависит от каждого его представителя, то есть от его обученности и воспитанности. Важен уровень готовности к овладению знаниями, опытом использования их в знакомых и неопределенных ситуациях; умением отделять доброе от злого, чтобы грамотно на общечеловеческих ценностях устанавливать межличностные отношения; быть готовым преодолевать

трудности. Все это позволит человеку жить комфортно в социальной системе (Н. А. Бердяев [4]).

Поэтому основная задача педагога на занятиях со студентами состоит в том, чтобы обеспечить понимание ими себя не как объектов воздействия, а как субъектов познания и поведения, чтобы в становлении субъектной позиции приобреталась устойчивая, сильная жизненная позиция.

Не менее важно развитие и саморазвитие у студентов мотивации к научному познанию. Четкое представление, что должен усвоить студент при изучении начертательной геометрии, направив свои энергетические силы на достижение положительного результата, чему способствует осмысление и постановка целей. Научность, профессионализм в работе с материалом по начертательной геометрии, проявляющийся в умении видеть объекты в пространстве и движении, умение осуществить анализ изображения, прочесть его – все это зависит от уровня мотивации, которая в свою очередь, обусловлена постановкой мировоззренческой цели [5].

Формирование нравственности, ответственности будущего специалиста является настоятельным требованием современного общества. Ответственность подразумевает под собой системное качество, которое является результатом отражения объективно необходимых взаимоотношений в обществе, «характеризующих обязанность личности осознанно выполнять предъявляемые требования, в соответствии с нравственным долгом и социальными нормами» (О. А. Шушерина [6]).

Решение всех обозначенных задач возможно с применением системного подхода к подготовке будущего специалиста.

Литература и источники

1. Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. М.: ВЛАДОС, 1984. 335 с.
2. Дулов А.И. О состоянии исследования проблем нравственного воспитания школьников // Вопросы нравственного воспитания учащихся. Вып. 4. / под ред. А.И. Дулова. Иркутск: Иркутский гос. пед. ин-т, 1971. С. 3-19.
3. См.: Карев Б.А., Чопова Н.В. Возможности становления профессионально значимых умений при изучении инженерной графики в техническом вузе // Современная научная мысль. 2013. №1. С.178-184.
4. Бердяев, Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. – 607 с.
4. Шушерина О.А. Формирование ответственности как профессионально значимых качеств студентов вуза. Дисс. ... докт. пед. наук. Красноярск, 1999. 239 с.
5. Карев Б.А., Литвинова Н.Б. Тесты как основа мобильного анализа сохраняемой модели содержания образования при изучении графических дисциплин (на примере изучения начертательной геометрии и инженерной графики в техническом вузе). М., 2009.

б. Карева Д.Ф., Дворянкина Е.К. Взаимодействие систем обучения и воспитания в вузовском образовании: монография / Изд.2-е, доп. и перераб. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2003. 252 с.

ЛИТВИНОВА НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА - доктор педагогических наук, профессор кафедры информационных технологий Хабаровского института инфокоммуникаций Сибирского университета телекоммуникаций и информатики

LITVINOVA, NATALYA B. - doctor of pedagogical sciences, professor of chair of information technologies Khabarovsk institute of infocommunication Siberian university of telecommunications and information sciences

УДК 37.026.7

ЛАБАШЕВА Н.А.
МОТИВАЦИОННАЯ СФЕРА УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СТУДЕНТОВ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОГО ФОРМИРОВАНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛА

Ключевые слова: мотивация, аффилиация, саморазвитие, деятельность, самореализация.

Статья рассматривает мотивы учебной деятельности, формирующие успешного профессионала, дает анализ и вырабатывает стратегию эффективного формирования лучших качеств профессионала. Автор полагает, что для студенческой молодежи зависимое положение фазы юности искусственно продлевается более длительными сроками обучения. То обстоятельство, что молодые люди с опозданием могут занять ответственный пост со всеми его трудностями, надеждами и опасениями, означает более позднее включение в сферу реальной профессиональной и социальной деятельности. Впоследствии это может привести к замедлению темпов профессионального, социального и психологического развития.

LABASHEVA, N.A.
MOTIVATIONAL SPHERE OF EDUCATIONAL ACTIVITY OF STUDENTS
AS THE FACTOR OF EFFECTIVE FORMATION PROFESSIONAL

Keywords: motivation, affiliation, self-development, activity, self-actualization.

This article examines the motives of educational activity, forming a successful professional, gives analysis and strategize effective formation of the best qualities of a professional. The author believes that for students dependent phase position of youth artificially extended over long periods of training. The fact that young people

are late may take a responsible position, with all its difficulties, hopes and fears, is a later inclusion in the scope of real professional and social activities. Subsequently, it could lead to a slowdown in the professional, social and psychological development.

Актуальность данной темы обусловлена наиболее сложным первым этапом вузовского периода. Он связан порою с коренной ломкой сложившихся представлений, привычек школьника, необходимостью менять и перестраивать свое поведение и деятельность, «входить» в новые условия.

Серьезного внимания заслуживает характеристика **мотивов учебной деятельности студентов**, так как они непосредственно влияют на качество профессиональной подготовки, на формирование личности профессионала. Назовем некоторые из них: познавательные, профессиональные, мотивы творческого достижения, широкие социальные мотивы,— с коллективистской направленностью и личной направленностью (мотив личного престижа, мотив сохранения и повышения статуса, мотив самореализации, мотив самоутверждения, материальные мотивы). Важным мотивационным фактором эффективности учебной деятельности студентов является **мотив достижения**.

Напомним, что потребность в достижениях переживается человеком как стремление к успеху, представляющему собой разницу между прошлым уровнем исполнения и настоящим уровнем, это соревнование с самим собой за успех, стремление к улучшению результатов любого дела, за которое берется человек. Она проявляется также в направленности на достижение дальних целей, в получении уникальных, оригинальных результатов как в продукте деятельности, так и в способах решения проблемы. Потребность в достижениях стимулирует **поиск** человеком таких **ситуаций**, в которых он мог бы испытывать удовлетворение от достижения успеха. Поскольку учебная ситуация (обычные занятия, зачет, экзамен и т.п.) содержит много возможностей для достижения более высокого уровня, то можно предположить, что лица с высокой потребностью в достижениях должны испытывать большее удовлетворение от учения, вкладывать больше усилий в учебный процесс, что приведет и к более высоким результатам в учении (К лучшей успеваемости студента).

Обратной стороной потребности в достижениях является **потребность в избегании неудач**.

Студенты с ярко выраженным стремлением избегания неудачи, как правило, обнаруживают низкую потребность в улучшении достигнутых результатов, предпочитают стандартные способы уникальным методам, боятся творчества. Потребность в избегании неудачи лежит в основе рутинного исполнения деятельности, в основе догматического следования инструкциям как в молодости, так и в дальнейшей жизни. Для студентов с преобладающим мотивом избегания неудачи характерна большая тревожность, неконструктивное отношение к учению (чаще проявляется защитная установка относительно учебной деятельности). Такие студенты учатся, как правило, не для того, чтобы получить удовлетворение учебными достижениями, а скорее

всего для того, чтобы избавиться от неприятностей, связанных именно с неуспехом. Естественно, что нужно всячески развивать, культивировать потребность в достижениях, поскольку она способствует не только состоянию удовлетворенности учением в вузе (или ином специальном учебном заведении), вызывает эффект облегчения учения, повышает эффективность в плане уменьшения затрат времени на достижение учебных целей и т.п., но и положительно влияет на формирование личности студента в целом, способствует личностному росту, максимальному использованию потенциальных возможностей в процессе определения собственного образа жизни и дальнейшей его реализации.

Большое место в молодости занимает общение. Учебная деятельность (аудиторные занятия прежде всего) проходит и группе, в среде однокурсников. В связи с этим анималисты (Орлов Ю.М., Творогом Н.Д- и др.) обращают внимание на важность мотива аффилиации. Под мотивом аффилиации принято понимать стремление человека к вступлению в общение с членами своего общества, стремление к созданию, сохранению и восстановлению положительных эмоциональных взаимоотношений с другими людьми.

Исследования мотива аффилиации у студентов медицинского вуза показали его существенное влияние на результаты учения. Выяснилось, например, что учиться на «отлично» студентам второго курса с высокой аффилиацией сложнее, чем студентам с низкой аффилиацией, поскольку общение (особенно интенсивное) приводит к большим затратам энергии и времени студентов. Однако на четвертом курсе учиться на «отлично» студентам с высокой аффилиацией легче, чем студентам с низкой аффилиацией, так как старшекурсники уже приобрели технику общения и процесс активного общения не мешает, а помогает учению. Если обнаруживаются препятствия (реальные или даже предполагаемые) в удовлетворении потребности в аффилиации, то это может привести к увеличению у студента психоэмоционального напряжения и тревоги, к возникновению состояния фрустрации, депрессии и т.п. Обнаружилось, например, что среди лиц с высокой потребностью в аффилиации и низким социометрическим статусом в группе довольно высокая частота психосоматических заболеваний. Итак, потребность в общении, мотив аффилиации существенно влияет на учебную деятельность студентов, либо затрудняя ее, либо улучшая, вызывая удовлетворенность учением.

Потребность в самоутверждении, зародившаяся в отрочестве, интенсивно продолжает развиваться в молодости. Мотивы самоутверждения (доминирования) проявляются в стремлении человека влиять на других людей, контролировать их поведение, быть авторитетным, убеждать. Они проявляются в стремлении доказать истину другим, быть победителем в споре, навязать другим свои взгляды, вкусы, стиль и моды, решение проблем. В студенческой учебной деятельности эта потребность повышает удовлетворенность учением, вызывает облегчение процесса учения, повышает ответственность в отношении к нему. Мотив доминирования повышает эффективность учебной деятельности,

особенно тогда, когда вносится элемент соревновательности, а также тогда, когда он сочетается с мотивом достижения.

Одним из адекватных мотивов учения (в том числе и студентов) является познавательная потребность. Она проявляется в том, что человек стремится расширить опыт, знания, упорядочить то и другое, стремится быть компетентным, развивает способность свободного оперирования знаниями, фактами, стремится понимать существо проблемы, вопроса, систематизирует опыт посредством умственных действий, стремится создавать логически непротиворечивую и обоснованную картину мира.

Познавательная потребность в сочетании с мотивом достижения оказывает очень сильное влияние на повышение успеваемости, создает глубокую удовлетворенность учением в вузе (или ином специальном учебном заведении).

Время учебы в вузе можно условно разделить на два основных этапа: этап младших курсов, когда происходит адаптация молодого студента к учебному заведению, к деятельности в условиях вуза, и этап старших курсов (обычно начиная с третьего) — основной этап профессионального самоопределения студента как будущего специалиста.

Наиболее сложным является первый этап вузовского периода. Он связан порою с коренной ломкой сложившихся представлений, привычек школьника, необходимостью менять и перестраивать свое поведение и деятельность, «входить» в новые условия. Наибольший отсев из вуза бывает именно в этот период. И поскольку студент еще не участвует в решении реальных задач, возникающих в условиях производства (в том числе и в условиях педагогического труда), то главной и вполне осмысленной его целью становится овладение способами и приемами учебной деятельности, приобретение необходимой системы фундаментальных знаний, овладение социальным статусом студента. У студентов младших курсов отношение к будущей профессии не носит еще выраженного характера и соответственно мало влияет на их успеваемость. Постепенно с приобретением профессиональных знаний студенты глубже осмысливают тонкости своей будущей специальности, у них формируется определенное отношение к будущей трудовой деятельности. У многих студентов, достигших достаточно высокого уровня социальной зрелости, наступает пора выраженного профессионального самоопределения. Главными признаками этого являются осмысленная и твердая готовность к активной самостоятельной деятельности по выбранной специальности, стремление постоянно совершенствоваться в ней.

Наряду с анализом динамики профессионального самоопределения студента существенную роль для понимания процесса формирования его личности играет анализ **противоречий, присущих студенческому возрасту.**

1. Социально-психологические. Это противоречия между расцветом физических и интеллектуальных сил студента и строгим лимитом времени, имеющихся экономических возможностей для удовлетворения возросших потребностей. Противоречия между результатами деятельности студента,

проявившимися у него (у нес) индивидуально-психологическими свойствами и складывающимися и группе межличностными отношениями, отношением окружающих сокурсников к личности. К группе социально-психологических противоречий могут быть отнесены и противоречия адаптационного процесса: между новыми для студента требованиями, условиями и сложившимися у него до вуза стереотипами поведения.

2. Противоречия между стремлением к самостоятельности в отборе знания, способах их приобретения и довольно жесткими формами и методами подготовки специалиста определенного профиля. Эти противоречия имеют дидактический характер и могут порождать неудовлетворенность студентов и преподавателей результатами учебного процесса.

3. Противоречия между поступающим через различные источники огромным количеством информации, расширяющей знания студентов, и имеющимся ограниченным временем для ее осмысления. Эти противоречия могут привести к поверхностности в знаниях и мышлении студентов.

При всем многообразии моделей подготовки учащихся и студентов в учебных заведениях разного уровня всегда необходимо помнить о некоторой выходной модели, которая характеризует образ личности специалиста в соответствии с потребностями современного общества и производства. Под моделью личности специалиста принято понимать «совокупность обобщенных качеств, которыми должен обладать специалист данного профиля для успешного решения всех задач, возникающих в условиях производственной деятельности, а также для саморазвития и самосовершенствования».

В период молодости (18—25—30) деятельность человека достигает значительного прогресса в общественной, производственной и личной сферах. Наибольшее количество заключаемых браков приходится на период от 22 до 25 лет. Молодости присущ оптимизм: человек уже начал действовать в плане осуществления своих идеалов и жизненных целей, он трудится над утверждением своего человеческого предназначения. Бывают, конечно, и трудности, но они не кажутся непреодолимыми. Минуты отчаяния, сомнения, неуверенности кратковременны и проходят в бурном потоке жизни, в процессе освоения все новых и новых возможностей. Главная цель молодости состоит в реализации возможностей саморазвития человека.

Вместе с тем именно в молодости имеются серьезные проблемы с развитием самосознания. Как отмечал Б.Г. Ананьев, наступление зрелости человека как индивида (физическая зрелость) и личности (гражданская зрелость) не совпадают во времени (гетерохрония). Самосознание, которое полвека назад уже развивалось к 17-19 годам, формируется в настоящее время к 23—25 годам. Затягивающийся период учебы приводит некоторых молодых людей к безответственному инфантилизму. Поздно вступая на стезю собственной трудовой жизни, они долго остаются иждивенцами родителей, склонны к пустому времяпрепровождению и т.п.

Найти спутника жизни, обустроить собственное жилье, начать первую фазу профессиональной жизни — все это спроецированные вовне внутренние психологические устремления и задачи. Создание личной физической и социально-психологической среды требует от молодых людей много энергии и напряжения, но приносит также и большое удовлетворение.

Первое место работы или вступление в профессию являются также большим творческим (1) достижением в общественной сфере. Здесь важно признание других, без получения которого невозможно профессиональное и социальное развитие. Как образно пишет *Б.Ливехуд*, первая должность — это лишь стремя, с помощью которого садятся в седло; только вступив в должность, можно доказать свои способности.

На этой стадии развития молодой человек должен стремиться быть творческой личностью в конкретных ситуациях общения, научиться строить свои социальные отношения по-взрослому.

Для студенческой молодежи зависимое положение фазы юности искусственно продлевается более длительными сроками обучения. То обстоятельство, что молодые люди с опозданием могут занять ответственный пост со всеми его трудностями, надеждами и опасениями, означает более позднее включение в сферу реальной профессиональной и социальной деятельности. Впоследствии это может привести к замедлению темпов профессионального, социального и психологического развития.

Литература и источники

1. Крайг Г. Психология развития. СПб, 2000.
2. Практикум по возрастной психологии: Учеб. Пособие / Под ред. Л.А. Головей, Е.Ф. Рыбалко. СПб: Речь, 2002.
3. Кон И.С. Психология ранней юности. М., 1989.
4. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. М., 2004.
5. Головаха Е.И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. Киев, 1988.
6. Пряжников Н.С. Методы активизации профессионального и личностного самоопределения. М.-Воронеж, 2002.
7. Лабашева Н.А. Дидактические предпосылки разработки системы профессионально направленного обучения иностранному языку // Современная научная мысль. 2012. №1. С.178-182.
8. Лабашева Н.А. Проектирование профессионально ориентированного обучения иноязычному речевому общению студентов юридических вузов. Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Воронеж, 2003.
9. Лабашева Н.А. Дидактические предпосылки разработки системы профессионально направленного обучения иностранному языку // Современная научная мысль. 2012. №1. С.174-177.

10. Карев Б.А., Широков А.П. Взаимосвязь педагогических технологий и педагогических методов в высшем профессиональном образовании // Современная научная мысль. 2013. №3. С.175-181.

11. Карев Б.А., Чопова Н.В. Возможности становления профессионально значимых умений при изучении инженерной графики в техническом вузе // Современная научная мысль. 2013. №2. С.178-184.

ЛАБАШЕВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА - кандидат педагогических наук, доцент кафедры языкознания и иностранных языков ФГБОУВПО СКФ РАП (тел.:+7(967)6532727)

LABASHEVA, NATALIA A. - candidate of pedagogical sciences Associate Professor, Department of Linguistics and Foreign Languages FSBEIHPE NCB RAJ Tel.: + 7 (967) 6532727

УДК 37.013.77

**ВАКУЛЕНКОВА М.В., ЛАБАШЕВА Н.А.
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В СИСТЕМЕ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ**

Ключевые слова: мотивация, аффилиация, саморазвитие, деятельность, самореализация.

В статье рассматриваются мотивы учебной деятельности, формирующие успешного профессионала, дается анализ и вырабатывается стратегия эффективного формирования лучших качеств профессионала. Показано, что способность к овладению природой не проходит бесследно для человека в одном очень важном отношении: человек учится также овладевать собственной психикой. Так появляются произвольные формы деятельности, или высшие психические функции. Ставя и реализуя внешние цели, человек с какого-то момента начинает ставить и осуществлять внутренние цели, то есть научается управлять собой. В то же время прогресс в самоорганизации помогает более эффективно решать внешние задачи.

**VAKULENKOVA, M.V., LABASHEVA, N.A.
PSYCHO-PEDAGOGICAL ASPECT IN THE FUNCTIONING OF
EDUCATIONAL INSTITUTIONS**

Keywords: motivation, affiliation, self-development, activity, self-actualization.

This article provides an analysis and examines the motives of educational activity, forming a successful professional, gives analysis and strategize effective formation of the best qualities of a professional. It is shown that the ability to master nature does

not pass in vain for a man in one very important respect: as a person learns to master his own psyche. So there are arbitrary forms of activity, or the higher mental functions. Gambling and realizing external objectives, a man with a certain point begins to set and implement internal goals, that is, learn to govern themselves. At the same time, progress in self-help to more effectively address the external challenges.

В философском плане Выготский опирается на мысль, неоднократно высказывавшуюся классиками марксизма, о том, что при переходе от животных к человеку произошло кардинальное изменение взаимоотношений субъекта с окружающей средой.

На протяжении всего существования животного мира среда действовала на животное и видоизменяла его; животное приспособлялось к среде, и это обусловило биологическую эволюцию животного мира. Появление человека ознаменовано началом иного, противоположного процесса: человек начал действовать на природу и видоизменять ее.

Как известно, классики марксизма в этом процессе выделяли прежде всего его орудийный характер, опосредованность деятельности орудиями. У Выготского возникла гипотеза: нельзя ли найти в психических процессах человека элемент опосредованности своеобразными психологическими орудиями?

Способность к овладению природой не проходит бесследно для человека в одном очень важном отношении: человек учится также овладевать собственной психикой. Так появляются произвольные формы деятельности, или высшие психические функции.

Давайте посмотрим, каким образом появление высших психических функций связано с овладением природой? По мнению Выготского, здесь имеет место двусторонняя связь: указанные изменения в психике человека выступают одновременно и как следствие его измененных отношений с природой, и как фактор, который обеспечивает эти изменения. Ведь если жизнедеятельность человека сводится не к приспособлению к природе, а к изменению ее, то его действия должны совершаться по какому-то плану, подчиняться каким-то целям. Ставя и реализуя внешние цели, человек с какого-то момента начинает ставить и осуществлять внутренние цели, то есть научается управлять собой. Таким образом, первый процесс стимулирует второй. В то же время прогресс в самоорганизации помогает более эффективно решать внешние задачи. Следовательно, овладение природой и овладение собственным поведением — параллельно идущие процессы, которые глубоко взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Итак, подобно тому, как человек овладевает природой с помощью орудий, он овладевает собственным поведением также с помощью орудий, но только орудий особого рода — психологических.

Что же это за психологические орудия?

По мысли Выготского, в психических процессах человека следует различать два уровня: первый — это разум, «предоставленный самому себе»;

второй — это разум (психический процесс), вооруженный орудиями и вспомогательными средствами. Точно так же следует различать два уровня практической деятельности: первый — это «голая рука», второй — рука, вооруженная орудиями и вспомогательными средствами (здесь Выготский опирается на Фрэнсиса Бэкона). При этом как в практической, так и в психической сфере человека решающее значение имеет именно второй, орудийный, уровень.

В области психических явлений первый уровень Выготский назвал уровнем «натуральных», а второй — уровнем «культурных» психических процессов.

«Культурный» процесс — это «натуральный» процесс, опосредованный своеобразными психологическими орудиями и вспомогательными средствами.

Что такое психологические орудия? Краткий ответ Выготского: это знаки. *Знак является психологическим орудием овладения собственной памятью. Человек овладевает собственным поведением с помощью психологических орудий, знаков.*

Пояснить это можно на примере произвольной памяти.

Предположим, перед субъектом стоит задача запомнить какое-то содержание, и он с помощью специального приема это делает. Человек запоминает иначе, чем животное. Животное запоминает непосредственно и произвольно. У человека запоминание оказывается специально организованным действием. Каково содержание этого действия?

Рассмотрим вслед за Выготским такой распространенный прием, как завязывание узелка «на память»: человеку надо что-то вспомнить спустя некоторое время; он завязывает на платке узелок и, снова увидев его, вспоминает о запланированном деле. Или ставит крестик на руке.

Эти примеры настолько банальны, что, кажется, в нем невозможно обнаружить никакого глубинного содержания. Выготский усмотрел в нем принципиально новую структуру психических функций человека.

Данный пример весьма типичен. Анализ этнографического материала обнаруживает, что аналогичные способы запоминания широко практикуются у отсталых племен, не имеющих письменности. Исторические материалы свидетельствуют о том же: у разных народов в далеком прошлом подобным образом использовались для запоминания разные средства. В одних случаях это были зарубки на дереве и кости разных форм и сочетаний, в других — узелковая знаковая система, достигшая исключительной сложности, например, у инков.

Во всех перечисленных случаях для запоминания используются внешние средства — это знаки какого-то содержания. Иногда такие средства просты, иногда — весьма дифференцированы и представляют собой зачатки письменности. Но эти различия не существенны. Главное и общее состоит в том, что подобные средства-знаки фактом своего появления и использования порождают новую структуру запоминания как психического процесса.

Согласно марксистской концепции общение в процессе трудовой деятельности породило речь. Первые слова обеспечивали организацию совместных действий. Это были слова-указания, обращенные к другому и направляющие его действия. Потом произошло принципиально важное событие: человек стал обращать слова-указания, слова-приказы на самого себя. Из внешней командной функции слова родилась его внутренняя организующая функция.

Итак, возможность приказывать себе рождалась в процессе культурного развития человека из внешних отношений приказа-подчинения. Сначала функции приказывающего и исполнителя были разделены и весь процесс, по выражению Выготского, был интерпсихологическим, то есть межличностным. Затем эти же отношения превратились в отношения с самим собой, то есть в интропсихологические.

Такое превращение Выготский назвал процессом интериоризации. В ходе этого процесса происходит превращение внешних средств-знаков (зарубки, узелки, громко произнесенное слово) во внутренние (образ, элемент внутренней речи и т.п.).

Интериоризация представляет собой процесс превращения внешних функций во внутренние.

В онтогенезе наблюдается принципиально то же самое. Выготский выделил здесь следующие стадии интериоризации:

- взрослый действует словом на ребенка, побуждая его что-то сделать;
- ребенок перенимает от взрослого способ обращения и начинает воздействовать словом на взрослого;
- ребенок начинает воздействовать словом на самого себя.

Таким образом интериндивидуальные отношения превращаются в интроиндивидуальные акты самоуправления. При этом психологические орудия из внешней формы переходят во внутреннюю, то есть становятся умственными средствами.

Если посмотреть в целом на ситуации индивидуального развития детеныша животного и ребенка, то можно увидеть их существенные различия по целому ряду параметров.

Будущее поведение животного в своих главных чертах генетически запрограммировано. Индивидуальное научение обеспечивает лишь адаптацию генетических программ к конкретным условиям обитания. В отличие от этого, человеческое поведение генетически не предопределено. Так, выросший вне социальной среды ребенок не только не научается говорить, но даже не осваивает прямохождение. Ребенок в момент рождения, по меткому выражению Анри Пьерона, еще не человек, а только «кандидат в человеки».

Это связано с одним важным обстоятельством: видовой опыт человека зафиксирован во внешней форме — во всей совокупности предметов материальной и духовной культуры. И каждый человек может стать представителем своего вида — вида *homo sapiens*, только если он усвоит (в

определенном объеме) и воспроизведет в себе этот опыт. *Высшие психические функции от натуральных отличаются по свойствам (произвольные), по строению (опосредованные), по происхождению (социальные).*

Таким образом, усвоение, или присвоение общественно-исторического опыта есть специфически человеческий путь онтогенеза, полностью отсутствующий у животных. Отсюда обучение и воспитание — это общественно выработанные способы передачи человеческого опыта.

Литература и источники

1. Крайг Г. Психология развития. СПб, 2000.
2. Практикум по возрастной психологии: Учеб. Пособие / Под ред. Л.А. Головей, Е.Ф. Рыбалко. СПб: Речь, 2002.
3. Кон И.С. Психология ранней юности. М., 1989.
4. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. М., 2004.
5. Головаха Е.И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. Киев, 1988.
6. Пряжников Н.С. Методы активизации профессионального и личностного самоопределения. М.-Воронеж, 2002.
7. Лабашева Н.А. Проектирование профессионально ориентированного обучения иноязычному речевому общению студентов юридических вузов. М.-Воронеж, 2003.
8. Карев Б.А., Мартынова Н.В. Проблема дифференциации образования и оптимизации высшей профессиональной школы // Современная научная мысль. 2013. №3. С.197-200.

ВАКУЛЕНКОВА М.В. - кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой естественно - научных и математических дисциплин ФГБОУ ВПО «Адыгейского Государственного Университета» филиала в г. Белореченске (тел. +7(918) 415-08-34)

ЛАБАШЕВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА - кандидат педагогических наук, доцент кафедры языкознания и иностранных языков ФГБОУ ВПО СКФ РАП Тел.:+7(967)6532727

VAKULENKOVA, M.V. - Ph.D., Associate Professor, Head Chair of naturally - scientific and mathematical disciplines VPO "Adygei State University" branch in Belorechensk E-mail: Tel. +7 (918) 415-08-34

LABASHEVA NATALIA - Ph.D., Associate Professor, Department of Linguistics and Foreign Languages FSBEI NCB RAJ Tel.: + 7 (967) 6532727
